

Воронежский государственный университет
Воронежский институт повышения квалификации
и переподготовки работников образования

Воронежская риторическая ассоциация
Воронежская психолингвистическая ассоциация
Межрегиональный
Центр коммуникативных исследований ВГУ

Культура общения и её формирование

Вып. 13

Научное издание

Воронеж
2004

Тринадцатый выпуск межвузовского научного сборника «Культура общения и её формирование» включает материалы, отражающие доклады и сообщения, сделанные на очередной ежегодной региональной научно-методической конференции «Культура общения и её формирование» (Воронеж, 19-20 апреля 2004 г.) и результаты разработок в области речевого воздействия, коммуникативного поведения, риторики, культуры общения, культуры русской речи, современных тенденций развития русского языка, проведенных членами Воронежской риторической ассоциации, Воронежской психолингвистической ассоциации, Межрегионального центра коммуникативных исследований ВГУ в течение 2003 г.

Для учителей русского языка, культуры общения, риторики, делового общения, преподавателей вузов, всех интересующихся проблемами речевого воздействия и культуры общения.

Составитель и научный редактор - И.А.Стернин

Компьютерная верстка и оригинал-макет
- И.А.Стернин

©Коллектив авторов, 2003
Издательство «Истоки», 2003

ISBN

Язык и национальное сознание

Д.А. Романов
Тула

Эмоциональная аксиология россиян (ассоциативное поле через призму фоносемантики)

Принципы и закономерности культуры человеческого общения во многом определяются ценностными ориентирами участников коммуникации. «Русский ассоциативный словарь» (РАС) [1994-1998] дает чрезвычайно интересную информацию о качественно-количественном составе и структуре ценностей в сознании россиян рубежа XX – XXI вв. Весьма показательным в этом отношении является поле эмоций, представленное в системах «от стимула к реакции» и «от реакции к стимулу», содержащих сведения, актуальные для начала (первая серия словаря), середины (вторая серия) и конца (третья серия) 90-х годов XX века.

Стимульный ряд, состоявший в начале 90-х гг. из 1275 стимулов, на середину 90-х гг. представлен уже 2685 стимулами, т.е. расширяется в перспективе его изучения. Особенно значимо то, что данные РАСа составлялись на основании массового опроса респондентов-россиян, преимущественно студентов разнопрофильных вузов, с последующей обработкой в компьютерной программе по подсчету частотности выбора, т. е. содержат вполне реальную, а не лингвистически «дистиллированную» информацию о сознании носителей языка, в котором, бесспорно, важное место занимают эмоции. Ценностная же сущность эмоций в общении не вызывает сомнения: существует отдельная, вполне убедительная научная концепция (одна из нескольких подобных), трактующая эмоции в аксиологическом плане (Додонов 1978).

Следует отметить, что отечественная лексикография имеет опыт составления ассоциативного словаря: в 1977 г. был осуществлен проект издания «Словаря ассоциативных норм русского языка» (под ред. А.А. Леонтьева). Однако словарь 1977 г. весьма скромен и по объему словарника, и по полноте набора ассоциативных реакций, и по способам обработки полученных методом опроса материалов. К тому же, к концу 90-х гг. ассоциативные нормы, представленные в этом словаре, без сомнения, значительно устарели. Правда, некоторые данные «Словаря ассоциативных норм русского языка» (САН) могут быть сопоставлены со статьями из РАСа в плане динамики ассоциаций

и расширения границ их изучения. Недаром авторы широкомасштабной программы изучения ассоциаций в аннотации к РАСу справедливо замечают, что изменения в ассоциативных реакциях наших соотечественников дают «богатые свидетельства динамичной жизни языка, в которой органично переплетаются глубокие исторические традиции его развития с самыми последними новациями, вызванными изменениями в реалиях нашего быта» (РАС, с.2).

Лингвистическое изучение ассоциаций позволяет смоделировать сознание человека определенной нации на конкретном историческом этапе. В программе исследования РАСа уточняется, что фиксация лексических ассоциативных рядов, возникающих в сознании русских людей середины 90-х гг. ХХ века, позволяет выявить «особенности их менталитета и черты национального характера...», проникнуть в социально-историческую память и сознание носителей русского языка и получить ответ на вопрос: «Как мыслят русские в современной России?» (РАС, с.2).

Таким образом, лексические ассоциации имеют выход на собственно психологическую, социально-историческую, лингвистическую и аксиологическую проблематику, а также непосредственно, но чаще – опосредованно, расширяют знания в области менее традиционных лингвистических направлений, - например, психолингвистики эмоциональных репрезентаций или фоносемантики, составляющих предмет нашего интереса.

Ассоциация – психологическое явление интегративного порядка, т.е. в его состав входят многочисленные частотные психологические контаминации, в том числе и синестезия. Общность самого психологического механизма их возникновения естественным образом дает возможность искать связи лингвистических исследований в области ассоциаций с психолингвистикой эмоций. Например, эмоционально-семантические параметры звуков русского языка как ведущие в составе фонетического значения (Романов, 1998) отражаются в ассоциативных лексических рядах. Это значит, что слово-стимул рождает в сознании носителей языка слова-ассоциаты в том числе и с учетом их эмоциональной звуковой семантики, что можно выявить, анализируя фонетический состав слов-реакций, составляющих ассоциативный ряд. Именно это и является в данной части работы нашей целью.

Однако изучить звуковой облик всех ассоциатов на каждый из 2685 стимулов не представляется возможным в силу их астрономического объема. Следовательно, нужно отобрать только те стимулы, которые

являются наиболее важными для выявления эмоционально-семантических параметров русских звуков. Логика общности психологического механизма возникновения ассоциативных и синестетических связей (и вхождение синестезии в состав ассоциаций как части в целое) подсказала возможность проявления фонетического значения в ассоциативных словесных рядах. Та же логика помогает ограничить и круг исследуемых для вышеназванных целей стимулов.

Ассоциативных рядов к эмоциональным словам-стимулам, называющим модальности по принятой нами типологии (Романов, 2001), РАС насчитывает 9: *удивление, интерес, любовь, счастье, радость, страх, горе, вина, отвращение*, еще 5 рядов ассоциаций – на слова, родственные эмоциям, отсутствующим в стимулах, а также на семантически близкие им понятия: *удовлетворение* (близко удовольствию), *страдать* (родственно страданию), *стыдно* (от «стыда»), *пренебречь* (родственно пренебрежению), *решительный* (родственно решимости). В РАСе отсутствуют 5 лексических ассоциативных реакций на эмоциональные слова-стимулы (и семантически близкие им понятия): *застенчивость, презрение, гнев, тревога, ярость, омерзение*. Значит, могут быть проанализированы, с точки зрения эмоциональной фоносемантики, 14 ассоциативных рядов из 20 возможных (т.е. 70% всех эмоциональных ситуаций). Это довольно значительный показатель, если принять во внимание, что в САНе эмоциональных слов-стимулов всего 2: стимул-эмоция – «любовь» и эмоциональная производная – «интересный» (от «интерес»), т.е. в нем представлено лишь 10% возможных эмоциональных ситуаций.

Анализ звукового облика слов-ассоциатов к названиям эмоций можно начать с рядов, относящихся к стимулу «любовь», имеющемуся как в РАСе, так и в САНе. Оговоримся, что приводить весь ассоциативный ряд мы не имеем возможности, во-первых, из-за его обширности, а во-вторых, потому, что фонетически значимыми являются лишь ассоциаты, данные несколькими респондентами – хотя бы тремя. Единичные же слова-реакции, составляющие большую часть ассоциативного ряда, со значительной степенью вероятности случайны или, во всяком случае, менее показательны.

Ассоциативный ряд к эмоции любовь (факторные признаки: удовольствие, принятие, пассивность) из САНа выглядит так: «ненависть 15, дружба 13, большая, верная 12, до гроба, жизнь 6, моя, смерть, чувство 4, взаимная, до конца, злая, кольцо, сердце, счастье 3» (САН, с.1150. Аналогичный ряд из РАСа следующий: «с первого взгляда 9, до гроба 8, чувство 5, зла, счастье 3» (РАС, с.87). Как

закономерность, нужно отметить меньшее количество и разнообразие ассоциаций в РАСе, что свидетельствует об узости ассоциативного поля носителей русского языка 90-х гг. ХХ века по сравнению с 70-ми гг. Их сознание закомплексовано и заформализовано штампами средств массовой информации, распространенными присловиями сниженной стилистической окраски и т.д. Из пяти самых частотных ассоциаций в РАСе целых 3 штампа: любовь – «с первого взгляда» (по названию телевизионной передачи и словесному клише), «до гроба», «зла» (по устойчивым речевым оборотам). В САНе количество ассоциаций к этому слову в 3 раза больше, и из них лишь один штамп – «до гроба».

Звуковой состав обоих рядов, с фоносемантической точки зрения, приблизительно идентичен (при учете трехкратной разницы в количестве ассоциатов). Звуки, имеющие отчетливые собственно эмоциональные характеристики, представлены следующим образом:

	а	л	л'	м'
РАС	4	1	1	0
САН	10	1	2	1

Нужно отметить большое содержание звука [а] как адресно характеризующего эмоцию «любовь». Для сравнения укажем, что в ассоциативных рядах РАСа к стимулам «пренебречь» и «отвращение», по факторным признакам противоположным этой эмоции, звук [а] представлен значительно меньше: соответственно 2 (на 7 ассоциатов) и 1 (на 4 ассоциата).

Дальнейший анализ осуществляется исключительно по РАСу, т.к. лишь в нем имеются ассоциативные ряды к другим эмоциям. Приведем их с уже оговоренными сокращениями (частотность выбора не менее трех):

Принятие, удовольствие, активность

1/ удивление: большое 9, сильное 6, восторг 5, восхищение 4, выразить, искренне, радость, испуг, на лице 3 (4; 184);

2/ интерес: большой 10, ко всему, нездоровый 4, к книге, сильный 3 (4; 69);

3/ решительный: человек 20, шаг 8, парень 7, поступок 5, ответ, удар, смелый 4, мужик 3 (4; 150);

Принятие, удовольствие, пассивность

4/ счастье: мое 7, большое, любовь 6, близко, в деньгах, в жизни, жизнь 3 (4; 173);

5/ радость: большая 8, горе, счастье 5, встречи, моя, улыбка 3 (4; 146);

6/ удовлетворение: полное 9, желаний, получить 7, половое 5, желания 4, наслаждение, от жизни, счастье 3 (4; 184)

Принятие, неудовольствие, пассивность

7/ страх: ужас 7, Божий, смерти 5, животный, испуг 4, большой 3 (4; 171);

8/ горе: от ума 17, луковое 13, не беда 7, большое, мне 5, беда, горькое, печаль 3 (4; 46);

9/ страдать: от любви 8, плакать 4, бессонницей, любить, от боли 3 (4; 171);

10/ стыдно: сказать 10, признаться, смотреть, стало 6, красный 5, за себя, краснеть 4, говорить, когда видно 3 (4; 172);

11/ вины: моя 8, вино, не моя, нет 5, твоя, человека 4 (4; 35)

Отталкивание, неудовольствие, активность

12/ пренебречь: советом 12, мнением 7, опасностью, чем-то 4, забыть, обстоятельствами, собой 3 (4; 138);

Отталкивание, неудовольствие, пассивность

13/ отвращение: к еде 9, ко всему, неприязнь 4, брезгливость 3 (4; 118).

Проследим присутствие в ассоциативных рядах основных звуков, имеющих непосредственные эмоциональные характеристики (об их составе см.: Романов, 1998). Это удобно сделать с помощью таблицы (см. таблицу № 1).

Звук [р] исключен из списка ввиду отсутствия ассоциативных рядов к его адресным эмоциям: гнев, ярость. Ассоциативные ряды к словам: стыдно, вина, пренебречь, страх, горе, решительный, удовлетворение, страдать – не анализируются из-за отсутствия сведений о звуках, адресно характеризующих эти эмоции; ассоциативный ряд к слову «любовь» проанализирован ранее.

Для сопоставления между собой данных рядов с разным количеством ассоциатов выразим абсолютные цифровые содержания звуков в количестве на один ассоциат (для этого разделим абсолютное количество каждого из звуков на число ассоциатов в ряду). Данные приведем в аналогичной таблице (см. таблицу № 2). Таблица наглядно показывает, что для 11 звуков из 17, т.е. для 65%, данные ассоциативных рядов совпадают с результатами, полученными в ходе предшествующих исследований. Звуки [а], [л], [л'], [м], [м'], [о], [у], [и] преобладают в лексических ассоциациях на эмоции с факторными признаками: принятие, удовольствие; из них гласные [о], [у], [и] – характерны активным эмоциям, остальные звуки – пассивным

эмоциям. Звуки [з], [г], [ф] более свойственны лексическим ассоциациям на эмоции отталкивания, неудовольствия. Для шести звуков [э], [ы], [ж], [ш], [б], [х] - данные не подтверждаются, но подавляющая часть из них ([ы], [х], [ж], [ф]) в большинстве рядов (4 – 5 из 6-ти) представлены нулями, т.е. их эмоциональная значимость не выявима в приведенных ассоциативных рядах.

Теперь охарактеризуем проявление звуков различных акустических групп в ассоциативных реакциях на эмоции-стимулы с одинаковыми факторными признаками.

Принятие, удовольствие, активность. В каждой эмоции отметим только самые показательные черты звукового облика ассоциатов. Удивление: ассоциативному ряду свойственно относительное преобладание вокальных (4 на 1 ассоциат) и неконсонантных (3 на 1 ассоциат) звуков. Сравнительно мало прерванных (1,3 на 1 ассоциат) и глухих (1,9 на 1 ассоциат) звуков. Интерес: прерванных звуков еще меньше (1,2 на 1 ассоциат); резкий звук всего 1 на 5 ассоциатов. Отэмоциональный стимул *решительный* отличается относительным преобладанием звонких звуков (1,6 звука на 1 ассоциат).

Принятие, удовольствие, пассивность. Эмоции: любовь, счастье, радость. Относительно мало глухих звуков (в целом – 0,3 звука на 1 ассоциат), а также резких: в ряду «счастье» они вообще отсутствуют; сравнительно немного прерванных («счастье»: 0,3 звука на 1 ассоциат).

Принятие, неудовольствие, пассивность. Эмоции: страх, горе, страдать, стыдно. Ассоциативные ряды этих эмоций и отэмоциональных производных лишены четкой звуковой характеристики. Можно лишь отметить преобладание звуков низкой тональности (за счет носовых), а также бемольных («страх»: 1,33 звука на 1 ассоциат; «горе»: 1 звук на 1 ассоциат).

Отталкивание, неудовольствие, активность. Отэмоциональному образованию *пренебречь* характерно следующее: в реакциях-ассоциатах преобладают консонантные (4,9 звука на 1 ассоциат), глухие (2,1 звука на 1 ассоциат), прерванные (1,1 звука на 1 ассоциат) звуки. Вокальных звуков значительно меньше, чем в ассоциатах на эмоции принятия и удовольствия (около 3 звуков на 1 ассоциат).

Отталкивание, неудовольствие, пассивность. Ассоциативный ряд эмоции *отвержение* характеризуется преобладанием двух акустических групп звуков: консонантных (5,1 звука на 1 ассоциат) и прерванных звуков (2 звука на 1 ассоциат).

Таким образом, вокальные, неконсонантные, непрерывные, нерезкие и звонкие звуки характерны ассоциатам на эмоции с

факторными признаками: принятие, удовольствие и чаще – активность. Невокальные, консонантные, прерванные, резкие и глухие звуки – для ассоциативных рядов на эмоции отталкивания, неудовольствия, чаще – пассивности. Эти фонетические значения наиболее отчетливы. Менее четкая связь в ассоциативных лексических рядах между звуками низкой тональности и эмоциями факторных признаков: неудовольствие и пассивность; эти же эмоции, вероятно, коррелируют с бемольными звуками.

Следовательно, лексические ассоциативные ряды к эмоциональным словам, приведенные в РАСе середины 90-х годов, в целом дают дополнительное подтверждение теории эмоционально-семантических параметров фонетической системы современного русского языка. Звуковой облик фразы, таким образом, несет эмоциональную информацию, что должно учитываться говорящим в коммуникативном акте с целью повышения эффективности речевого воздействия на собеседника или аудиторию.

Додонов Б.И. Эмоция как ценность. – М., 1978.

Романов Д.А. Эмоционально-семантические параметры фонетической системы современного русского языка. АКД. – Новгород, 1998.

Романов Д.А. Классификация эмоций для их лингвистического изучения в свете новейших нейропсихологических данных. // Сборник научных трудов ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – Тула, 2001. – С. 189-190.

Русский ассоциативный словарь. Книги 1-6. – М., 1994 – 1998.

Словарь ассоциативных норм русского языка. – М., 1977.

Таблица № 1. Абсолютные звуковые показатели

Звуки Эмоции	а	л	л, ,	м, ,	м	о	у	и	э	ы	ж	ш	з	г	б	ф	х
Удивление	3	0	3	0	0	2	1	7	2	1	0	1	0	0	1	0	1
Интерес	2	0	2	0	1	2	1	4	0	2	0	1	1	1	1	1	0
Счастье	2	0	3	0	1	3	0	5	0	0	2	1	1	1	2	1	1
Радость	4	1	1	0	1	1	1	1	1	0	0	1	0	1	2	0	0
Отвращение	1	0	1	0	1	0	1	4	1	0	0	0	1	1	1	1	0

Таблица № 2. Количество звуков на один ассоциат

Звуки Эмоции	а	л	л'	м	м'	о	у	и	э	ы	ж	ш	з	т	б	ф	х
Удивление	0,33	0	0,33	0	0	0,22	0,11	0,77	0,22	0,11	0	0,11	0	0	0,11	0	0,11
Интерес	0,4	0	0,4	0	0,2	0,4	0,2	0,8	0	0,4	0	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2	0
Счастье	0,29	0	0,42	0	0,14	0,42	0	0,71	0	0	0,29	0,14	0,14	0,14	0,29	0,14	0,14
Радость	0,67	0,17	0,17	0	0,17	0,17	0,17	0,17	0,17	0	0	0,17	0	0,17	0,33	0	0
Отвращение	0,25	0	0,25	0	0,25	0	0,25	1	0,25	0	0	0	0,25	0,25	0,25	0,25	0

Е. Ю. Хорошко
Белгород

Репрезентация концепта «память» в жанре русского романа

Одним из основных и жанрообразующих концептов в русском романе является концепт «память». В психологии «память» не имеет четкой научной дефиниции, так как трудно ответить на вопрос, где проходят «онтологические» пределы памяти, каков тот «материал», из которого складываются ее психические механизмы. Исследователи второй половины XX века для снятия проблемы «собственной» специфики памяти нередко привлекали понятие «система»¹.

При рассмотрении содержания понятия учитывается лишь то, что память представляет собой след прошлого опыта. Таким образом, функция памяти ограничивается ее специфическим объектом (прошлое) (Черемошкина 2002, с. 9). Именно с опорой на данный аспект построены словарные статьи толковых словарей. Например: Память – это «1) способность сохранять и воспроизводить в сознании прежние впечатления, опыт, а также самый запас хранящихся в сознании впечатлений, опыта; 2) то же, что воспоминание; 3) то, что связано с умершим (воспоминания о нем, чувства к нему) (СО 1997, с. 490). Все три дефиниции важны нам для трактовки концепта «память» в жанре романа.

¹ Примечательно, что исследователи с древнейших времен и до наших дней пытались описать память с помощью метафор. В 1980 году Генри Редигер собрал коллекцию таких метафор. Приведем некоторые: восковая дощечка (Платон, Аристотель), мистическая записная книжка (Фрейд), ассоциативные сети (Андерсон и Баузэр), мелодии на пианино (Векслер), замок и ключ (Колерс и Палеф) и др. (цит. по: Солсо 2002, с. 149).

«Элементом памяти» может становиться все, что, удаляясь от «вещественной» определенности психики, переходит в сферу духовного как такового, т.е. превращается в представление (Середа 1985). Память как процесс традиционно характеризуют пятью этапами: запоминанием, сохранением, забыванием, узнаванием и воспроизведением.

Из всего корпуса исследованных текстов, по нашим подсчетам, примерно третью часть составляют романсы-воспоминания. Об этом пишут и некоторые исследователи жанра романса. «Запоминание и забывание становятся тем механизмом, которым регулируется связь-граница большого и романсового миров. «Забудь», «не забывай», «забыл», «не забуду никогда» – на все лады выраженные призывы помнить, клятвы не забыть, упреки в забвении – переполняют романс», – подчеркивает М. Петровский (Петровский 1984, с.71).

Концепт “память” в романсе вербализуется лексемами *память, забвенье, воспоминанье*, глаголами и глагольными формами: *помнить, вспоминать, напоминать, (не) забыть, (не) позабыть*, а также отглагольными прилагательными *забытый, полузыбый* и др.).

Парадоксально, что ядерные структуры репрезентации концепта память, в частности члены субстантивного ряда (центровое существительное *память*, существительные *воспоминание, забвение*), не столь часто употребляются в текстах романсов. Еще цепляется за *память / Счастливых дней весенний гром, / Когда любовь бродила с нами, / Скрывая нас одним крылом* (А. Сафонов). Как жажду средь мрачных равнин / Измену забыть и любовь, / Но память, мой злой властелин, / Все будит минувшее вновь (Н. Риттер). Пускай сомненья и страданья / Теперь терзают грусть мою, / Но за одни воспоминанья / Я Вас по-прежнему люблю (О. Строк).

По-настоящему «романским» является употребление существительного *память* в следующем контексте: *О память сердца! Ты сильней / Рассудка памяти печальной / И часто сладостью своей / Меня в стране пленяешь дальней* (К. Батюшков).

При сдержанном включении в текст ядерных структур концепта сама «идея памяти» составляет едва ли не главное в общежанровом содержании романсов. В романсе актуализируется, что эмоциональная память (память на пережитые чувства) оказывается сильнее разума. Экспериментальная психология памяти и эмоций считает доказанным то, что эмоции чрезвычайно способствуют сохранению в памяти связанного с ними «материала». В литературе по психологии неоднократно обсуждался вопрос, что лучше запоминается и сохраняется в памяти: положительное или отрицательное. По данным

одних исследователей запоминается по преимуществу приятное, позитивное, по данным других, наоборот, – неприятное, негативное. С.Л. Рубинштейн высказывает свою точку зрения: «В такой постановке вопрос не допускает однозначного решения. При прочих равных условиях, эмоционально насыщенное будет сильнее запечатлеваться, чем эмоционально нейтральное; но в одних случаях лучше будет запечатлеваться приятное, в других – неприятное, в зависимости от того, что именно в данном конкретном случае более актуально, более значимо в силу своего отношения к личности человека» (Рубинштейн 1998, с.223).

Романс также не допускает однозначного ответа на проблему приятных или неприятных воспоминаний. Более того, композиция романса иногда строится так, что при общей грустной интонации одна из строф целиком посвящена яркому, приятному, мелиоративно окрашенному воспоминанию.

Представим теперь, как реализуется концепт «память» через употребление глаголов и глагольных форм. *Мой нежный друг, / Часто слезы роняю / И с тоской вспоминаю / Дни прошедшей любви (И. Аркадьев). Ты скоро меня позабудешь, / Но я не забуду тебя; / Ты в жизни разлюбишь, полюбишь, / А я — никого, никогда! (Ю. Жадовская). Я помню вальса звук прелестный, / Весенней ночью в поздний час, / Его пел голос неизвестный, / И песня чудная лилась (Н. Листов). Слезы горькие утираючи, / Я смотрю ей вслед, вспоминаючи. / У меня была тоже ласточка, / Белогрудая душа-пташечка (Н. Греков).*

В целом можно выделить в текстах романсов ситуации, которые будут репрезентировать автономный аспект памяти – запоминание, сохранение, забывание, узнавание (напоминание) и воспроизведение (воспоминание). В лингвистических исследованиях существуют классификации глаголов памяти в соответствии с каждым конкретным этапом памяти. Так, О.С. Цимеринова распределила глаголы памяти в английском языке на пять синонимических рядов, каждый из которых отражает конкретный процесс памяти – запоминание, сохранение, воспроизведение, забывание, напоминание (Цимеринова 1987).

Естественно, «этапы» памяти взаимосвязаны. Рассмотрим романсные ситуации. Мы в своем исследовании предпочитаем писать не об этапах и не о ситуациях запоминания, сохранения etc., а о моментах, поскольку категория времени и места в романсе, романский «хронотоп» настолько уплотнен, что речь может идти только о моментах действия, вне их развертывания, детализации, дробления.

Так, момент запоминания как автономный этап памяти не представлен в текстах романсов, хотя, естественно, этот момент

участвовал в развитии сюжета, невербализованность его посредством глаголов (*запомнить, запоминать*) в романсе естественна. Мы наблюдаем уже сложившиеся чувства, ситуацию любви с уже сформированным прошлым.

Далее, момент сохранения информации для романса наиболее значимый. Это ментальное действие репрезентируется глаголами *не забыть, не забывать, помнить, не позабыть*.

Я помню голос милых слов, / Я помню очи голубые, / Я помню локоны златые / Небрежно вьющихся волос (К. Батюшков). Годы давно прошли, страсти остыли, / Молодость жизни прошла, / Белой акации запаха нежного, / Верь, не забыть мне уже никогда (А. Пугачев). Зажги опять во мне любовь, / Ушили и не вернулись вновь. / Но слово нежное «люблю» / Я не забуду никогда (Н. Венгерская). Я тебя с годами не забыла, / Разлюбить в разлуке не могла, / Много жизни для тебя сгубила, / Много слез горючих пролила... (А. Жодейко).

Достаточно часто в жанре романса лирический герой (героиня) намеренно пытается создать ситуацию сохранения информации в памяти возлюбленной (возлюбленного), то есть просят (призывают, умоляют) помнить. *Не уезжай ты, мой голубчик! / Печальна жизнь мне без тебя. / Дай на прощанье обещанье, / Что не забудешь ты меня (Н. Пашков). Не позабудь меня в дали, / Не разлюби меня в разлуке, / И на страдальческие муки / Привет участия пошли (А. Аммосов). В эту ночь при луне / На чужой стороне / Мильй друг, нежный друг, / Помни ты обо мне (Н. Венгерская).*

Некоторые контексты направлены на выяснение, помнит ли возлюбленный(ая) то или иное событие, связывающее героев: *Ты помнишь наши встречи / И вечер голубой? (А. Волков). Помнишь ли лето: под белой акацией / Слушали песнь соловья?... / Тихо шептала мне чудная, светлая: / «Мильй, навеки, навеки твоя!» (А. Пугачев).*

Момент забывания выражен в романсах следующим глагольным рядом: *забыть, забывать, позабыть, полузыбый, позабытый, забытый, не вспоминать, не помнить,*

Забыл горе я, долю трудную, / И прошла тоска, забыл все с тобой. / Снова кажется жизнь мне чудною, / Сердцу весело счастлив я душой (С. Писарев). О, сколько, сколько раз вечерно порою / В запущенном саду на каменной скамье / Рыдала я, забытая тобою, / О милом, дорогом, о розе, о весне (В. Ленский).

Встречаются в текстах романсов просьбы к любящему его человеку о забвении каких-либо ситуаций или в целом о забвении любви, но суть этих просьб прямо противоположная: весь текст романса – напоминание о любви, о ценности пережитого. *О, позабудь былье увлеченья, / Уйди,*

не верь обману красоты <> Не вспоминай о том, что позабыто, - / Уж я не та, что некогда была (Т. Котляревская). Ты обо мне в слезах не вспоминай, / Оставь свою заботу и тревогу... (А. Коваленков).

Лирический герой и сам хотел бы забыть некоторые события из собственной жизни, но сам факт их озвучивания в романсе, их «распевания», «пения» свидетельствует, что настоящего, истинного забвения как раз и не ожидается: *О, забудь, мое сердце, те дни, / Те мятежные дни вдохновенья, / Мое бедное сердце, усни! / Не вернешь дорогие мгновенья! (Кульчинский).*

Момент узнавания представлен глаголами *напоминать, напомнить, наводить*, при этом у адресата появляются сопутствующие представления, переживания, воспоминания. «Объяснить воспроизведение душевных образований, пережитых некогда вместе, можно тем, что эти образования вступили в тесную связь между собой и теперь настолько между собой внутренне связаны, что одно из них всегда влечет за собой другое» (Эббингауз 1998, с.245).

Весною ласточки вернутся, / Оставив за морем любовь, / И над рябиной пронесутся, / И что-то мне напомнят вновь... (А. Сафонов). Увы, напоминают мне / Твои жестокие напевы: / И степь, и ночь, и при луне / Черты далекой, бедной девы (А. Пушкин). Вечерний звон! Вечерний звон! / Как много дум наводит он (И. Козлов).

Момент воспоминания централен для романского текста. Глаголы *вспоминать, вспомнить* часто используются как сюжетоносные, жанрообразующие. *Я счастлива лишь мечтанием, / Призрак прошлого ловлю: / Вспоминаю ночь, свиданье... / Но уж вновь не полюблю! (А. Сурин). Утро туманное, утро седое, / Нивы печальные, снегом покрытые. / Нехотя вспомнишь и время былое, / Вспомнишь и лица, давно позабытые (И. Тургенев). Я вспоминаю сад...А за рекою даль, / Синеющую даль, затянутую дымкой / а где-то вдалеке, скользящей невидимкой, / как отзвук прежних дней, взволнованный рояль (П. Герман).*

Момент воспоминания теснейшим образом сопряжен в романах с моментом сохранения образа любимого человека в памяти любящего, глаголы *помнить и не забыть* встречается значительно чаще, нежели глагол *вспоминать*. В свете наших наблюдений важно понять, что именно представляет собой воспоминание и как воспоминание соотносится с памятью. Г. Эббингауз отмечал, что между воспоминанием и памятью существует приблизительно такое же отношение, какое существует между работой и энергией; первое выражение обозначает процесс, наблюдаемый в действительности, а второе обозначает возможность его наступления, которую следует

представлять себе существующей и в случае отсутствия процесса. Итак, если какие-нибудь психические содержания, существовавшие когда-нибудь у человека и возрождающиеся теперь как представления, сопровождаются вместе с тем или сознанием того, что они уже переживались, а может быть, и представлениями о тех или других побочных обстоятельствах, то такой процесс называется воспоминанием (Эббингауз 1998, с.244-245). С.Л. Рубинштейн характеризует воспоминание как «представление, отнесенное к более или менее точно определенному моменту в истории нашей жизни» (Рубинштейн 1998, с. 226).

Ситуации узнавания и воспоминания наиболее тесно связаны между собой. В.А. Крутецкий отмечает, что воспроизведенные (вторичные) чувства могут отличаться от первоначальных как по силе, так и по характеру, содержанию. В любом случае необходимым условием воспроизведения ранее пережитого чувства является повторное восприятие того, что связано с прошлым (Крутецкий 1986, с. 122). В качестве стимула, инициирующего процесс воспоминания, может выступать бытовая или пейзажная деталь. *Вдыхая розы аромат, / Тенистый вспоминаю сад / И слово нежное «люблю», / Что вы сказали мне тогда. (Н. Венгерская). Гляжу как безумный на черную шаль, / И хладную душу терзает печаль (А. Пушкин).*

Мы наблюдаем, как лирический герой переходит из реального времени, посредством смежных образов, в пространство воспоминаний. Перед нами процесс воспоминания, который сопровождается воссозданием утраченного эмоционального состояния. Вещный или пейзажный образ всегда нагружен эмоциональной субъективностью лирического героя, так что в целом смысловая емкость предметной детали оказывается весьма значительной. Вокруг них происходит вращение действий, это атрибуты прошедшей любви, символы ушедшего счастья. Они представляют собой некую отправную точку для воспоминаний. Ключевые слова-стимулы нередко выносятся в заглавие, несут на себе психологический заряд и являются основой для сюжетов романов («Бубенцы» А. Кусикова, «Черная шаль» А. Пушкина, «У камина» П. Баторина, «Темно-вишневая шаль» неизв. автора и др.). Так, в романе «Портрет» М. Орцеви лирический герой, глядя на портрет, вспоминает свою возлюбленную, те счастливые моменты, проведенные с ней: *Я смотрел не отрывая глаз. / Я мечтал, я вспоминал о вас...*

В романе А.А. Пугачева «Белой акации гроздья душистые» сигналом стал запах белой акации, он напомнил герою о былой любви. И хотя, *Годы прошли, страсти остыли, / Молодость жизни прошла,*

герой говорит: *Белой акации запаха нежного, / Верь не забыть мне уже никогда...* Герои страдают от недостижимости вечной любви. Летучесть и невозвратность счастья – лейтмотив романов. Не случайно влюбленные так стремятся сохранить какие-либо вещи, символы, которые всегда будут напоминать о былом счастье: *«Молча к груди прижимаю / Эту темно-вишневую шаль...»*, *«И невольно слезы катятся / Пред увядшим кустом хризантем...»*. Когда человек утрачивает любовь, ему остается лишь вспоминать лучшие дни своего прошлого, создавать сказку в своем воображении, в этом ему и помогают символы ушедшей любви.

Слово-стимул в поэтическом воплощении «актуализирует значительную часть потенциальных смыслов, связанных с общекультурной традицией, а также вносит преобразованные контекстом новые смыслы» (Пинежанинова 2001, с.511). Слово-стимул, являясь обобщенным концептуальным отражением действительности, предназначенный для осуществления коммуникации, предстает как сигнал, направленный на регуляцию внутреннего и внешнего поведения лирического героя. Возникновение таких слов-стимулов в романсе связано с расширением или метафоризацией исходного лексического значения и с эмоционально-оценочной транспозицией.

Являясь своеобразными художественными образами, слова-сигналы служат для углубления психологизма. Общий концептуальный смысл романса как бы эксплицируется этим словом, содержащим также внеtekстовую, подразумевающуюся информацию. Введение в романс слова-стимула – это не создание вещественного материального образа, а создание определенной лирической тональности, происходит фокусировка тончайших настроений героя в вещественной формуле, предметная или пейзажная деталь соотносится с психологическим состоянием личности.

Итак, концепт «память» в романских текстах может быть вербализован субстантивами и предикатами, которые представлены в семантически наполненных структурах и участвуют в описании ситуаций сохранения информации, забывания, узнавания и воспоминания. Однако процесс воспоминания может быть выражен и имплицитно. Так, в романах «Просяясь в аллее» Н. Грекова, «Первая встреча» и «Разочарование» А. Дельвига, не содержат «лексики памяти» (глаголов, существительных), однако представляют собой романсы-воспоминания, что создается за счет использования глаголов прошедшего времени или слов других частей речи, выражающих идею прошедшего времени через свое денотативное значение: *прошлое, прошедший, тогда, давно и др.*). То было ранней

весной, / В тени берез то было, / Когда с улыбкой предо мной / Ты очи опустила (А. Толстой). Был день осенний. И листья грустно опадали. / В последних астрах печаль хрустальная жила (О. Строк). Но все прошло, как в дивной чудной сказке, / И далека та ночь, и так далек и ты (А. Толстая). Таким образом, концепт «память» может быть представлен в жанре русского романа эксплицитно и имплицитно.

В свете активно развивающейся когнитивной лингвистики особенно актуально выявление специфики презентации конкретного концепта. Одним из источников постижения концепта «память» являются романесные тексты, которые своими средствами помогают достраивать смысловое пространство концепта «память» в общей языковой картине мира.

Крутецкий В.А. Психология. М.: «Просвещение», 1986.

Петровский М. Езда в остров любви» или что есть русский роман // Вопросы литературы, 1984. № 5. С. 55-90.

Пинежанинова Н.П. Основные семантические признаки поэтического концепта ‘крыло’ Русский язык на рубеже тысячелетий. Материалы Всероссийской конференции 26-27 октября 2000 г. В 3 томах. Т.2. Динамика синхронии. Описание русского языка как этнокультурного феномена. СПб, 2001. – С. 508-512.

Рубинштейн С.Л. Память // Психология памяти. М., 1998. С. 215-233.

Середа Г.К. Что такое память? // Психологический журнал. 1985, № 6.

Солсо Р.Л. Когнитивная психология. М., 2002.

Цимеринова О.С. Системные связи в лексико-семантической группе слов, обозначающих умственные процессы (глаголы памяти) в английском языке. Дисс... канд. филолог. наук. М., 1987. .

Черемошкина Л.В. Психология памяти. М., 2002.

Эббингауз Г. Смена душевных образований // Психология памяти. – М., 1998. С. 243-263.

М.М. Булынина

Фразеологизмы как индикаторы национального языкового сознания

(на примере ФС с русскими глаголами перемещения объекта)

Фразеологические единицы мы относим к языковому сознанию, считая, что под ним понимается «совокупность психологических

механизмов порождения, понимания речи и хранения языка в сознании» (Стернин 2003, с. 11).

В процессе коммуникации фразеологизмы становятся востребованными при необходимости использования ярких, точных, образных языковых средств. Формируясь в языковом пространстве определенного социального образования, фразеологические единицы представляют собой оттиски национального когнитивного сознания.

Способы вербализации перемещения объекта в русском языке обладают определенной национальной спецификой.

Говорящий прибегает к помощи глаголов нести-носить, вести-водить, везти-возить, тянуть (тягать), тащить-таскать, волочить (волочь) и т.д. в составе фразеологизмов, когда повествует о каких-либо изменениях в жизни, состоянии души, настроении, чувствах, мыслях, речи, внешности и пр. Особенно интересен способ объективации в русском языке характера этих изменений: от желанного, ожидаемого до непредсказуемого и необратимого.

Глагол *нести* входит в состав фразеологизма «поток несет; несет (вода)», где агент или отсутствует, или в его роли выступают существительные типа *история, жизнь, судьба*.

Из непроглядных временных далей течет поток рода людского, именуемый историей. Он несет нас через наше сегодня дальше в неведомое (Тендряков). ... вы – как челночок, с цепи сорвавшийся: несет вас куда попало, того и гляди прибывает к чужому берегу (Герасимов).

Глагол *нести* с семемой К1 отмечаем и в составе идиом в сочетании с обозначениями нечистой силы типа *нелегкая* (семема К2). Иногда это обозначение опускается.

Сказав такую грубость, он ... опять зашагал по проходу, нелегкая его несла (Солженицын). Голову сломя несет окаянного! Како-тако счастье тебя дома ждет? (Астафьев).

При сочетании со словами типа *чушь, ахинея, галиматья* и др. глагол *нести* реализует вторую коннотативную семему (К2) «говорить бессмыслицу, вздор».

Кирилл не скрывал недоумения: что за чушь ты несешь, приятель? (Рахвальский). ... оракул вещал строчками на листе и ... нес какой-то несусветный бред (Тендряков). Макаров грубость офицеров пресекал: - ... Извольте выслушать матроса даже в том случае, если он несет ахинею (Пикуль).

Глагол *носить* с семемой К1 входит в состав идиомы в сочетании с обозначениями нечистой силы типа *нелегкая* (К2). В некоторых случаях это обозначение может опускаться.

Заворчал телефон. – Это я, - раздался бас Бориса. – Где вас нелегкая носит? (Рахвальский). – Где тебя носило? Не смею спрашивать, с кем? (Жукровский).

При сочетании глагола *нести* с одушевленными существительными в позиции агенса и существительными в позиции объекта с семемой К1 типа *бремя, крест, камень* образуется устойчивое фразеосочетание со значением «в течение определенного времени, может, всей жизни существовать с определенным состоянием души, настроением, обычно тяжелым».

Это дар Матери Богов. Она поможет тебе ..., снимет бремя, которое ты несешь с той поры, как снял щит Ахилла в Трое (Ефремов). Ксении так хотелось кричать от отчаяния. Неужели всю жизнь нести этот крест?! (Головкина). ... посидишь с ним минут десять и забудешь, что рядом человек, который нес на своих плечах такую славу, какой не было ни у кого из живых за всю историю нашей планеты (Чуев).

В статусе К1 глагол *везти* входит в состав фразеологизма *везти на своем горбу*, т.е. выполнять одному большую, трудную, ответственную и т.п. работу.

Мама работает на старом месте, везет на себе хирургическое отделение (Тендряков). Всю работу по дому она везла на своем горбу (Галин).

Безличные формы глагола *везти* в сочетании с существительными в косвенных падежах (везет кому? в чем? с кем? с чем?) образуют устойчивые словосочетания, в которых реализуется семема К2 данного глагола, и вне которых лексема *везти* выразить указанную семему не может, например:

удаваться (об успехе, удаче в чем-либо)

Работать надо, работа все родит, это ясно. Да надо, чтобы немножко и везло (Абрамов). Кукушину действительно везло. Он был как заколдованный. Вся адская механика войны не задела его ни разу (Дудин).

не удаваться (о невезении, о неудаче в чем-либо)

Михаленко не везло в картах. Он проиграл два с полтиной, что вместе со старым долгом составило круглую сумму в две тысячи рублей (Куприн). Ему вообще не везло – никогда и ни в чем: в корпусе он носил звание «неудачник» (Тургенев).

С этим же значением глагол *везти* в безличной форме входит во фразеологизм *везет* как утопленнику, висельнику (К2К1)

- ... Вам сегодня везет как висельнику (Мамин-Сибиряк). Вы газеты читаете? Роллингу везет как утопленнику (А. Толстой).

Чистым фразеологизмом является сочетание *возить воду на ком-либо* (К1К1), который в контексте речи или письма репрезентирует фразеологический концепт «взваливать на кого-либо тяжелую, непосильную работу; обременять работой кого-либо»:

- *Боитесь? – Не так, чтобы ... Ино не на вас ли, братья-соколы, бояре воду возят? (Чаплыгин); Юрий Иванович крепко любил ее, во всем потакал ей. Она воду возила на нем, как говорят о любящих, покорных мужьях (Анчишкин);*

тащить на своем горбу (из Д1):

Я вообще далека от мысли, что искусство способно вдруг раз и навсегда перевернуть человеческую душу. Скорее, оно каплей точит многовековой камень зла, который тащит на своем горбу человечество (Рубина).

Фразеологизмы отражают когнитивное сознание русского народа: его покорность судьбе (*на них воду возят*); обреченность и терпение (*несет бремя, несет свой крест по жизни*); широкий размах (*если везет, так как заколдованныму, а если нет, то уж как утопленнику*); каторжный труд (*везет на себе все отделение; тащит на свое горбу*); необъятные просторы, позволяющие высокую скорость перемещения (*голову сломя несет; несет куда попало*); категоричность суждений (*несешь чушь, бред, галиматью*); ссылка на неведомую и невидимую силу (*нелегкая, черти тебя несут*) и т.д.

Кроме того, русскому человеку, как показывают фразеологизмы, свойственны

притворство - носить маску;

В тот раз Марк гостил у них три дня, и Костя не заметил в нем никаких перемен. Маску Марк носил безупречно (Шефнер).

жертвенность - принести (приносить) в жертву ;

Он готов был принести себя в жертву, чтобы стало лучше (Пастернак).

участливость - внести (вносить) вклад, лепту;

Но с той поры, как мы здесь поселились, каждый внес свою маленькую лепту в общее дело (Игнатова).

настойчивость, упорство и упрямство - вести свою линию;

Удивительная, прямо удивительная женщина. Как она ведет свою линию! Замечательно! Умна, как бесенок, тверда, как Наполеон (Короленко).

лень и безразличие - ухом не ведет;

Были промежутки, можно было проскочить, да сержант с флагском уперся задом в радиатор, я сигналю, он ухом не ведет (Жукровский).

правдоискательство - вывести (выводить) на чистую воду; тащить на Божий суд;

... а в санпропускнике одна санитарка повествовала другой: - Старый дохтур сказал, виши, бес в ее и взаправду вселился ...ну а молодой, тот на дыбы: это де контр! Так все собрание на чистую воду-то и выводили (Климов). - Он не хочет понять, что Правда – всюду и художник всю жизнь намывает ее, как старатель, по крупинкам. Если же он с юности требует от жизни немедленного предъявления правды, то он не художник, потому что не сострадает себе подобным, а поминутно тащит их на Божий суд (Рубина).

Предложенные нами национальные особенности лексических и фразеологических средств русского языка стали результатом исследования динамических процессов в синтаксическом концепте «агенс перемещает объект» в русском языке. Принимая позицию И.А. Стернина об уровнях описания языкового сознания (Стернин 2003, с. 12), мы занимались традиционным лингвистическим описанием глаголов ЛСГ перемещения объекта, семантическими исследованиями с применением компонентного анализа и сравнительного анализа в русском и английском языках.

Волохина Г.А. Синтаксические концепты русского простого предложения /Г.А. Волохина, З.Д. Попова. Воронеж, 1999.

Стернин И.А. Уровни описания языкового сознания / И.А. Стернин //Филология и культура. Тамбов, 2003. С.11-14.

Ю. В. Рубцова, О.М. Воевудская

**Национально-культурная специфика
концепта ХЛЕБ в русском и английском языках**
(на материале деривационных полей ключевых лексем)

Построение деривационного поля лексем, вербализующих исследуемый концепт, позволяет обнаружить целый ряд дополнительных когнитивных признаков, не выявляемых другими методами анализа, и показать особенности национально-культурной специфики концепта в неблизкородственных языках.

Деривационное поле лексемы «хлеб» (по данным Словообразовательного словаря русского языка под ред. А.Н. Тихонова) довольно обширно и включает около 50 производных.

В своем основном денотативном значении Д1 – продукт - лексема "хлеб" послужила производящей для существительных: хлебец, хлебушко, хлебина, хлебня, хлебница; а также большого количества сложносочиненных существительных: хлебодар, хлебозавод, хлебопашец, хлебопек, хлеборез, хлебороб, хлебопроизводство, многие из которых, в свою очередь, послужили производящими для других дериватов (например, хлебороб - хлеборобный - хлеборобский - хлеборобство - хлеборобствовать).

По этой же семеме от существительного «хлеб» образовались два прилагательных «хлебный» и «хлебобуточный» со значениями: а) относящийся к хлебу, б) свойственный, хлебу, в) сделанный из хлеба, г) предназначенный для приготовления хлеба.

Лексема "хлеб" по своей семеме Д2 - зерно - послужила производящей для ряда сложносочиненных существительных: хлебопродукты, хлебопромышленник, хлеботорговец, хлебозаготовки, хлебозакупки, хлебокондитер, хлебопоставки, хлебородие, хлебосдача, хлебостой, хлебоуборка, хлебоуфураж, многие из которых послужили производящими для других дериватов (например, хлебосдача - хлебосдатчик - хлебосдаточный).

По этой же производно-номинативной семеме лексема «хлеб» послужила для образования прилагательного «хлебный» со значениями: а) относящийся к злаковым; в этом значении часто встречается в названиях растений и насекомых (например, хлебная мятка, хлебный жук; б) приготовленный из злаков (например, хлебное вино); в) питающийся злаками (например, Хлебный русак до того бывает жирен, что не видавши, трудно поверить (Аксаков); г) обильный зерном, злаками.

Лексема "хлеб" по своей коннотативной семеме К1- пища, пропитание - послужила производящей для существительного "хлебосол" и его дериватов: хлебосольный, хлебосольство, хлебосольничать.

По своей коннотативной семеме К1- средства к существованию, заработка - лексема "хлеб" послужила производящей для прилагательного "хлебный", т.е. дающий хорошее содержание, прибыльный, доходный (например, «Все оказалось в нем, что нужно для этого мира, и приятность в оборотах и поступках, и бойкость в деловых делах. С такими средствами добыл он в непродолжительное время то, что называют хлебное mestечко» - Гоголь, Мертвые души).

Таким образом, через анализ дериватов от лексемы «хлеб» мы выяснили, что для носителей русского языка является важным не только хлеб сам по себе (как продукт или средство пропитания), но также и:

1) форма хлеба (хлебец, хлебушко, хлебина); 2) инструмент, используемый при обработке хлеба (хлеборезка, хлебокопнитель); 3) место, где изготавливают хлеб (хлебня, хлебозавод, хлебопекарня) или хранят его (хлебница); 4) процесс производства и продажи хлеба (хлебопашество, хлебопечение, хлебопроизводство, хлеборобство, хлебозаготовки, хлебозакупки, хлебопоставки, хлебосдача, хлебоуборка, хлебоуфураж); 5) специалисты, которые участвуют в процессах выращивания хлеба (хлебопашец, хлебороб), его изготовления (хлебопек, хлеборез, хлебозаготовитель) или реализации (хлебодар, хлеботорговец, хлебопромышленник, хлебосдатчик); 6) подготовленность почвы к выращиванию хлеба (хлебородие, хлебостой); 7) атрибут гостеприимства (хлебосольство).

Таким образом, через деривационное поле с ключевой лексемой «хлеб» мы смогли выявить дополнительные признаки одноименного концепта, не присутствующие в его ядре, но, тем не менее, являющиеся его неотъемлемыми составляющими.

Деривационное поле лексемы “bread” (по данным Webster’s Third International Dictionary of the English Language) представлено почти 60–тью производными, среди которых преобладают существительные-композиты (более 70%).

Так, в своем основном денотативном Д1 значении – продукт питания – лексема “bread” послужила производящей для следующих дериватов-существительных: breadbasket (корзина для хранения хлеба; сленг – живот), breadberry (хлеб, смоченный горячей водой и подслащенный), breadboard (доска, на которой замешивается тесто или режется хлеб), bread-flour (мука, обычно производимая из твердой пшеницы, из которой можно замесить хлебное тесто с качественной клейковиной), bread-grain (злаки, из которых производят муку для приготовления хлеба), bread-line (очередь за бесплатным хлебом; от данного существительного образовался дериват bread-liner – тот, кто стоит в очереди за бесплатным хлебом), breadnut (орех с дерева, произрастающего на Ямайке и в Мексике, который жарят и добавляют в муку для приготовления хлеба), breadroot (корень плотно покрытого волосками растения, произрастающего на западе Соединенных Штатов, дающий питательный продукт), bread-sauce (питательный соус с хлебными крошками), breadstuff (материал для изготовления хлеба, например, зерно или мука), bread-wheat (любая пшеница,

которая используется для приготовления муки и выпечки хлеба), *bread-bar* (овальная кадка, в которую кладется хлеб для общего стола), *bread-bag* (контейнер, в котором разносят хлеб), *breadbaker* (булочник), *breadbox* (хлебница), *bread-crust* (корочка на поверхности буханки хлеба), *bread-cutter* (хлеборезка; а также человек, занимающийся резкой хлеба), *bread-knife* (длинный острый нож с зубчиками на лезвии для резки хлеба), *breadmaking* (процесс производства хлеба), *breadmaker* (человек, который производит хлеб), *bread-pan* (сковорода или специальная форма для выпечки хлеба), *bread-plate* (круглое или овальное плоское блюдо, на которое кладут хлеб), *bread-rack* (устройство, на которое помещают овсяные лепешки для засушивания), *bread-seller* (продавец хлеба), *bread-slicer* (устройство для нарезания хлеба ломтиками), *bread-toaster* (электрический прибор для поджаривания хлеба, тостер), *bread-tray* (плоский поднос с поднятыми краями, на котором носят хлеб), *bread-wrapper* (упаковка, защищающая хлеб), *bread-crumb* (гренка, хлебный мякиш). От существительного *bread-crumb* образовались дериваты: *bread-crumber* (устройство для производства хлебной крошки; а также человек, производящий хлебную крошку), прилагательное *breadcrimbing* (связанный с процессом производства хлебной крошки), глагол *to breadcrumb* (покрывать хлебной крошкой). Среди дериватов также отмечен глагол – *to bread* (покрывать крошкой), от которого в свою очередь образовалось соответствующее прилагательное - *breaded* (покрытый хлебной крошкой перед приготовлением).

Кроме того, в словообразовательное гнездо входят несколько дериватов-прилагательных: *bread* (сделанный из хлеба или для хлеба), *breadless* (бесхлебный), *breadish* (такого же качества, похожий на хлеб), *bread-baking* (связанный с выпеканием хлеба), *bread-cutting* (связанный с нарезанием хлеба), *bread-eating* (связанный с поеданием хлеба), *bread-wrapping* (связанный с упаковкой хлеба). От прилагательных *bread*, *breadless* и *breadish* образуются соответствующие абстрактные существительные *breadness*, *breadlessness* и *breadishness*.

Лексема “*bread*” по своей производно-номинативной семеме Д2 - кусок или порция хлеба – послужила производящей для существительных *bread-stick* (хрустящая булка в форме палки, которую обычно подают к столу) и *bread-cutting* (отрезанный от хлеба ломоть).

В своем производно-номинативном значении – продукт, напоминающий по вкусу хлеб - лексема “*bread*” является производящей для существительного *breadfruit* (большой круглый

фрукт полинезийского дерева, который при запекании напоминает хлеб; а также высокое дерево, на котором произрастает этот фрукт).

По своей коннотативной семеме K1 – доход, деньги – лексема «bread» послужила производящей для композитов-существительных: *bread-and-butter* (деятельность или работа, являющаяся главным источником дохода человека или организации) и *bread-line* (уровень дохода очень бедных людей, когда, кроме как на хлеб, денег не остается).

Лексема “bread” по своей коннотативной семеме – пища, средства к существованию – послужила производящей для: а) существительных *bread-basket* (большая фермерская территория страны или региона, производящая гораздо больше продуктов, чем ей необходимо, что позволяет поддерживать другие регионы; территория-донор), *bread-winner* (тот, кто обеспечивает себя и своих иждивенцев; кормилец семьи), *bread-winning* (добыча средств к существованию), *bread-artist* (тот, кто занимается искусством или другой профессиональной деятельностью для обеспечения своего существования), *bread-science* (предмет или наука, которой занимаются, чтобы обеспечить свое существование), *bread-trade* (продажа или покупка хлеба для обеспечения своего существования), *bread-earner* (тот, кто работает для обеспечения своего существования), *bread-earning* (добыча средств к существованию); б) прилагательного *bread-and-butter* (связанный с добыче средств к существованию или удовлетворением своих потребностей); в) глагола *to bread* (обеспечивать средствами к существованию).

Таким образом, для носителей английского языка оказался важным не только хлеб сам по себе (как продукт питания), но также и:

1) форма или тип хлеба (*breadberry*, *bread-crust*, *bread-crumb*, *bread-stick*, *bread-cutting*), 2) продукт, похожий на хлеб или напоминающий его по вкусу (*bread-root*, *bread-sauce*, *breadfruit*), 3) продукт, используемый для изготовления хлеба (*bread-flour*, *bread-grain*, *breadnut*, *breadstuff*, *bread-wheat*), 4) инструмент, используемый при обработке хлеба (*breadboard*, *bread-cutter*, *bread-knife*, *bread-pan*, *bread-rack*, *bread-slicer*, *bread-toaster*, *bread-crumber*), 5) место, куда кладут хлеб или хранят его (*bread-basket*, *bread-arge*, *bread-bag*, *breadbox*, *bread-plate*, *bread-tray*, *bread-wrapper*), 6) специалисты, участвующие в процессе изготовления хлеба (*breadbaker*, *bread-maker*, *bread-cutter*, *bread-crumber*) или его реализации (*bread-seller*), 7) процесс производства хлеба (*bread-making*), 8) тот, кто добывает себе хлеб насущный, т.е. обеспечивает свое существование (*bread-winner*, *bread-earner*, *bread-artist*), 9) процесс обеспечения своего существования

(bread-winning, bread-earning), 10) уровень дохода (bread-line, bread-and-butter), 11) деятельность, приносящая доход (bread-science, bread-trade), 12) место, приносящее доход (bread-basket).

Подводя итог данному исследованию, можно утверждать, что в наборе дериватов, используемых носителями русского и английского языков, ярко отразилась национально-культурная специфика концепта ХЛЕБ. Так, для русских людей, традиционно живущих на огромных пространствах и привыкших мыслить широко и масштабно, и набор дериватов оказался соответствующим: хлебопроизводство, хлебозаготовки, хлебопоставки, хлебозакупки и т.п.

Для англичан, живущих на островах, мир ограничивается, главным образом, домашним кругом. И здесь главной фигурой становится кормилец семьи: bread-earner, bread-winner. Для англичан добыча хлеба насущного – целая наука, даже искусство: bread-science, bread-artist. Они очень внимательны к тому, чтобы сделать свою жизнь комфортной и удобной, и поэтому пользуются большим количеством всякого рода приспособлений для резки, сушки и хранения хлеба: bread-barge, bread-bag, breadbox, bread-cutter, bread-board, bread-pan, bread-plate, bread-rack, bread-toaster, bread-tray, bread-wrapper, в то время как русский человек ограничивается только хлебницей и хлеборезкой.

Для англичан хлеб – один из продуктов питания, который может быть заменен любой другой едой, например, какими-то экзотическими плодами. Для русских же людей хлеб – основная еда, которая не может быть заменена ничем, кроме как, может быть, картошки. В русской культуре хлеб традиционно ассоциируется с радушием и гостеприимством, готовностью поделиться с любым человеком куском хлеба. До сих пор в России сохранился обычай встречать друзей и дорогих гостей именно караваем душистого, свежего хлеба.

Использованные словари

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т.2. М, 1985.

Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Vol. I. Chicago, 1993.

М. Е. Жданкина, О. М. Воевудская

**Концепт ИГРА
во фразеологическом фонде
русского и английского языков
(опыт семантической интерпретации)**

В последние десятилетия наряду с традиционным культуро-ведением все большее внимание уделяется сопоставительной лингвокультурологии. Хотя многие явления языка и культуры в силу своего национального своеобразия и самобытности могут быть описаны без сопоставления с какой-либо другой культурно-языковой общностью, национально-культурные различия наблюдаются на всех языковых уровнях, в том числе и на уровне фразеологических сочетаний.

Учитывая тот факт, что процесс перехода свободных сочетаний той или иной лексемы в устойчивые, фразеологически связанные сочетания обусловлен высокой частотностью их употребления носителями языка, можно предположить, что фразеологический фонд любого языка, формировавшийся веками, заключает в себе наиболее важную для данной лингвокультурной общности национально-культурную информацию, отражающую познавательную и оценочную деятельность говорящих. Следовательно, для выявления когнитивных признаков концепта, репрезентируемого лексемой ИГРА, целесообразно рассмотреть поле его устойчивых фразеосочетаний.

Так, в своем коннотативном значении К1 – ряд преднамеренных (обычно неблаговидных) действий, поступков – лексема ИГРА в русском языке встречается в следующих устойчивых фразеологических сочетаниях:

а) игра в загадки – говорить намеками, недомолвками; высказываться неясно, туманно: *Я пришла не затем, чтобы играть в загадки, - а говорить, так говорить все.* Н.С. Лесков, по поводу “Крецеровой сонаты”.

б) игра в одни ворота – столкновение, спор, в котором одна из сторон явно сильнее и поэтому побеждает. Выражение вызвано ассоциациями из области спорта, но, став фразеологизмом, обозначает неспортивное понятие, которое особенно часто употребляется в прессе: *Вы, финансисты, оставляете за собой право, как расправиться со мной. Это игра в одни ворота.* Шумилов, *Литературная газета, 1983, 15 ноября.*

в) игра в кошки-мышки – хитрить, лукавить, стараясь обмануть, провести кого-либо:

Не в прятки играем. И не в кошки-мышки. Разговор будет начистоту. К.Федин, Костер.

г) игра в молчанку – отмалчиваться, уклоняться от разговора: У мужчин повелось беседа говорливая; в женской горнице тоже в молчанки не играли. *Мельников-Печерский. В лесах.*

д) игра в прятки (в жмурки) – обманывать кого-либо, скрывать, утаивать что-либо от кого-либо: - *Мы до сих пор с вами играли в прятки... Ведь вы меня узнали? – Я узнал вас, смущенно сказал Матвей. Короленко, Без языка.*

е) игра на нервах – намеренно раздражать, нервировать кого-либо: *Шутник ты, товарищ главный инженер. Понравилось тебе играть на моих нервах. Играй, играй, ничего, я прочный, выдержу. А .Ажаев, Далеко от Москвы.*

Таким образом, устойчивые ФС с лексемой ИГРА в данном значении можно условно разделить на две группы в зависимости от действия, направленного на: 1) прямой обман или активное воздействие на оппонента (*игра в кошки-мышки, игра в прятки, игра на нервах*); 2) преднамеренное сокрытие информации, влекущее за собой негативные последствия для оппонента (*игра в молчанку, игра в загадки*), то есть в данном случае для носителей русского языка важны средства достижения цели.

В своем коннотативном значении К1- развлечение, забава, потеха, не требующие особых усилий – лексема ИГРА встречается во ФС игра в бирюльки, т.е. занятие пустяками, пустая тратя времени: - *Воюем мы или в бирюльки играем, как сопатые дураки?!* Сергеев-Ценский, Брусиловский прорыв. В данном случае, для носителей русского языка важным оказалось отсутствие цели и смысла совершаемых действий, незаинтересованность в результате своей деятельности.

В процессе анализа фразеологического поля концепта ИГРА было выявлено два новых метафорических значения, не указанных в Словаре современного русского литературного языка (БАС) в качестве основных. Развитие одного из этих значений произошло, видимо, на основе того, что ИГРА в значении “азартная игра” всегда связана со случайным стечением обстоятельств, т. е. результат ее зависит не столько от человека, сколько от везения и случая. Данное коннотативное значение проявляется в следующих фразеологических сочетаниях:

а) игра природы – исключительное, редкое явление, отклонение от обычных норм:

[Муров:] Я был поражен еще необыкновенным сходством, которое вы имеете с одной женщиной, мне когда-то знакомой... Такой игры природы не может быть. Островский, Без вины виноватые;

б) игра случая (судьбы) – непредвиденное или необъяснимое стечие обстоятельств:

Странная игра случая занесла меня, наконец, в дом одного из моих профессоров. Тургенев, Гамлет Щигровского уезда.

В данных сочетаниях лексемы ИГРА подчеркивается неожиданность, непредсказуемость и уникальность того или иного явления.

Второе значение лексемы ИГРА, отличное от ранее перечисленных, - профессиональная деятельность или занятие. В данном случае лексема ИГРА зафиксирована в следующих устойчивых ФС:

а) игра не стоит свеч (свечей) – затрачиваемые на что-либо усилия, средства никак не оправдываются: *Если бы даже он принялся за это утомительное занятие, то у него не хватило бы терпения дотянуть дело до развязки, и он после первых двух-трех приступов, убедился бы в том, что игра не стоит свечей.* Писарев, Реалисты;

б) игра стоит свеч (свечей) – обратное к “игра не стоит свеч”: *Он тоже может проболтаться с девчонкой пару часиков,.. но только если уверен, что игра стоит свеч.* В. Аксенов, Коллеги;

в) игра жизнью и смертью – рисковать собой, пренебрегая опасностью: *Вы находитте какую-то особенную прелест в опасности, в этой игре жизнью и смертью.* Л. Толстой, Севастополь в декабре месяце;

г) игра с огнем – о чем-либо на первый взгляд незначительном, но могущем повлечь за собой опасные, пагубные последствия. Первоначально – об опасных детских забавах, могущих вызвать пожар, затем – переносно.

В данном случае для носителей русского языка приоритетными являются средства достижения цели и целесообразность их затрат.

Таким образом, анализ фразеологического поля концепта, препрезентируемого в русском языке лексемой ИГРА, выявил тот факт, что наиболее важными для носителей языка оказались следующие аспекты: 1) моральная оценка средств достижения цели; 2) целесообразность использования тех или иных средств; 3) цель, смысл и результат деятельности; 4) мотивированность и предсказуемость результата.

Рассмотрим фразеологическое поле того же концепта, препрезентируемого в английском языке лексемой GAME.

В своем коннотативном значении K1 - a trick or secret plan (хитрость, обман или тайный план) - лексема GAME встречается в следующих устойчивых фразеологических сочетаниях:

а) give the game away – to reveal something which someone had been trying to keep secret - раскрыть чей-либо секрет, то, что кто-либо пытался скрыть;

б) what's your/his/her game? (spoken) is used for asking someone what their true intentions are when you think they are not being honest - используется для того, чтобы прямо спросить о чьих-либо истинных намерениях человека, подозреваемого в нечестности.

В данном случае, на первую позицию выходит действие, разоблачающее или прекращающее чью-либо игру.

В своем следующем коннотативном значении K1 – a way of behaving in which a person uses a particular plan, especially in order to gain an advantage - линия поведения человека, когда он использует тот или иной план для получения какого-либо преимущества – лексема GAME отмечена в ФС:

а) a game plan is the things that someone intends to do in order to achieve a particular aim - это вещи, которые кто-либо намеревается сделать, чтобы достичь какой-либо цели: *Let me explain our game plan for this campaign.* - Позвольте мне объяснить вам стратегию данной кампании;

б) not play the game – if you accuse someone of not playing the game, you are accusing them of behaving in an unfair and unacceptable way - если вы обвиняете кого-либо в том, что он играет не по правилам, то вы обвиняете его в нечестном или недопустимом поведении;

в) the numbers game is to use amounts, figures, or statistics to support one's argument, often in a way that confuses or misleads people - использовать разного рода статистические данные для подтверждения своей точки зрения таким образом, чтобы привести в замешательство или запутать людей;

г) play someone at their own game is to behave towards someone in the same unfair or unpleasant way - вести себя также нечестно и невежливо в ответ;

д) a waiting game is when you delay making any decisions or taking any action, because you think it's better to wait and see how things develop - когда вы откладываете совершение каких-либо действий или принятие какого-либо решения, т. к. считаете, что лучше подождать дальнейшего развития событий: *Police seem to be playing a waiting game with the hijackers.* – Такое впечатление, что полиция тянет время с угонщиками самолета.

Таким образом, для носителей английского языка важными оказались следующие характеристики лексемы GAME в данном значении: 1) инструмент игры или средства достижения цели; 2) моральная оценка игры или действий, применяемых в той или иной деятельности.

В следующем своем коннотативном значении K1 – business or professional activity (деловая или профессиональная деятельность) – лексема GAME употребляется в следующих ФС:

а) ahead of the game – well prepared to deal with any change that happens in the activity which someone is involved in – быть готовым к любым изменениям в той области, в которой кто-либо занят: *We are always looking at new technologies to keep ahead of the game.* – Мы постоянно следим за появлением новых технологий, чтобы быть готовыми к любым переменам в этой области.

б) beat someone at their own game – to do something more successfully than anyone else does, although he/she has a reputation for doing it better than others - делать что-либо с большим успехом, чем кто-либо, имеющий репутацию лучшего в своем деле: *Who do these New Yorkers think they are, coming out here and beating us at our own game?* – Кем эти ньюйоркцы себя возомнили? Приезжают и думают, что могут заниматься нашим делом лучше нас.

в) new to the game – to have no previous experience of the activity that someone is taking part in - не иметь никакого опыта работы в области своей деятельности: *Don't forget that she's new to this game and it will take a while to complete the task, so you need to be patient.* – Не забывай, что она новичок в этом деле, и ей понадобится какое-то время на это задание. Будь терпеливее.

г) the only game in town – to be the best or most important of the kind - быть лучшим или самым значимым в своей области;

д) play the game – to have to do things in the accepted way or in the way that someone is told to by his/her superiors, in order to keep the job or achieve success - быть вынужденным вести себя в рамках дозволенного или выполнять приказы вышестоящего начальства с целью сохранить работу или добиться успеха: *The two official opposition parties must also play the game by the president's rules.* – Обе оппозиционные партии тоже вынуждены играть по президентским правилам.

е) the game is/ it is not worth the candle (British old-fashioned) something is not worth doing because it is too much trouble or effort, or costs too much – (устар.) что-то, чего не стоит делать, т. к. это требует слишком много физических и моральных усилий или материальных затрат.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в устойчивых ФС с лексемой GAME в ее значении “деловая или профессиональная деятельность” для носителей английского языка на первый план выходят следующие характеристики: 1) компетентность агента деятельности; 2) средства достижения цели, т. е. инструмент; 3) непосредственно результат той или иной деятельности.

В ходе анализа фразеологического поля концепта, репрезентируемого лексемой GAME, было выявлено новое коннотативное значение, отличающееся от перечисленных в предыдущих пунктах исследования оттенком значения, придаваемым подчеркнуто незаконными, нелегальными действиями. Это значение можно условно назвать “illegal business” (незаконная, противоправная деятельность). В данном значении лексема GAME употребляется в следующих ФС:

а) *the game is up – someone can no longer continue to do something illegal, because people have found out what they are doing* - кто-либо не может больше продолжать заниматься чем-либо противозаконным, так как его разоблачили: *Michael's game is up when Kimberly catches him in bed with Sarah.* – Игры Майкла кончатся, когда Кимберли застанет его в постели с Сарой.

б) *on the game - if a woman is on the game, she is working as a prostitute* (informal expression in British English) - о женщине, работающей проституткой: *How can anyone with kids think of going on the game?* – Как кто-нибудь, у кого есть дети, может подумать о том, чтобы стать проституткой?

Следовательно, в данном значении лексема GAME характеризуется с точки зрения: 1) моральной оценки; 2) законностью или противозаконностью действия; 3) агентом, участвующим в игре.

Проведя анализ фразеологического поля концепта, репрезентируемого лексемой GAME в английском языке, можно сделать вывод, что для носителей английского языка наиболее важными оказались следующие аспекты: 1) компетентность агента; 2) моральная оценка; 3) средства достижения цели или инструмент игры; 4) законность деятельности.

Таким образом, анализ фразеологического поля концепта ИГРА в русском и английском языках показал, что для английского и русского народов одинаково важными оказались моральная оценка игры и целесообразность использования тех или иных средств в достижения своих целей. Однако для англичан – более законопослушных граждан своей страны – существенное значение имеет законность игры, а также собственная компетентность и профессионализм в ней. Для русских же

людей немаловажным является результат игры и предсказуемость ее результата.

Использованные словари

Dictionary of English Colloquial Idioms (by F.T. Wood and R. Hill) London, 1979.

Longman Dictionary of English Language and Culture. New Edition. London, 2001.

Webster's Third New International Dictionary of the English Language. Chicago: Merriam-Webster Inc., 1993.

Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова. М, 1988.

Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. Словарь русской фразеологии (историко-этимологический справочник). С.-Пб., 1999.

Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. ТТ. 1-4. М, 1989-1991.

Кунин А.В. Англо-русский фразеологический словарь. М, 1984.

Фразеологический словарь русского языка (под ред. А.И. Молоткова) М, 1978.

Т.В.Гоннова
Волгоград

Социолингвокультурный концепт «Труд» в русском языковом сознании: современные ассоциативные характеристики

Описание признака отношения к труду с социолингвистических позиций (например, проведение эксперимента-анкетирования), на наш взгляд, позволяет вскрыть ассоциации, присущие современному российскому языковому сознанию в его социально-групповом разнообразии. Таким образом, мы можем говорить об оценке исследуемого культурного явления представителями разных социальных групп и разных возрастов. В этом смысле изучение концепта есть способ моделирования типажей русской языковой личности.

Фактор *возраста*, судя по результатам нашего ассоциативного эксперимента, существенно влияет на ответы информантов. Мы установили, что в ответах молодых респондентов ассоциатами редко выступают социально оценочные характеристики концепта «труд».

Для старшего поколения (особенно для тех, кому за 50), как показывает сопоставление ответов наших информантов, работа, труд – это, прежде всего, почетная обязанность и долг, в то время как для младшего поколения (для школьников и студентов) работа – это источник дохода, средство для существования.

При социолингвистической характеристике труда в российском социуме особенно актуален фактор *гендера*. Примерно 21% информантов считает, что главная роль в выполнении квалифицированной работы принадлежит мужчинам. Такое мнение высказывают, в основном, школьники (преимущественно мальчики и некоторые предприниматели-мужчины). Принципиально не согласны с таким суждением 33% (из них 25% женщин). Представители всех опрошенных групп считают, мужской труд является основой жизни общества.

Наблюдается корреляция между признаками интеллектуальности труда и его гендерной спецификой: тяжелый физический труд выполняется мужчинами, а в массовом интеллектуальном труде заняты как мужчины, так и женщины. Увеличение доли интеллектуального труда связано с возрастанием роли женщин в трудовой деятельности. Предприниматели и большая часть учащихся (мальчики) считают, что квалифицированную работу могут выполнять только мужчины.

Образовательный ценз в значительной мере влияет на оценку труда. Проведенный эксперимент позволяет утверждать, что ассоциативные ряды представителей интеллектуального творческого труда являются более протяженными, чем ассоциаты рабочих, служащих и предпринимателей. По данным эксперимента, определения ряда понятий (*зарабатывать, работяга* и т.п.), связанных с концептом «труд», более глубоки и развернуты в анкетах преподавателей вузов, врачей и учителей. Наиболее скучными оказались дефиниции школьников и рабочих. Слов-реакций абстрактного характера (*долг, обязанность* и др.) в ответах представителей интеллигенции больше, чем в ответах рабочих и предпринимателей.

С.С.Катуков

Языковая репрезентация концепта «брانь»

При характеристике концепта «брانь» необходимо различить процесс брани и его содержание. Как процесс брань представляет собой вербальное выражение негативных эмоций одного лица в адрес

другого. С другой стороны, бранью является содержание, внутренняя сторона бранного речевого потока.

Изучаемый концепт, на наш взгляд, наиболее репрезентативен в лексемах "брань", "ругань", "мат", "сквернословие". Определим различия между ними.

Наиболее близки по значению слова "брань" и "ругань".

Слово "ругань" называет данное явление в разных отношениях: в виде процесса, указывает на участников брани, характеризует её степень. Кроме того, слово "ругань" именно вследствие своего более частого и функционально широкого употребления, имеет яркую сему процесса, а также содержит вероятностные семы интенсивности и «стихийности».

Слово "брань" (и его дериваты), на наш взгляд, начинает несколько устаревать, с одной стороны, из-за его невысокой частотности в современном языке (к примеру, слова *мат* и *ругань* более частотны в современном русском языке), а с другой стороны, возможно, из-за омонима "брань" в значении "битва", который уже чётко осознается как принадлежность разряда архаической (либо высоко-поэтической) лексики.

Однако именно за словом "брань" в современном сознании закрепилось представление об изучаемом нами явлении, именно брань чаще представляет, репрезентирует в речи изучаемый концепт в субстантивной форме. У Даля в пословицах и поговорках наиболее часто встречаем именно слово "брань". Существуют устойчивые сочетания: "нецензурная брань", "бранится /ругается как сапожник" и др. Именно фразеосочетания сохраняют за словом "брань" его репрезентативный характер в отношении изучаемого концепта.

Слово "мат" имеет значение "брань, содержащая табуированную (инвективную) лексику". Слово "сквернословие", синонимичное ему - сугубо книжное и начинающее устаревать.

Таким образом, наиболее обобщенным обозначением изучаемого нами концепта, удобным как субстантивная репрезентация концепта, следует признать лексему «брань».

Слова, репрезентирующие концепт "брань", в словарях определяется следующим образом:

брань

"Осуждающие, обидные слова; ругань" (Ож.);

"Оскорбительные, ругательные слова; ругань//Осуждение, порицание, упрёки" (Ев.);

ругань

"Грубые, бранные слова, а также ссора, сопровождающаяся такими словами" (Ож.);

"Оскорбительные, грубые слова, которыми ругают//Грубое осуждение, порицание, упреки" (Ев.).

У Даля определения даются через синонимы и развернутые описания:

"брань - ссора, перекоры, раздор, несогласие, разлад, вражда, враждование; ругня, ругательство; бранные, ругательные, поносные слова...".

Как следует из примеров,

- брань всегда имеет вербальное выражение (о чем говорится в словарных статьях) и может существовать в устном или письменном виде, а также в виде внутренней речи;
- брань всегда эмоциональна, т.е. выражает чувства её произносящего;
- брань экспрессивна, она существует как словесное средство активного энергетического выплескивания эмоций;
- брань осуществляется «для собеседника»:
 - реального, когда говорящий "обругивает", осуждает другого;
 - олицетворенного, когда говорящий "ругает" какой-либо неживой предмет, но в ситуации раздражения может безотчетно "оживлять" его;
 - воображаемого, когда говорящий бранится наедине с собой.
- брань может иметь междометную функцию, что зависит от общей культуры (и характера внутренней речи) говорящего.
- брань может существовать как способ коммуникации (два собеседника) - это наиболее интересная и сложная форма существования брани.
- брань в подавляющем большинстве случаев служит для выражения негативной эмоции. Если же брань не имеет назначения словесного отталкивания или нападения на собеседника, то её словесная форма "опустошается", обессмысливается, бытуя как поток "энергетически сильных", "крепких", но не обязательно имеющих негативный смысл слов.
- брань может выступать как порицание, осуждение, имеет функцию эмоционального воздействия для коррекции поведения осуждаемого;
- брань как коммуникация всегда является воздействием, т.к. функционирует как средство выражения желания субъекта изменить что-либо в адресате своего высказывания (например, высказывание

неодобрения в адрес какого-либо лица может пониматься как желание изменить его или вообще оттолкнуть).

Брань как грубое выражение негативной эмоции является осознанным и преимущественно личностно или предметно ориентированным речевым актом, а междометная брань носит преимущественно обезличенный характер.

Подытожив сказанное выше, попытаемся дать самое общее определение понятия "брань": это выражение сильных негативных эмоций, проявляющееся в вербально-эмоциональном воздействии говорящего на вызывающий негативные эмоции субъект или объект.

Попова З.Д, Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003.

А.В.Самарин

Концепт «картинка по умолчанию» и выделение его в тексте

Концепт «картинка по умолчанию» является одним из типов концепта «мыслительная картинка» (Бабушкин 1996, с. 48).

Выявим и проанализируем две картинки «по умолчанию»: *муха* и *комар*.

Муха - общее название широко распространённых двукрылых насекомых (Лопатин).

Несмотря на скопость словарного определения, в нашем сознании встает образ данных насекомых и птиц, имеется соответствующая картинка:

Муха – маленькое насекомое с *темным* или реже *желтым* телом, иногда с *металлическим* блеском, *покрытым* *волосками* или *щетинками*.

Для подтверждения данного образа рассмотрим примеры из текстов:

«...Один раз лежу в траве на солнышке,— загораю. Вдруг — бац! — у меня перед носом села муха. На лист сирени. Да не простая **муха** — серая комнатная, а замечательно какая красивая. Майка на ней зелёная, трусы *синие*, всё яркое, *блестящее*, в обтяжку, как облитое, не *мохнатое*. Бывают такие блестящие мухи» (В. Бианки. Рассказы и сказки).

Мы испытываем некоторый мысленный дискомфорт, встречая в текстах объекты, описание которых противоречит соответствующей картинке в нашем сознании. Например:

«...Вдруг в комнату с сухим треском влетело *большое* насекомое, верно *вершка* в *два_длиною*... Оно походило на *муху* или осу» (И.С. Тургенев. Насекомое).

Комар - *длинноносое* двухкрылое насекомое, самка которого больно кусает (МАС).

В сознании имеется соответствующая более детальная картинка комара – *маленький, с крыльями, тонкое тельце, длинный нос (хобот)*.

«...Потому ли, что мы здесь впервые встретились с **комарами** в этом году, или потому, что *маленькие крылатые* кровопийцы были голодны, но только укусы их показались нам очень чувствительными» (Арсеньев В.К. Сквозь тайгу).

Несоответствие описываемого существа, названного комаром, «картинке по умолчанию» в нашем сознании прекрасно отражено в следующем тексте:

«...Проснулся я от боли и увидел рядом с собою мрачного *бородатого комара*, который старался запустить свой *толстый, как авторучка, хобот* мне в икру.

«Брысь!» - заорал я и стукнул его кулаком по выпученному глазу. Комар обиженно заурчал и отбежал в сторону. Он был *большой*, как собака, рыжий с подпалинами. Вероятно, во сне я бессознательно произнес формулу материализации и бессознательно вызвал из небытия это угрюмое животное. Вот так возникают нездоровые сенсации, подумал я» (А. и Б. Стругацкие. Понедельник начинается в субботу).

Комар не может быть «*большим, как собака, рыжим с подпалинами, с бородой и толстым, как авторучка хоботом*». Он не может урчать. Как, кстати, и муха в предыдущем примере не может быть «*вершка в два длиною*».

Из сопоставления словарных дефиниций и примеров из текстов можно вынести заключение, что концепт «картинка по умолчанию» в тексте гораздо более информативна, чем в словаре.

Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. Воронеж, 1996.

Словари

Академический словарь русского языка" (МАС) под редакцией А. П. Евгеньевой. М., 1961.

Малый толковый словарь русского языка под редакцией Лопатина В.В., Лопатиной Л.Е. М., 1990.

Художественные тексты

Арсеньев В.К. Сквозь тайгу. М., 1968.

Бианки В. Рассказы и сказки. М., 1974.

Стругацкие А., Б.. Понедельник начинается в субботу. Л., 1971.

Тургенев И.С.. Насекомое. ПСС., т.6. М., 1963.

Ж.И.Фридман

К вопросу о методике исследования социально - психологической лексики

Объектом нашего исследования является социально-психологическая лексика русского языка.

Под социально-психологической лексикой мы понимаем такие единицы языка, которые в равной мере имеют общественную и личную значимость для носителя языка. Рассматриваемые понятия связаны с жизнью и отношениями людей в обществе (то есть они являются общественно значимыми по своему характеру), и в то же время они имеют для человека высокую личную значимость. Они являются предметом внимания общества в целом и одновременно интерпретируются человеком применительно к его личной жизни.

Данную группу лексики трудно изучать в семантическом плане, так как к ней практически неприменимы, в частности, традиционные методы компонентного анализа: многие из социально-психологических лексем не образуют семантических парадигм, необходимых для дифференциации значений методом компонентного анализа.

Изучать социально-психологическую лексику целесообразно при помощи различных экспериментальных методик, поскольку они позволяют выявить смысловые компоненты значения слова в том случае, когда традиционные методы описания неприменимы или затруднены. Опишем некоторые из них на примере анализа слова "закон".

Испытуемым предъявлялось несколько стимулов, в числе которых было интересующее нас слово.

Методика №1. Свободный ассоциативный эксперимент

Испытуемым в письменной форме предъявлялся список слов и предлагалась следующая инструкция: "Пожалуйста, напишите

напротив каждого предложенного вам слова любое слово, которое первым приходит Вам в голову. Если такого слова нет, поставьте прочерк. Не возвращайтесь к уже прочитанным словам". В данном эксперименте приняло участие 42 человека (30 женщин, 12 мужчин; 20 человек в возрасте до 20 лет, 12 - в возрасте от 21 до 30 лет, 10 человек - в возрасте от 31 до 50 лет).

Результаты эксперимента

ЗАКОН - порядок 6, конституция 4, правда 3, и порядок, право, справедливость, суд 2, анархия, власть, вор, государство, долг, книга, кодекс, надо исполнять, не делать ничего плохого, необходимость, не писан, обязанность, строгость, тюрьма, устав, что дышло, юрист 1, отказы - 5.

Методика №2. Эксперимент на подбор симиляров

Информантам в письменной форме предъявлялся список слов и предлагалась следующая инструкция: "Прочитайте внимательно слова. Напротив каждого из них напишите слово, близкое по значению данному. Если такого слова, на Ваш взгляд, нет, поставьте прочерк". В эксперименте участвовало 43 человека (30 женщин, 13 мужчин; 22 человека в возрасте до 20 лет, 13 - в возрасте от 21 до 30 лет, 8 человек - в возрасте от 31 до 50 лет).

Результаты эксперимента

ЗАКОН - правила 7, порядок 6, кодекс, справедливость 3, право, устав 2, власть, возмездие, казнить, Конституция, необходимость, обязанность, правопорядок, рамки, сила 1, отказы - 10.

Методика №3. Эксперимент на подбор оппозитов

Испытуемым предъявлялась следующая инструкция: "Посмотрите внимательно на эти слова и напишите для каждого из них слово, противоположное по значению. Если такое слово, на Ваш взгляд, отсутствует, поставьте прочерк". В ходе данного эксперимента было опрошено 40 человек (28 женщин, 12 мужчин; 20 человек в возрасте до 20 лет, 12 - в возрасте от 21 до 30 лет, 8 человек - в возрасте от 31 до 50 лет).

Результат эксперимента

ЗАКОН - беззаконие 18, анархия 5, беспредел, дышло, преступник 2, беспорядок, вольность, хаос 1, отказы - 8.

Методика №4. Перцептивный эксперимент

Информантам предъявлялась следующая инструкция: "Слова могут вызывать у людей различные образы (зрительные, слуховые, вкусовые

и т.д.). Пожалуйста, опишите образ, который у Вас вызывает каждое из этих слов. Если образ не возникает, поставьте прочерк". В эксперименте участвовал 41 человек (28 женщин, 13 мужчин; 10 человек в возрасте до 20 лет, 20 - в возрасте от 21 до 30 лет, 11 человек в возрасте от 31 до 50 лет).

Результат эксперимента

ЗАКОН - суд 10, книга 7, судья 5, Уголовный кодекс РФ 3, Конституция, "Человек и закон" 2, кинофильм «Закон есть закон», милиция, наручники, несправедливость, плохой поступок, президент, статуя Фемиды, телевизор 1, отказ 1.

Полученные в ходе описанных выше экспериментов компоненты значения слова "закон" сопоставлялись со значениями, зафиксированными в толковых словарях русского языка: Толковом словаре русского языка под редакцией С.И.Ожегова, Н.Ю.Шведовой (1994 г.), в Словаре русского языка (в 4-х томах) под редакцией А.П.Евгеньевой (1981-1984 гг.) и в Большом толковом словаре русского языка под редакцией С.А.Кузнецова (1998 г.). В результате были выявлены значения, которые не отражены в словарях, но обнаружены в экспериментах. Полученные данные обобщались и на их основе формировалось описание психологически реального значения лексемы "закон".

Под психологически реальным значением слова мы понимаем значение, которое хранится в языковом сознании человека, в полном объеме всех семем, каждая из которых описана в единстве ядерных и периферийных семантических компонентов; это психологическая реальность, стоящая за языковыми единицами. Данное значение изучает и описывает психолингвистика. Особенностью психолингвистического подхода к трактовке значения является то, что значение рассматривается как экспериментально описанная единица языкового сознания, в принципе способная существенно отличаться по объему от лексикографического описания значения слова в имеющихся толковых словарях.

Описание психологически реального значения слова "закон" может быть представлено следующим образом.

ЗАКОН

Значения, зафиксированные в толковых словарях и подтверждаемые экспериментальными данными:

1. Нормативный акт, постановление высшего органа государственной власти, принятное в установленном порядке, имеющее юридическую силу и дающее определенные права гражданам государства: ассоциации (Конституция 4, право, государство, устав, юрист 1); симиляры (право, устав 2, Конституция, власть, сила 1); образные реакции (Конституция 1).

Дополнительные семы:

опубликованное в книгах: образ - книга 7, ассоциации - книга, кодекс 1, симиляры - кодекс 3;

за нарушение может последовать наказание: ассоциации (возмездие 1), образные реакции (суд 10, судья 5, Уголовный кодекс РФ 3, суд 2, вор, строгость, тюрьма, казнить, милиция, наручники 1), оппозит (преступник 2)

соблюдение закона как моральная обязанность человека - ассоциации (долг, надо исполнять 1); симиляр (обязанность 1);

возможность интерпретации закона в нужном направлении - оппозит (дышло 2), ассоциация (что дышло 1);

ограничивают деятельность человека: симиляр (рамки 1).

2. Правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным, непреложным, обычай: ассоциации (обычай - 10, порядок 6, и порядок, анархия, не писан 1); симиляры (правила 7, правопорядок 1); оппозиты (беспредел 2, беспорядок, вольность, хаос 1).

Дополнительная сема:

соблюдение закона как моральная обязанность человека - 1 ассоциация (долг, не делать ничего плохого 1); 1 симиляр (обязанность).

ограничивают деятельность человека: симиляр (рамки 1).

3. Система нравственных и обрядовых требований, принципов какого-либо религиозного учения: ассоциации (правда 3, справедливость 2); симиляры (справедливость 3).

Дополнительная сема:

соблюдение закона как моральная обязанность человека - 1 ассоциация (долг, не делать ничего плохого 1); 1 симиляр (обязанность).

Значение, не зафиксированное в словарях:

Фильмы, телевизионные программы, посвященные закону - образ (передача «Человек и закон» 2, кинофильм «Закон есть закон», телевизор 1).

Таким образом, слово "закон" в сознании опрошенных представлено 3 значениями, отраженными в словарях, и 1 значением, не зафиксированным словарями.

Экспериментальные данные *не подтверждают* наличия в языковом сознании информантов четырех значений исследуемого слова, которые дают словари:

1. связи и взаимозависимость каких-нибудь явлений действительности, необходимое и устойчивое отношение между явлениями (свидетельствует о первичности понимания современным языковым сознанием слова "закон" как морально-нравственного понятия);

2. религиозное учение, религия (устар.) (подтверждает, что данное значение вышло из употребления);

3. основное положение какой-либо деятельности, творчества, игры и т.д. (неактуально);

4. строгое, непрекаемое предписание, веление (неактуальное).

Эти значения, таким образом, являются для современного языкового сознания неактуальными.

Как следует из приведенного выше описания, ряд значений в результате эксперимента дополнен новыми семами, отражающими психологическую реальность языкового сознания испытуемых.

Отметим также, что структура двух значений, совпавших в словарях и в языковом сознании, представлена в языковом сознании испытуемых не полностью. Так, не подтверждается наличие в первом значении компонента «*нормативный акт*». Эксперименты не выявили наличие компонентов «*система обрядовых требований*», «*принципы какого-либо религиозного учения*» в третьем значении. Таким образом, экспериментальное исследование позволяет уточнить не только состав значений, степень их актуальности для сознания и психологическую иерархию в смысловой структуре слова (семантеме), но и семантический состав отдельных значений, что должно быть учтено при описании значений соответствующих слов в психолингвистическом толковом словаре.

В результате значение слова ЗАКОН в психолингвистическом толковом словаре может иметь следующий вид (толкования значений даются в объеме подтвержденных экспериментами семантических

компонентов; цифры указывают суммарное количество реакций, полученных в четырех типах экспериментов, поддерживающих данное значение или семантический компонент (из общего количества 126 испытуемых); мелким шрифтом даются выявленные дополнительные психологически реальные семантические компоненты):

1. Постановление высшего органа государственной власти, принятное в установленном порядке, имеющее юридическую силу и дающее определенные права гражданам государства (16);

закон опубликован в книгах (10), за нарушение закона следует наказание (29), соблюдать закон - моральная обязанность человека (3), закон ограничивает деятельность человека (1), закон можно повернуть в нужном направлении (3).

2. Правило общественного поведения, являющееся общепринятым, обязательным (32);

закон ограничивает деятельность человека (1), соблюдение закона - моральная обязанность человека (3).

3. Система нравственных требований (8);

соблюдение закона - моральная обязанность человека (3), закон ограничивает деятельность человека (1).

4. Фильмы, телевизионные программы, посвященные закону - образ (4);

«Человек и закон» (2) «Закон есть закон» (1), телевизор (1).

Таким образом, наиболее ярким значением в семантике слова «закон» является значение №2, актуальность которого подтвердила четверть испытуемых, а наиболее ярким семантическим компонентом значения слова «закон» является компонент «за нарушение закона следует наказание» (29).

Проведенный анализ социально-психологической лексики русского языка показал наличие в семантике многих исследованных слов не зафиксированных в словарях значений, хотя эти значения достаточно ярко представлены в сознании испытуемых. Можно выделить следующие виды представленности значений в языковом сознании:

системные значения, зафиксированные в словарях;

системные значения, не зафиксированные в словарях, но выявленные в эксперименте;

индивидуальные (личностные) значения.

Содержанием языкового сознания является система психологически реальных значений. Традиционные толковые словари неизбежно отстают от процесса развития языка: они, с одной стороны, включают значения, не обладающие психологической реальностью, с другой - не включают многие значения, реально существующие в языковом сознании народа. В связи с этим неправомерно говорить об

отсутствии значения в лексико-семантической системе языка только на основании того, что это значение не зафиксировано в том или ином, даже достаточно авторитетном словаре; проверены на психологическую достоверность должны быть также зафиксированные в словарных дефинициях отдельные семы.

В психолингвистическом толковом словаре должны быть представлены значения и образующие их семы в том объеме, в котором они представлены в сознании испытуемых.

Н.В. Дикун
Краснодар

Интерпретационно-паремиологическое поле концепта *удивление* в русском языковом сознании

Паремиологическая реализация любого концепта (в том числе и эмоционального) создает его интерпретационное поле, в которое входят разнообразные, часто противоречивые его оценки и трактовки, стереотипные мнения и суждения (Попова, Стернин 2001, с. 130–131), характерные для той или иной лингвокультуры. В паремических представлениях также отражается эмоциональный опыт носителей языка, их «наивная психология» (Апресян 1993, с.35) как результат первичной коллективной рефлексии внутренних переживаний.

В паремиях, объективирующих эмоции, «эксплицитно отражена сама специфика познавательного и эмоционального опыта того или иного этноса, особенности распредмечивания мира» (Красавский 2001, с. 45).

Анализ паремий позволяет установить как универсальные признаки эмоциональных концептов, так и этнокультурно-маркированные, поскольку большинство пословиц и поговорок отражает характер осмыслиения эмоций через призму обыденного национального сознания (Воркачев 1997, с.198).

В результате анализа русских пословиц и поговорок, объективирующих эмоциональный концепт *удивление*, нами были обнаружены общеуниверсальные и культурно-специфические представления об исследуемой эмоции, показывающие отношение к ней языковой личности.

По характеру ориентации (на субъект или объект), мы разделили выявленные представления на две следующие группы: 1) представления о субъекте; 2) представления об объекте (адмирante).

Паремические представления первой группы можно далее подразделить еще на две подгруппы: а) представления о субъекте-протагонисте (адмираторе); б) представления о воспринимающем субъекте (адмирате).

Паремические представления об адмираторе

Характерным для русской лингвокультуры является негативное отношение к людям, стремящимся удивить других: *Богу не угодишь, так хоть людей удивишь, Людям на потешенье, всему свету на удивленье, Людей не удивишь, так хоть себя уморишь, Иной век живет, век чудит, С него всяких чудес станется, Заживо чудеса творит, Дурить, людей дивить, Дивить свой муравейник*. Подобное отношение, по-видимому, связано с присущим русскому менталитету острым чувством коллективизма и принадлежности к определенному сообществу, выделение из которого на протяжении многовековой истории (три века монгольского ига и почти три века крепостного права) считалось признаком прислужничества или занятия нечестным промыслом (см. Вежбицкая 1996, с. 34; Распутин 1998, с. 3).

Помимо пословиц и поговорок, передающих негативное отношение к адмиратору, в русском языке имеется паремия, представляющая удивление в образе средства воздействия: *Удивить – победить*.

Паремические представления об адмирате

Русской языковой личности присуще паремическое представление о природе удивления, которое порождается незнанием адмирата: *Кто домовины не видывал, тому и корыто в диво*. В данной паремиологической области также наблюдается предписание не испытывать удивление вообще: *Ничему не удивляйся*, которое восходит к латинскому афоризму *Nil admirari*.

Следующие русские паремические представления отражают понятийные аспекты исследуемой эмоции:

1) Степень интенсивности удивления снижается по мере приобретения знаний, опыта и материальных благ – *Соколу лес не в диво / Не дивля тому жить, кому бабушка ворожит / Поживи с наше, еще и не то увидишь / Чем больше живешь на свете, тем больше увидишь / Сытый ничему не дивуется*.

2) Тот, кто постоянно удивляется, вызывает удивление других – *Кто всему дивится, на того люди дивятся*.

3) Следует регулировать свое эмоциональное поведение – *Удивленью мера, рта не разевай*.

4) При удивлении удлиняется лицо – *Радость ширит лицо, а удивление пялит вдоль*.

5) Сильное удивление действует на тело подобно холоду – *Такие*

чудеса, что дыбом волоса.

6) Удивление может вызвать головокружение и потерю рассудка –
*Подумаешь умом – головушка кругом / Много думать – лиши голову
 кружить / Ум за разум зашел, да весь и затмился.*

Паремические представления об адмиралте

Характерным для русской лингвокультуры является противоречивое представление о том, что, с одной стороны, в мире всегда есть или будет объект удивления: *Поживи на свете, погляди чудес*, а с другой – этому объекту всегда есть прецедент, исключающий удивление: *Вы дивитесь, а мы уж дивовались*. Данное представление раскрывает диалектическую, амбивалентную сущность адмиралта, ощущаемую русским языковым сознанием.

В исследуемой лингвокультуре объектом непрестанного удивления выступает высшая реальность в лице Творца и Вседержителя, имеющего особый промысел о мире и проявляющегося посредством действия всесовершенного и всемогущего Духа, природа которого была и остается непостижимой для гордого, но ограниченного человеческого разума: *Дивен Бог во Святых своих, Дивны / чудны дела твои, Господи!, Пути Господни неисповедимы*. Библейское происхождение данного паремического представления не вызывает сомнения: «О глубина богатства и премудрости и ведения Божия! Как непостижимы суды Его и неисследимы пути Его! Ибо кто познал ум Господень? Или кто был советником Ему? Потому что все – от Него и через Него и для Него. Ему слава вовеки. Аминь (Римлянам: 11, 33–36).

Анализ других паремий показал, что русская языковая личность удивляется парадоксальности сочетания разрозненных, противоречивых по характеру объектов и свойств. При этом в данном типе языкового сознания акцентируется преимущественно аспект контраста. *Вот диво: черная коровка, белое молочко, Диво дивное, чудо чудное: от черной коровки, да белое молочко, Диковинная птица – черный лебедь*. В качестве адмиралтов в русских и английских паремических представлениях также выступают следующие факторы: 1) возможность неожиданных встреч и совпадений – *Mир тесен*; 2) внезапная смерть – *Жил, жил, да вдруг и помер (жизлы порвал)*; 3) безнаказанность плохих поступков – *Как только земля его(ее) носит (держит / терпит)?*; 4) существующие моральные тенденции – *О времена, о нравы*; 5) неожиданное обогащение или приобретение: *Не было ни гроша, да вдруг алтын / Не было ни чарки, да вдруг ендовой / Нежданный карась в вершу попал*; 6) вся окружающая действительность – *Чуден свет, дивны люди*; 7) редкое и малочисленное – *Это диковиннее кукушечного гнезда / Чего*

нет(мало), то и в диковинку / Диковина – еж, а и его много; 8) нападки на священнослужителей – *Дивная вещь – девятинского попа по плеши ударить*; 9) нелогичность поступков – *На дураков не надивоваться*; 10) безразличное невмешательство – *Не дивят драчуны, удивляют зрители*; 11) внебрачные дети – *Муж родил, жену удивил*; 12) неожиданное обнаружение своей неподготовленности – *Ждали с гор, ан подплыло снизу / Расплох как убой подсчет / Взяли как Мартына с гулянья / Пришло на печи сидеть сватье: застала зима в летнем платье*; 13) женитьба и прибавление семейства – *Думал постричиться, а довелось жениться / Ждали теленка, а дал Бог ребенка*; 14) разбитые мечты и нарушенные планы – *Звали на честь, а посадили на печь / Думала попить да поесть. а тут плясать заставили / Думал купить корову, ан бык / Вместо ореха да свиц / Вместо калача кукиши / Ждала сова галку, а выждала палку*; 15) незапланированная работа – *Неожиданно в лес пошел, неожиданно топорище вырубил*; 16) незаметное изменение тела в пространстве – *Не видал, как упал, погляжу – ан лежу*; 17) безупречное ведение хозяйства – *Хорошая нива всякому в диво*.

В подобной разнородности объектов удивления можно усмотреть дискретность и калейдоскопичность русского мышления, присущую ему неразделенность картин мира, заключающуюся в «смешении в некий коктейль религиозных, ... экономических и прочих представлений, неспособности их развести и разделить» (Соловьев 2001, с. 47, 55). В таком калейдоскопе, как в зеркале отражаются в сконденсированном виде определенные архетипические свойства русской психологии.

Так, в целостном рассмотрении в качестве адмираторов всей окружающей действительности, а также редкости и необычности проявляется имманентность удивления для русской души, а следовательно, ее открытый, по-детски чистый и широкий взгляд на мир. Показателем сакральности сознания русских служит акцентирование неприкосновенности священнослужителей, а стремление к иррациональности, вызывающее пристрастие к алкоголю, выражают объекты удивления, связанные с нелогичностью поступков и пьянством.

Об абсолютизации моральных измерений человеческой жизни (Вежбицкая 1996, с. 31) свидетельствует осуждение зубоскальства и внебрачных детей, а о неспособности к долгосрочному планированию – эмоциональная реакция на незапланированную работу и неожиданное обнаружение своей неподготовленности.

На стихийный характер русского мышления указывает отражение в

адмиративных паремиях модификаций семейного статуса, а на разнообразие ожиданий и склонность к мысленному представлению последующих благоприятных событий – удивление по поводу нарушенных планов и нереализованных мечтаний, признаком постоянного пребывания в которых, порой приводящих к потере самоконтроля, выступает незаметное изменение положения тела в пространстве.

Паремическая фиксация безупречного хозяйства позволяет сделать заключение о том, что для русского языковой личностной нормой является скорее обратное, что говорит о невыработанности привычки к тщательности в труде, объясняемой отсутствием взаимосвязи между качеством земледельческой работы и урожайностью (Сухарев-Сухарев 2000, с. 201).

Таким образом, проведённый анализ интерпретационного поля удивления русского языка позволяет сделать следующие выводы.

В пословично-поговорочном фонде русской лингвокультуры выделяются две группы представлений, одна из которых является ориентированной на субъектов удивления, другая – на объекты.

Характерными для русского менталитета является представление о когнитивной природе удивления и предписание не испытывать его. При этом в русских паремиях выделяются такие специфические признаки, как зависимость удивления от степени осведомленности и материального благополучия субъекта, восприятие его окружающими, мимическое и соматическое проявление, предписание о регуляции эмоционального поведения и этическая оценка удивления.

В русской лингвокультуре также наблюдается диалектичность восприятия адмиралта и рассмотрение в качестве него Господа Бога, возможности неожиданных встреч и совпадений, сочетания противоречивых элементов, внезапной смерти, безнаказанности плохих поступков, существующих моральных тенденций и неожиданного обогащения или приобретения. Адмиралты, фигурирующие в русских паремиях, показывают калейдоскопичность мышления, а также архетипические психологические свойства – открытость, иррациональность, сакральность, склонность к морализации, неспособность к долгосрочному планированию, импульсивность.

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // В.Я. 1993. №3. С. 27- 35.

Библия. М.: Российское Библейское общество, 2001.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996.

Воркачев С.Г. Культурно-языковая специфика концепта любви в русском и испанском языках: опыт этносемантического анализа // Язык и антропологические сущности. Краснодар: Изд-во КубГУ, 1997. С. 192- 216.

Красавский Н.А. Концептосфера эмоций: Методы и результаты лингвокультурологического изучения // Языковая личность: колледж, 2001. С. 40- 64.

Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж: Истоки, 2001.

Распутин В.Г. «От каких несчастий мы произошли?»: Актуальное интервью // Аргументы и факты, 1998. №42. С. 3.

Соловьев М.В. Тайны русской души. Вопросы. Ответы. Версии. М., 2001.

Сухарев В.А., Сухарев М.В. Европейцы и американцы глазами психолога. М.: Беларусь, 2000.

Е.А.Зацепина
Борисоглебск

Исследование концептов "вежливость", "грубость" методом свободного ассоциативного эксперимента

Одним из способов выявления когнитивных признаков концепта является применение экспериментальных методик. Нами был проведен свободный ассоциативный эксперимент для выявления полного представления о специфике концептов "вежливость", "грубость" в сознании русских людей.

Исследование проводилось на материале слов *вежливость*, *грубость*, являющихся ключевыми лексемами, репрезентирующими в языковой форме в русском языке исследуемые концепты. Испытуемым разного пола, профессии и возраста (от 18 до 70 лет) предлагалось записать первое пришедшее в голову во время эксперимента слово на следующие стимулы: *высота*, *рассвет*, *общение*, *поражение*, *поведение*, *вежливость*, *удивление*, *беседа*, *кактус*, *внешность*, *грубость*, *атлет*, *образование*, *занятие*, *анекдот*. Фиксировался пол, возраст и место жительства испытуемых. В эксперименте приняло участие 193 человека (109 женщин и 84 мужчины).

Приведем результаты эксперимента (единичные ассоциаты не приводятся):

Вежливость: воспитание 14, культура 13, учтивость 10, грубость, тактичность 8, уважение, доброта 6, хорошо 4, улыбка, спасибо, поведение, внимание 3, радость, редкость, комплимент, общение, этикет, интеллигент, воспитанность, обаятельная 2 (всего получено 70 различных реакций); 34 отказа.

Грубость: хамство 25, злость 14, плохо 11, хам 10, оскорбление 7, обида 6, нахальство, невежество, жестокость 5, характер, драка, нежность 4, наглость, зло, удар, вежливость, невежливость, невоспитанность 3, бескультурье, парень, муж, неприятно, пьяница, невежа, неприятность, боль, сила 2 (всего 64 различных реакций); 20 отказов.

Анализ реакций, приведенных на стимул "вежливость", позволил выделить определенные семантические зоны, в которые «укладываются» полученные ассоциативные реакции.

Составные компоненты вежливости: тактичность, учтивость, чуткость, уважение.

Противоположные качества: грубость, нахальство, оскорбление.

Формы проявления: комплимент, улыбка, хороший поступок, реверанс, спасибо, хорошие манеры, доброта, внимание, этикет, помочь, дружелюбие, хорошее обращение, нежность, расположение, пожалуйста, хорошее отношение, милость.

Сфера проявления: общение, лучшее оружие вора, беда.

Носители признака: прилежный ученик, люди, подхалим, пионер, джентльмен, человек, королей, интеллигент, воспитание, образование, культура.

Следствие проявления вежливости: радость, гармония, красота, любовь, хорошо, приятно.

Частота проявления признака: всегда, редкость, не дождешься, диво, сказка.

Имя-эталон: Гордон, Елена Викторовна, кот Леопольд, Любовь Альбертовна.

Приведем также семантические зоны, выделенные при анализе ассоциатов на стимул "грубость".

Составные компоненты грубости: бесактность, неуважение, хамство, наглость, нахальство, невежество, невежливость.

Противоположные грубости качества: нежность, вежливость, хрупкость.

Носители признака: хам, пьяница, взрослый, невежа, невежда, молодые люди, парень, жесткий человек, муж, грубиян, некорректность, мужлан, плохой человек и др.

Следствие проявления признака: неприятность, обида, боль, страх, неприятно.

Формы проявления признака: оскорбление, сила, плохое обращение, удар, плевок, жесткость, жестокость, толчок рукой, жадность, орет, мат и др.

Сфера проявления: драка, зона.

Образное представление: ремень, руки, волосатая мужская рука, трубы, взрывы.

Выделенные семантические зоны позволяют впоследствии при помощи приема когнитивной интерпретации моделировать структуру исследуемых концептов.

Д.В. Кулешова
Тамбов

Негативные свойства личности в вербальных репрезентациях немецкого языка

Проблематика, органично связывающая язык с этносом, культурой и обществом, приобретает особую значимость в современных исследованиях, которые проводятся на стыке различных научных направлений: психолингвистики, социолингвистики, этнолингвистики, а также лингвокультурологии и когнитологии (В. фон Гумбольдт, Л. Вайсгербер, Э. Сепир, Б. Уорф, А.А. Потебня, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова, А. Вежбицкая и др.).

Особое место языка в культуре и обществе предопределяется тем, что он не только выступает в роли регулятора и координатора общественных отношений, но также способен лексически и семантически охватить всю многогранную культуру.

Общеизвестно, что понятия и значения, которыми оперирует человек, раскрывают специфику национального языка и национальной культуры.

В современных лингвистических исследованиях в формате антропологической парадигмы акцентируется внимание на проблемах языковой категоризации, затрагивающих, в частности, «человека» - «субъекта». В этом ракурсе исследуются лексические единицы, номинирующие человека в зависимости от возраста, половой принадлежности, национального, расового признака, рода занятий, подчиненности, общности деятельности, интересов, места пребывания, отношения к собственности и других характеристик.

Однако, как показывает анализ языковых единиц, в процессе исторического развития этноса и его языка складывается инвентарь вторичных номинаций, которые используются в языке для категоризации свойств человека. Не обладая способностью к категоризации, человек не смог бы адекватно адаптироваться в окружающем мире, поскольку наличие тех или иных представлений о категории иллюстрирует определенное понимание мира в «терминах категорий». По определению Н.Н. Болдырева, «категоризация – это, с одной стороны, знание категорий объектов и явлений и их названий и, с другой стороны, сам процесс отнесения тех или иных объектов к конкретной категории, включая присвоение им соответствующих названий» (Болдырев 2000, с. 67).

Следует отметить, что исследуемые нами номинации свойств лица формируют особую категорию лексических единиц, понятийный базис которых отличается абстрактным содержанием. «Абстрактные имена – результат длительного наблюдения коллективного разума этноса за проявлением мира внешнего и мира внутреннего, реальных предметов двух разных действительностей. Выводной характер семантики абстрактного имени и его «приращенные смыслы» дают возможность квалифицировать его как результат индуктивно-дедуктивной ментальной деятельности, проявляющейся в особой категории субстантивов, отличных и от имен конкретных, и от имен отвлеченных, имеющих «материальную» опору вне себя: конкретное – в виде чувственного образа, наглядного прототипа, отвлеченное – в виде производящего слова. Материальной опорой абстрактной сущности является ее знак и универсальный среди знаков – имя» (Войшвилло 1989, с. 98).

Имена свойств субъекта, являющиеся продуктом вторичной номинации, образовались на основе первичных концептов и их вербальных репрезентаций путем аффиксации, словосложения и заимствований. Формирование номинаций свойств лица в рамках аффиксации осуществлялось с помощью словообразовательных суффиксов *-heit*, (*Schüchternheit*), *-keit* (*Menschlichkeit*), *-tät* (*Aggressivität*), *-ung* (*Verantwortung*). Следующим способом, задействованным в процессе образования свойств человека, является словосложение: *Ehrgeiz*, *Eifersucht*, *Geldgier*. И, наконец, использование иностранных заимствований в процессе исторического развития способствовало появлению словообразовательной модели, базирующейся на калькировании. Например, *Altruismus*, *Egoismus* – субстантивы, этимологически являющиеся французскими заимствованиями латинского происхождения: фр. *altruisme* < лат. *alter*

«другой»; фр. *egoisme* < лат. *ego* «я», в немецком языке имеют калькированные соответствия: *Selbstlosigkeit*, *Uneigennützigkeit*; *Selbstsucht*, *Ichsucht*, *Eigennutz*, *Selbstliebe*.

Общеизвестно, что понятие «свойство» человека содержит не только непосредственную семантику вербализованного концепта, но и оценочный компонент. С точки зрения Н.Д. Арутюновой (1988, с.58) природа оценки отвечает природе человека. Оценка интерпретирует человека как некую цель, на которую ориентирован мир. Человек оценивается по биополярной шкале с параметрами “+” - “-“. В каждом языке имеется особый набор единиц, который используется в вербализации свойств человека.

Объектом рассмотрения в данной статье является класс номинативных свойств человека с негативно-оценочной коннотацией. Семантическая классификация данного рода единиц осуществляется в зависимости от фактора оценки субъекта: самооценки, оценки действий, образа жизни, адаптации к окружающей действительности.

Следует отметить, что позитивно-маркированные единицы, номинирующие свойства человека, сформировались исторически, в том числе под влиянием библейского канона: *Güte*, *Humanität*, *Mitleid*, *Anständigkeit* и др. В процессе взаимодействия с окружающей действительностью субъект в большей степени позиционирует негативные свойства, что подтверждается лексикографическими данными (Agricola, Duden, B. Klappenbach und W. Steinitz, Wahrig). Анализ словарей позволяет констатировать, что в немецком языке имеется достаточно развернутая система лексических единиц, маркирующих негативные свойства субъекта (около 150 единиц). Поскольку по семантическому объему и экспрессивно-оценочной значимости данный инвентарь единиц неоднороден, то в этой связи представляется целесообразным выделение нескольких семантических групп с негативно-оценочным компонентом.

В состав первой группы входят лексемы, выражающие генетически заложенные свойства субъекта с негативной коннотацией: *Egoismus*, *Faulheit*, *Gedankenfaulheit*, *Humorlosigkeit*, *Stupidität*. Вторую группу составили номинации, обозначающие завышенную самооценку субъекта: *Ehrgeiz*, *Eitelkeit*, *Anmaßung*, *Hochmut*, *Arroganz*, *Großsprugigkeit*, *Überheblichkeit*. В рамках данной группы уместно выделять подгруппу, включающую в себя лексические единицы, выражающие заниженную самооценку: *Selbstverachtung*, *Gehemmtheit*, *Ängstlichkeit*, *Schüchternheit*, *Zaghaftigkeit*.

В составе третьей группы, указывающей на способность субъекта адаптироваться в окружающей действительности, сформировались

три подгруппы. Первую подгруппу составляют лексемы, выражающие слабую, неуверенную форму адаптированности: *Hilflosigkeit, Feigheit, Untertänigkeit, Demut, Gefügigkeit, Sachgiebigkeit, Servilismus*. Вторая подгруппа образована из лексических единиц, характеризующих более гибкую форму адаптации: *Schlauheit, Bestechlichkeit, Pfiffigkeit, Anpassungsfähigkeit, Gerissenheit*. В состав третьего подкласса входят лексемы, обозначающие уверенную, напористую степень приспособленности к окружающей действительности: *Ungeduld, Hartnäckigkeit, Courage, Frechheit, Skrupellosigkeit*.

Четвертая группа выявляет наличие класса номинаций, которые выражают образ жизни, действий с негативно-оценочной коннотацией: *Untätigkeit, Leichtsinn, Genußfähigkeit, Ausschweifung*. Особую группу образуют лексемы, обозначающие отношение к собственности, к деньгам: *Geiz, Gier, Habsucht, Geldgier*. Шестую группу, включающую лексемы с наиболее ярко выраженной негативной маркированностью, составляют номинации, выражающие отрицательное отношение к людям, к действительности: *Intoleranz, Aggressivität, Verhärtung, Gleichgültigkeit, Grausamkeit, Brutalität, Sadismus*.

Седьмую группу составляют номинации, иллюстрирующие интимные межличностные отношения на гендерно-физиологическом уровне: *Untrue, Eifersucht, Weiberhaß, Männerfeindseligkeit, Ödipuskomplex, Geilheit, Wollust*. В состав восьмой группы входят лексемы, обозначающие стереотипные свойства, присущие немецкому национальному характеру: *Ordnungs-Besessenheit, Direktheit, Berechnung, Knauserei, Pharagraphenreiterei*.

Таким образом, можно говорить о наличии в немецком языке достаточно богатой палитры номинаций, обозначающих негативные свойства лица и отражающих специфические особенности национального языка.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. – М., 1988.

Болдырев Н.Н. Когнитивная семантика. Тамбов, 2000.

Войшвилло Е.К. Понятие как форма мышления. М., 1989.

Объективация концепта "тоска" в русском языке

Среди множества разнообразных концептов, активно исследуемых в настоящее время, есть такие, которые отражают самую суть бытия человека, его материальную и духовную культуру, специфику менталитета и эмоционального освоения мира. Являясь ключевыми, такие концепты находятся в центре языковой картины мира, определяя связи и взаимоотношения разных ее фрагментов, компонентов, единиц.

Для русского языка уже определен и рассмотрен ряд таких концептов: "душа", "судьба", "совесть", "воля", "истина" и др., в том числе и эмоциональных: "любовь", "радость", "грусть", "печаль", "тоска" (Степанов 1997). По мнению А. Вежбицкой, в "наиболее полной мере особенности русского национального характера раскрываются и отражаются в 3-х уникальных понятиях русской культуры – душа, судьба и тоска, которые постоянно возникают в повседневном речевом общении и к которым неоднократно возвращается русская литература (Вежбицкая 1996, с. 34).

Проанализируем репрезентацию концепта "тоска" в русском языке, обратившись к лексикографическим источникам. Как известно, словарная филологическая статья является весьма важным материалом для лингвокультурологического изучения концептов. По мнению З. Ю. Балакиной, Н. А. Красавского, данные, заключенные в словарной статье, можно оценивать как достаточно надежный источник лингвострановедческой, в целом социокультурной информации. В словарной статье представлена непосредственно сама картина мира, составляющими которой являются человеческий опыт, знания в различных областях деятельности *Homo sapiens*" (Балакина, Красавский 2003, с. 80).

По происхождению слово "тоска" является, как указано в Кратком этимологическом словаре русского языка Н. М. Шанского, В. В. Иванова, Т. В. Шанской (1975), общеславянским, образовано оно с помощью темы –а от той же основы, что и *тощий*, которое первоначально означало "пустой". Заслуживает внимания такой факт, что слово "тоска" утрачено почти всеми славянскими языками.

В Словаре В. И. Даля значение слово объясняется так: "стесненье духа, томленье души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, нойка сердца, скорбь".

В Словаре русского языка под ред. Д. Н. Ушакова зафиксирована также одна семема лексемы "тоска": "сильное душевное томление, душевная тревога в соединении с грустью и скукой". Кроме того, даны варианты значения, один с пометой *разг*, другой – *просторечн. фам.*

В БАС анализируемое слово уже двузначно. Первое значение слова аналогично семеме из Словаря Ушакова. Второе значение: *безн. сказ.* О скуке, унынии, царящих где-л., о состоянии тоски у кого-л. В МАС под ред. А. П. Евгеньевой (1981) отражено уже три значения: третье образовано на основе метонимического переноса от второй семемы: 3. О том, что вызывает у кого-л. состояние душевного томления, сильной скуки, уныния), а в Толковом словаре русского языка под ред. С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой отражен тот же семантический объем, но в виде 2-х семем, где вторая включает обозначение скуки и (с пометой *разг*) "чего-н. очень скучного, неинтересного, т. е. того, что скуку вызывает".

Как видим, объем семантиды лексемы "тоска" постепенно расширяется. В настоящее время толковые словари приводят различное количество семем.

По данным Словообразовательного словаря русского языка А. Н. Тихонова словообразовательное гнездо с вершиной *тоска* насчитывает 20 слов, большинство из которых (12) глаголы, обозначающие начало / конец чувства, его длительность, мучительность.

Согласно Частотному словарю русского языка под ред. Л. Н. Засориной частотными словами, выражающими концепт "тоска", является само ключевое слово "тоска" (51), а также такие номинативные единицы: "тосковать" (16), "тоскливы" (10), "тоскливо" (10). Судя по частотному словарю, эмоциональный концепт "тоска" в русском языке достаточно часто актуализируется в речи, что свидетельствует о его значимости в русской языковой картине мира.

Однако концепт "тоска" объективируется в языке не только одноименным словом, но и его различными синонимами. Синонимический ряд ключевого слова насчитывает 6 лексических единиц: *тоска, тоскливость, уныние, меланхолия, хандра, кручина* (*нар.-поэт.*). В XIX веке синонимический ряд был объемнее, в качестве синонимов в литературно-книжной речи употреблялись слова *ипохондрия и сплин*. То, что язык избавился от иноязычных слов для объективации концепта "тоска", возможно, свидетельствует об особой

национальной специфике и уникальности данного понятия в русской культуре.

Концепт репрезентирован также рядом фразеологических единиц: *смертная, смертельная тоска; сердечная, душевная тоска; тоска любви, отчаяния, одиночества; сладкая тоска; тоска берет, одолевает; тоска нападает, находит; тоска сжимает, давит, теснит и т.п. сердце, душу, грудь; наводить, нагонять тоску, разгонять, развеять, рассеять и т.п. тоску; с тоски (от тоски) пропасть, удавиться, умереть и т.п.* Наряду с тем, что слово "тоска" коммуникативно востребовано, в контексте оно порой не в полной мере репрезентирует необходимые составляющие содержания концепта, поэтому часто сопровождается разнообразными определениями. Так, в Словаре эпитетов русского языка К. С. Горбачевича, Е. П. Хабло (1979) зафиксировано более 150 определений к данному слову.

Таким образом, исследуемый концепт лексически хорошо разработан, что свидетельствует о его актуальности для национального сознания и коммуникативной релевантности. Концептуальная значимость этого эмоционального состояния отражена морфемной и словообразовательной структурой, семантическим диапазоном, разнообразием эпидигматических, парадигматических, синтагматических, ассоциативных, фразеологических связей и отношений слов с корнем *-тоск-*. Нам представляется, что дальнейшее изучение особенностей отражения концепта в национальной концептосфере позволит выявить некоторые существенные черты русского менталитета и эмоционального мировосприятия.

Балакина З. Ю., Красавский Н. А. Словарная статья как материал для изучения эмоциональных концептов // Культура общения и ее формирование. Вып. 10, Воронеж, 2003. С. 80.

Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М., 1996.

Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. - М., 1997.

Д.Ю. Полиниченко
Краснодар

**Понятийный компонент
лингвокультурного концепта «язык»
(на материале русского языка)**

Обобщение точек зрения на концепт и его определений в лингвистике позволяет прийти к следующему заключению: концепт – это единица коллективного знания/сознания (отправляющая к высшим духовным ценностям), имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой (Воркачёв 2001, с. 70).

Как представляется, оптимальным для полноты семантического описания универсального культурного концепта «язык» будет выделение в его составе трех составляющих: понятийной, отражающей его признаковую и дефиниционную структуру, образной, фиксирующей метафоры, поддерживающие концепт в языковом сознании, и значимостной, определяемой местом, которое занимает имя концепта в лексико-грамматической системе конкретного языка, куда войдут также этимологические и ассоциативные характеристики этого имени (Воркачев, Полиниченко 2003, с.178).

Понятийную составляющую культурного концепта уместнее всего определить через отрицание: это то в содержании концепта, что не является метафорически-образным и не зависит от внутрисистемных характеристик его языкового имени (Воркачёв 2002, с. 55).

При анализе национальной формы обыденного сознания в качестве эталона принят семантический прототип языка, полученный на материале научного дискурса и не отмеченный культурно-языковой спецификой. Его семантическое ядро образуют следующие дефиниционные признаки: неограниченная семантическая мощность, эволютивность, манифестируемость в речи и этничность. При употреблении имени концепта (в данном случае – лексемы «язык») в составе предикативных единиц в идеале актуализируется один из дефиниционных признаков, помещаемый говорящим в коммуникативный фокус высказывания (Воркачёв 2003, с. 41).

Корпус иллюстративного материала исследования составил около тысячи примеров, взятых из русской литературы художественного и публицистического характера (XX в.)

Естественный язык как явление действительности существует только в своих воплощениях, т.е. в речи (Звегинцев 2001, с.218), при

этом речь возможна только на конкретном идиоэтническом языке. Поэтому вполне естественным для бытового дискурса оказывается употребление лексемы «язык» именно для обозначения конкретного языка: *Беззвукный голос выкрикнул несколько отрывистых фраз, непонятных, как малайский язык; раздался шум как бы долгих обвалов; эхо и мрачный ветер наполнили библиотеку* (А. Грин); – *Ах да, я ведь вам мешаю, – на чистом русском языке ответила пани и легко поднялась с дивана, встав почти рядом с Корчагиным* (Н. Островский); *Последний раз она была в России еще перед великой войной, но русским, как и многими другими языками, владела абсолютно свободно* (В. Звягинцев); *Быть может, он не знал ни русского, ни немецкого языка, а вернее – не хотел говорить* (А. Беляев); *В середине декабря должна была состояться контрольная работа по английскому языку* (Ю. Трифонов).

При этом часть случаев употребления лексемы приходится на упоминание о родном (в основном – о русском) языке, причем о нём часто говорится по контрасту с другими: *Русский язык его наверняка страдает хоть какими-то пограничностями, и выдавать себя за русского – заведомо обречено на неудачу, сопряженную причем с потерей лица* (В. Звягинцев); *Сам Таяма или его штурман ругательски ругали в это время на русском языке экипаж и рулевого шхуны, которые не умели-де обращаться с управлением и не знали своего дела* (А. Беляев); *Матвей Петрович говорил очень правильным русским языком, с твердыми, ясными окончаниями слов, с той правильностью, которая легче всего выдает иностранца* (Г. Адамов); – *Бюрократизмус! – кричал немец, в ажитации переходя на трудный русский язык* (И. Ильф, Е. Петров).

Дефиниционный признак этничности представлен также в очень характерном выражении говорить (*спрашивать, понимать*) русским языком (*по-русски*). Русский язык выступает эквивалентом нормального, человеческого языка, от отличий от языка иностранного: *Русским языком ему говорят, что "студебеккер" в последний момент заменен "лорен-дитрихом", а он морочит голову!* (И. Ильф, Е. Петров); – *Варенуха, – отозвался все тот же гадкий голос, – ты русский язык понимаешь?* (М. Булгаков); *Вчера русским языком было сказано: с утра все к черту, только штампы, штампы и штампы!* (Ю. Трифонов). В то же время частота встречаемости подобных оборотов крайне невелика.

С точки зрения языковой картины мира говорить на родном языке (в данном случае – по-русски) – это всё равно, что просто говорить, и

вопрос о языке возникает только тогда, когда в поле зрения попадают другие языки (Левонтина 2000, с.287).

Часто лексема «язык» используется в значении «иностранный язык», таким образом язык по умолчанию понимается как чужой: *Так и было, когда мы жили в Крыму: Саня сердится, что я забросила языки, и я стала снова заниматься испанским* (В. Каверин); *Великими полномочными послами выбрали Лефорта, сибирского наместника Федора Алексеевича Головина, мужа острого ума и знавшего языки, и думного дьяка Прокофия Возницына* (А. Толстой); *А она всё так же учила химию, языки и диамат, боясь не понравиться ему, когда он вернётся* (А. Солженицын); *При этом в высшей степени образованна, знает четыре языка, выступает с лекциями* (Ю. Трифонов).

В значении собственно естественного человеческого языка лексема «язык» употребляется крайне редко и только по контрасту с другими коммуникативными системами: – *Иду вперед! Следуйте за мной!* – закричал Дима, хлопая в ладоши и переводя на человеческий язык эту перекличку кораблей (Г. Адамов); – *Можно подумать, что слон понимает человеческий язык и знает, что я хотел сделать*, – сказал он (А. Беляев); – *Кагги-Kapp, Кагги-Kapp*, – прокаркала ворона и Чарли Блек готов был сейчас поклясться даже перед судом, что в переводе на человеческий язык это означало: – *Да, да, да!* (А. Волков).

Употребление лексемы в значении естественного языка без какой-либо конкретизации и сравнения обладает более высокой частотностью, но оно отражает скорее научную, а не наивную картину мира: *Ведь язык тоже одно из самых логических строений человеческой мысли* (И. Ефремов); *Честнее всего было бы признать, что язык – это орудие производства, ну, как станки, как железные дороги, как почта* (А. Солженицын); *Дороднов вдруг округлил глаза и руками всплеснул: "Юлия Михайловна, неужто вы отрицаете тот факт, что язык – явление классовое?"* (Ю. Трифонов).

Остальные значения лексемы «язык» не относятся непосредственно к естественному языку, хоть и косвенно связаны с ним. Название человеческого языка легко переносится на любую семиотическую систему: *Как женщина, она была непопулярна в Каперне, однако многие подозревали, хотя дико и смутно, что ей дано большие прочих – лишь на другом языке* (А. Грин); *Читайте свои рассказы, даже сами их пишите, но не пытайтесь всерьез переложить алгебру Буля на язык комиксов* (В. Звягинцев); *Но японцы не поняли – или не пожелали попять – его мимического языка* (А. Беляев); *Этюды, или монопльесы, были, как утверждала хрестоматия, самым верным средством,*

чтобы сознательно усвоить законы, управляющие языком телодвижений (В. Каверин); Пора поставить винтовки в козлы и побеседовать не языком этих винтовок, а человеческим языком... (Ю. Трифонов).

Лексема «язык» употребляется для обозначения всякого рода диалектов и функциональных стилей языка: Говорил Жухрай ярко, четко, понятно, простым языком (Н. Островский); Я решил упростить позицию, выражаясь шахматным языком, и представился (В. Звягинцев); Тебе проще понять язык команды (А. Волков); Он вежливо разговаривал с ней обычным городским языком, первый здоровался и даже доброжелательно улыбался (А. Солженицын).

Также лексема «язык» употребляется во фразеологизированных выражениях, в которых лексема указывает на орган речи, через функционирование которого описывается речевая деятельность (Левонтина 2000, с.283): Поп был несколько в замешательстве, но привычка владеть собой скоро развязала ему язык (А. Грин); Языки у них подвешены не так уж крепко, поэтому я умолчал о самом главном (Н. Островский); Глаза у леди Спенсер подернулись поволокой, и язык стал заплетаться (В. Звягинцев); На этот раз она благородно держала язык за зубами и ни словом не обмолвилась о цели своего появления в Изумрудном городе (А. Волков); При Лере они ограничивались намеками, но когда ее не было, распускали языки вовсю (Ю. Трифонов).

Таким образом, в корпусе материалов оказывается представлен такая дефиниционный признак концепта «язык», как этничность. Другие дефиниционные признаки – неограниченная семантическая мощность, эволютивность и манифестируемость в речи непосредственно не представлены.

Непредставленность в текстах эволютивности языка представляется закономерным. Эволютивность языка является индифферентной для обыденного сознания, т.к. это признак диахронический, а обыденное сознание, очевидно, направлено в гораздо большей степени на синхронию, нежели диахронию.

Такой дефиниционный признак, как манифестируемость в речи, очевидно, является самоочевидным для носителя языка и поэтому не представлен эксплицитно.

Итак, по результатам анализа корпуса материалов можно утверждать, что обобщенный образ лингвокультурного концепта «язык» по данным русских текстов формируется главным образом дефиниционным признаком этничности – язык, как правило, представляется конкретным идиоэтническим языком. В редких

случаях фиксируется и представление о «человеческом языке» как о системе, отличающейся от других коммуникативных систем, при этом дистинктивным признаком служит как раз его неотъемлемая связь с человеком. Таким образом, *Homo sapiens* оказывается эквивалентен *Homo loquens*.

Воркачев С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкоznании. // НДВШ, 2001, № 1. С. 64–72.

Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар, 2002.

Воркачев С. Г. Сопоставительная этносемантика телесоименных концептов «любовь» и «счастье» (русско-английские параллели). Волгоград, 2003.

Воркачёв С.Г., Полиниченко Д.Ю. Концепт «язык» в русском паремиологическом фонде // Проблемы вербализации концептов в семантике текста. Волгоград, 2003. С. 176–180.

Звеницев В.А. Язык и лингвистическая теория. – М., 2001..

Левонтина И.Б. *Речь vs. язык* в современном русском языке. // Язык о языке: Сб. статей. М., 2000. С. 271–289.

М.Я. Розенфельд

Образ в смысловой структуре русского слова *год*

Структурно-семантический подход к образности слова исходит из того, что образ может являться компонентом лексического значения. Такой компонент значения назван эмпирическим. «Это закреплённый за знаком обобщённый чувственно-наглядный образ обозначаемого предмета» (Стернин 1979, с.129).

Чувственно-наглядный компонент входит в значение большого количества слов конкретной лексики. Часто мы в полной мере можем определить значение предметного существительного, только если представляем реалию, которую оно называет. З.Д. Попова, И.А. Стернин в монографии «Очерки по когнитивной лингвистике» указывают: наиболее яркие образы у носителей русского языка связаны с названиями астрономических тел, предметов быта, частей тела. Исследователи также отмечают, что те или иные чувственные образы экспериментально обнаруживаются и для слов абстрактной

лексики (хотя реалии, называемые абстрактными существительными, нельзя наблюдать чувственno!).

Нами была поставлена задача экспериментально проверить, входит ли образ в смысловую структуру абстрактных существительных, описать этот образ, если в ходе эксперимента он будет обнаружен.

Исследование проводилось на материале существительного *год*. Испытуемые – учащиеся старших классов средней школы (100 чел.). Метод исследования – направленный ассоциативный эксперимент. Испытуемым предлагалась инструкция: «Опишите всё, что вы видите, слышите, чувствуете, когда произносится слово *год*».

Результаты эксперимента

Год: накрытый стол на праздник 25; новогодняя ёлка 24; мелькание времён года 19; календарь 19; зима, много снега 7; хорошее настроение 5; кабинет химии и дети в нём 3; бутылка спиртного 3; Куранты 2; Дед Мороз и Снегурочка 2; ручей, переходящий в реку 2; земля в оранжевых листьях 2; дорога 2; отмечание моего Дня рождения в моей комнате 2; праздничная линейка во дворе школы 2; яркое солнце и тает снег – март 2; расцветающие на дереве цветы 2; люди гуляют по зимней улице 2; круг, разделённый на 12 сегментов 2; море в июле 1; мультфильм «12 месяцев»: месяцы стоят у костра 1; украшенная комната 1; я взрослый 1; запах мандаринов 1; дата на бумаге «1905» 1; моя мама 1; круг, разбитый на 4 сектора: осень – рыжий, весна – зелёный, лето – жёлтый, зима – серый 1; плакат с изображением времён года 1; поле 1; Земной шар в Космосе 1; почки на деревьях 1; я иду по коридору истфака ВГУ 1; дождь 1; снег 1; тюремная решётка, за ней - пустота 1; число «2002» на бумаге 1; телевизор: Голубой огонёк 1; 100. Отказы – 0.

Обсуждение результатов эксперимента

В результате обработки полученных данных было выяснено, что слово *год* вызывает в сознании испытуемых чувственные образы. При описании результатов эксперимента мы столкнулись с трудностью: в научной литературе отсутствует единая, общепринятая классификация ассоциаций. Мы попытались классифицировать ассоциации по обобщённым признакам – по «принадлежности» к органам чувств.

Среди ассоциатов можно выделить *зрительные* (накрытый стол на праздник, мелькание времён года, круг, разбитый на 4 сектора и др.), *слуховые* (бой Курантов на Новый Год), *обонятельные* (запах мандаринов). Зрительные образы преобладают. Это связано с наибольшей яркостью зрительного образа, кроме того, зрительные образы, видимо, проще в описании, чем слуховые или обонятельные.

Среди зрительных образов большое место отводится *предметным* (календарь, бутылка спиртного). Ф.Е. Василюк в статье «Структура образа» указывает, что есть ряд абстрактных существительных, в образе которых предметность выступает на первый план. Испытуемый не вслушивается в слово, не вдумывается в понятие, его сознание сквозь понятие направляется на внешний мир, в котором испытуемый находит соответствующую предметную ситуацию.

Помимо сугубо предметных образов, где предмет видится изолированным и статичным, в образной структуре слова *год* присутствуют *динамические* образы (яркое солнце и тает снег; люди гуляют по зимней улице). Испытуемый имеет дело не с образом, а, скорее, с галереей образов. Обилие динамических образов, возможно, связано с тем, что реалии, которые называют абстрактные существительные мы непосредственно не наблюдаем в жизни.

В перечне ассоциатов встречаются уникальные, ситуативные (дата на бумаге «1905»). Многочисленные единичные ассоциаты – показатели *субъективности* образа.

Надо оговориться, что принятая выше классификация образов не совсем корректна. Каждый из приведённых образов и предметен, и динамичен, и субъективен (субъективность и динамичность – ключевые свойства образа как такового). Однако в каждом конкретном образе какая-то из характеристик выходит на первый план.

Рассмотрим ассоциаты «праздничная линейка во дворе школы» и «запах мандаринов», «ёлка». Они вызваны в сознании не отдельно взятым словом, а словосочетаниями *учебный год* и *Новый год*. Словосочетание вызывается в сознании стимулом ГОД, и в эксперименте описывается зрительный образ, вызываемый словосочетанием. Это вторичный образ.

Таким образом, можно констатировать, что в семантической структуре слова *год* присутствует образный компонент. Среди образных ассоциаций слова преобладают зрительные. Образы обладают такими характеристиками как первичность/вторичность, субъективность, динамичность, предметность.

Василюк Ф.Е. Структура образа // Вопросы психологии. 1993, №5.
Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике.
Воронеж, 2001.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова. Воронеж, 1979.

Объективация концептов «русский язык» и «английский язык» в коммуникативном сознании сельских жителей

Нами было опрошено 163 жителя села Староникольское Хохольского района Воронежской области. Среди них – 99 женщин: 64 чел. 16 – 25 лет; 11 чел. 26 – 40 лет; 15 чел. – 41 – 60 лет; 9 чел. – 61 – 80 лет; 9 чел. – 61 – 80 лет; и 64 мужчины: 31 чел. 16 – 25 лет ; 20 чел. – 26 – 40 лет; 13 чел. – 41 – 80 лет.

Испытуемым предлагалась инструкция: «Вы участвуете в психолингвистическом эксперименте. Подберите определение к словосочетаниям «русский язык - какой», «английский язык - какой» и запишите их».

Анализ результатов направленного ассоциативного эксперимента позволяет построить ассоциативное поле стимулов *русский язык* и *английский язык*, а также получить сведения о структуре исследуемых концептов. Содержание ассоциатов – членов ассоциативного поля – обобщается в смысловые зоны (Ю.Н.Караулов) и в соответствии с принципом когнитивной интерпретации (Попова, Стернин) толкуется как отражение когнитивных признаков исследуемого понятия.

Ассоциативное поле делится на ядро, ближнюю и дальнюю периферию. Представим структуру концепта по данным когнитивной интерпретации единиц ассоциативного поля. Ядерно-периферийное членение когнитивных признаков отражает ядерно-периферийное членение ассоциативного поля, полученного экспериментальным путем.

Концепт «русский язык»

Ядро концепта отражают 5 смысловых зон, представленных следующими наиболее частотными ассоциатами:

1. *Зона объема словарного состава*: богатый, обширный, объемный, емкий, разнообразный, масштабный, многообразный, всеобъемлющий, широкий (132);
2. *Зона этико-нравственной оценки*: хороший, замечательный, лучший, клевый, обалденный, нормальный, крутой, отличный (90)
3. *Зона доступности освоения*:
 - а) сложный, трудный, тяжелый, заумный (57);
 - б) легкий, простой, доступный, понятный, доходчивый (46)

4. *Зона эстетической оценки:*

- а) красивый, прекрасный, великолепный, превосходный (66);
- б) гадкий, поганый, безобразный(3).

5. *Зона общей оценки:* родной, мой, наш, свой (31)

Признаками ближней периферии являются следующие: меньшая по сравнению с ядром частотность соответствующих ассоциатов, их стилистическая нейтральность.

Ассоциаты ближней периферии принадлежат к следующим семантическим зонам:

1. *Зона особенностей словарного состава:* ненормативный, матерный, похабный, извращенный, противный, пошлый, вульгарный, дворово-блатной, засоренный, европеизированный (33)

2. *Зона распространенности:* распространенный, известный, всеобщий, глобальный, всемирный, широко изучаемый, многонациональный (32)

3. *Зона общей оценки:*

а) мифологемы – великий, могучий (23) (эти признаки отражают не столько объективные качества русского языка, сколько типичные стереотипы данного языкового социума);

б) интересный, познавательный, увлекательный (18);

в) родной, свой, наш (31);

г) любимый, милый, обожаемый (18);

4. *Зона звукового впечатления:* звучный, высокозвучный, мелодичный, напевный, лирический, певучий, приятный, музыкальный (21).

Дальняя периферия включает ассоциаты с невысокой частотностью, яркими стилистическими, экспрессивными и оценочными семами. Сюда можно отнести лексические единицы следующих смысловых групп:

1. *Зона интеллектуальной оценки:* умный, мудрый, развитый, глубокий (14);

2. *Зона вежливости:* культурный, литературный, грамотный (12);

3. *Зона «оптимистической» оценки:* веселый, смешной, прикольный (11)

4. *Зона престижности:* почитаемый, основной, важный, всемирно признанный (4);

5. *Зона индивидуальной характеристики:* необычный, странный, своеобразный (6);

6. *Зона утилитарной оценки:* удобный, полезный (6);

7. *Зона модности:* современный, модный (6);

8. *Зона важности владения*: необходимый, нужный, обязательный (3).

Результаты экспериментального исследования концепта «английский язык».

Ядро концепта

1. *Зона распространенности*: распространенный, мировой, массовый, всемирный, многонациональный (55);
2. *Зона доступности изучения*: легкий, понятный, простой, общедоступный (37);
3. *Зона сложности усвоения*: сложный, трудный, сложнозаучиваемый, трудночитаемый, неразборчивый (27);
4. *Зона сходства с родным языком*: незнакомый, неродной, далекий, чужой, непонятный (20);
5. *Зона звукового впечатления*:
 - а) музикальный, мягкий, кошачий, ласкающий, приятный, нежный, звучный, звонкий, благозвучный (38);
 - б) твердый, грубый, жесткий, лающий, отрывистый, сухой, неласковый (12);
6. *Зона эстетической оценки*:
 - а) красивый, великолепный, прекрасный (55);
 - б) ужасный, безобразный, ненавистный (20).

Ближняя периферия

1. *Зона необходимости владения*: необходимый, нужный, многоиспользуемый, незаменимый (25);
2. *Зона этико-нравственной оценки*: классный, хороший, лучший, отличный, великолепный, добный (25);
3. *Зона эстетической оценки*: красивый (16);
4. *Зона модности*: современный, модный, суперский, известный, многоупотребляемый, коммуникабельный (16);
5. *Зона общей оценки*: интересный, завораживающий (16);
6. *Зона эмоциональной оценки*:
 - а) яркий, чувственный, эмоциональный (7),
 - б) ограниченный, стандартный, менее выразительный, немой, скучной, неинтересный, глухой, неприличный, неудобный (11);
7. *Зона объема словарного состава*: масштабный, многообразный, многозначный, разнообразный, обширный, широкий, емкий (12).

Дальняя периферия

1. *Зона интеллектуальной оценки:*
 - а) умный, продвинутый, цивилизованный, передовой, перспективный, поучительный (9);
 - б) тупой, ограниченный (4);
2. *Зона индивидуальной характеристики:* необыкновенный, своеобразный, оригинальный;
3. *Зона вежливости:* вежливый, культурный (3).

Анализ результатов эксперимента по выявлению когнитивных признаков концептов «русский язык» и «английский язык» показывает следующее:

1. Яркие различия проявились в зоне общей оценки. Значительно чаще, чем английский, русский язык оценивается как «великий, могучий, любимый, интересный». Сравним:

Когнитивный признак	мужчины		женщины	
	русский	английский	русский	английский
великий	16%	2%	10%	-
могучий	24%	2%	10%	-
любимый	16%	1%	4,6%	-
интересный	5%	5%	15%	26,6%

Отметим, что в женском коммуникативном сознании отсутствуют такие признаки концепта «английский язык» как «великий, могучий, любимый». С другой стороны, признак «интересный» отмечается женщинами чаще, чем этот же признак концепта «русский язык».

Интересные данные были получены в зоне доступности освоения.

Восприятие признака «трудный» концептов «русский язык и английский язык» приблизительно одинаковы:

	мужчины	женщины
Русский	42%	35%
Английский	36%	36%

В то же время 59% опрошенных женщин считает английский язык «легким в освоении», в то время как русский язык как «доступный, легкий», оценивают лишь 35% женщин. Слабым владением английским языком объясняется тот факт, что всего лишь 19%

опрошенных женщин находят «богатым» английский язык, а у мужчин этот когнитивный признак вообще не выявлен. Сравним: 35% опрошенных мужчин и 68% испытуемых женщин находят «богатым» русский язык.

Яркое различие в восприятии концептов «русский язык» и «английский язык» проявляется в частности ассоциатов «распространенный и модный». Эти признаки наиболее ярко отмечены в концепте «английский язык».

	Мужчины		Женщины	
	русский	английский	русский	английский
распространенный	7%	55%	28%	62%
нужный	3,7%	14%	-	25%
престижный	5,5%	25%	2%	37%
модный				

Таким образом, признак «нужности и престижности» в женском языковом сознании у сельских жителей отсутствует.

Интересные результаты получены в зонах звукового впечатления, эмоциональной, эстетической и этико-нравственной оценок. Наряду с положительной характеристикой английского языка были отмечены его негативные признаки. Об этом свидетельствуют данные, приведенные в таблице, где знаком «+» отмечены позитивные признаки, знаком «-» негативные.

Зона	мужчины		Женщины	
	русский	английский	русский	английский
Звукового впечатления	+12%	+20% -18%	+14%	+42% -7%
Эмоциональной оценки	+5,5%	+13% -4,5%	+4%	+6% -11%
Эстетической оценки	+31%	+25% -8%	+36% -8%	+5% -4%
Этико-нравственной оценки	+59%	+13% -23%	+45% -3%	+15%

Анализ когнитивных признаков, выявленных с помощью направленного ассоциативного эксперимента, позволяет ранжировать их по степени яркости в сознании носителей языка.

Сравним:

<i>Русский</i>	<i>Английский</i>
большой 80%	распространенный 54%
сложный 47%	легкий 46%
хороший 45%	красивый 33%
легкий 44%	трудный 31%
красивый 40%	непонятный 26%
родной 22%	современный 25%

Таким образом, результаты опроса отражают в целом положительное отношение жителей села как к русскому, так и к английскому языку. Английский язык при этом представляется более легким, чем русский, более распространенным, современным и непонятным.

М.Е.Татаринова

Интенсификация сообщаемой о человеке информации посредством компаративных словосочетаний (на материале русского, английского и французского языков)

Для интенсификации характеристики человека в процессе общения мы прибегаем к сравнению. Предметом сообщения являются русские, английские и французские компаративные словосочетания (КомпС), основанием которых являются слова «красный», «red» или «rouge», соответственно, например: «красный как пион», «(as) red as blood», «(as) red as a beetroot», «rouge comme une ecrevisse», «rouge comme une tomate» и др.

Опорные компоненты КомпС принадлежат к различным тематическим группам: цветы (мак, пион, роза), ягоды (малина, вишня), овощи (свекла, помидор), представители животного мира (рак, индюк). Однако их употребление в составе устойчивых КомпС с общим основанием говорит о том, что они образуют лексическую категорию «Эталоны красного цвета». Например, основание русских устойчивых КомпС «красный» сигнализирует о том, что слова *рак*, *мак*, *пион* и *кумач* образуют лексическую категорию «Эталоны красного цвета». Это свидетельствует о существовании в сознании носителей языка соответствующей естественной категории объектов.

Русская, английская и французская категории «Эталоны красного цвета» частично пересекается. Об этом говорит наличие в КомпС исследуемых языков опорных компонентов, выражающих одинаковые концепты, например, «красный как *рак*» и «*rouge comme une escrivaïsse*».

Выбор говорящим для сравнения того или иного эталона зависит от объекта сравнения, от оценки говорящим объекта сравнения и от ситуации общения. Например, русское КомпС «красный как рак», как правило, имеет отрицательную коннотацию: *Моргач, весь красный как рак, ...язвительно посмеивался из-за угла* (И.С. Тургенев). Здесь выражена отрицательная оценка говорящим объекта сравнения – человека, имя которого Моргач, на что указывают элементы контекста: «язвительно», «из-за угла». Английское КомпС «as red as a rose» имеет положительную коннотацию: *A fine old... gentleman with a face as red as a rose* (Ch. Kingsley); *And look at the skaters here on the canal – they're red as roses, and happy as lords* (M. Dodge). Элементы контекстов «*fine*» и «*happy as lords*» указывают на положительную оценку говорящим объектов сравнения.

Различия в выборе эталонов красного цвета у разных народов могут объясняться выделенностью тех или иных объектов в культуре народа. Так, специфичным для русского языка является КомпС «*красный как кумач*». Выделенность, эталонность кумача (т.е. красной ткани) для носителей русского языка объясняется значимостью этого объекта в русской культуре.

Т.А.Чубур

Опыт контрастивного анализа лексем со значением «*перерыв в работе*» в русском и английском языках

По контрастивной методике (Стернин, Флекенштейн 1989) нами была предпринята попытка анализа лексической группировки со значением *перерыв в работе, в какой-либо деятельности* в русском и английском языках.

Результаты контрастивного описания представлены в таблице, в которой последовательного сравниваются по значениям и отдельным компонентам значения русские и английские межъязыковые соответствия.

Приведем результаты исследования в виде контрастивной таблицы.

ПЕРЕРЫВ	STOP	
Период времени Перерыв В действиях неоц. неэмоц. межстил. совр.	Период времени Перерыв В действиях неоц. неэмоц. межстил. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив.
	STAY	
Перерыв В действиях - неоц. неэмоц. межстил. совр.	Перерыв В действиях Задержка неоц. неэмоц. межстил. совр.	Эквив. Эквив. Безэквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив.
ПЕРЕДЫШКА	BREATHING SPACE	
Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности ---	Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Неприятной, утомительной	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Безэквив.
Позволяющий собраться с силами неоц. неэмоц. межстил. совр.	Позволяющий собраться с силами неоц. неэмоц. межстил. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив.
	RESPITE	
Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности ---	Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Неприятной, утомительной Позволяющий собраться с силами	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Безэквив. Эквив.
Позволяющий собраться с силами ---	Задержка неоц. неэмоц. книжн. совр.	Безэквив. Эквив. Эквив. Неэквив. Эквив.

	BREATHER	
Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Позволяющий собраться с силами неоц. неэмоц. межстил. совр.	Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Позволяющий собраться с силами неоц. неэмоц. разгов. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Неэквив. Эквив.
ПЕРЕРЫВ	BREAK	
Период времени Перерыв В деятельности --- неоц. неэмоц. межстил совр.	Период времени Перерыв В деятельности Для отдыха неоц. неэмоц. межстил. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Безэквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив.
ПРИВАЛ	STOP	
Период времени Перерыв В пути Для отдыха Место для отдыха неоц. неэмоц. межстил. совр.	Период времени Перерыв В пути Для отдыха Место для отдыха неоц. неэмоц. межстил. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив.
ПЕРЕКУР	CIGARETTE BREAK	
Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Для отдыха Чтобы выкурить сигарету неоц. неэмоц. разг. совр.	Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Для отдыха Чтобы выкурить сигарету неоц. неэмоц. разг. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив.

	FAG BREAK	
Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Для отдыха Чтобы выкурить сигарету неоц. неэмоц. межстил. совр.	Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Для отдыха Чтобы выкурить сигарету неоц. неэмоц. сленг. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Нээквив. Эквив.
ТИХИЙ ЧАС		
Период времени Непродолжительный Перерыв Для отдыха Для послеобеденного сна неоц. неэмоц. межстил. совр.		
ПЕРЕВЕСТИ ДУХ	TO TAKE A BREATH	
Отдохнуть Непродолжительное время Прекратить какую-либо деятельность Глубоко вздохнуть, отышаться неоц. неэмоц. межстил. совр.	Отдохнуть Непродолжительное время Прекратить какую-либо деятельность Глубоко вздохнуть, отышаться неоц. неэмоц. межстил. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив.
Отдохнуть Непродолжительное время Прекратить какую-либо деятельность Глубоко вздохнуть, отышаться неоц. неэмоц. межстил. совр.	TO TAKE A BREATHER (Brit.) Отдохнуть Непродолжительное время Прекратить какую-либо деятельность Глубоко вздохнуть, отышаться неоц. неэмоц. разг. совр.	Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Нээквив. Эквив.

<p>ПЕРЕДОХНУТЬ</p> <p>Отдохнуть Непродолжительное время Собраться с силами неоц. неймоц. межстил. совр.</p>	<p>TO TAKE (HAVE) A BREAK</p> <p>Отдохнуть Непродолжительное время Собраться с силами неоц. неймоц. межстил. совр.</p> <p style="text-align: center;">COFFEE BREAK</p> <p>Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Для отдыха Чтобы выпить чашку кофе неоц. неймоц. межстил совр.</p>	<p>Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив. Эквив.</p>
	<p style="text-align: center;">TEA BREAK</p> <p>Период времени Непродолжительный Перерыв В деятельности Для отдыха Чтобы выпить чашку чая неоц. неймоц. межстил. совр.</p>	
<p>ОБЕДЕННЫЙ ПЕРЕРЫВ</p> <p>Период времени Перерыв В деятельности Для отдыха Для принятия пищи неоц. неймоц. межстил. совр.</p>		

Таким образом, в лексической группе *перерыв в работе, в какой-либо деятельности* выявляются:

две безэквивалентных русских лексических единицы (*тихий час, обеденный перерыв*);

две безэквивалентных английских лексических единицы (*coffee break, tea break*);

Полное совпадение сем, как денотативных так и коннотативных обнаружилось в 5 лексических единицах:

Остановка - Stop

Привал - Stop

Перекур - Cigarette break

Перевести дух - To take a breath

Передохнуть - To take (have) a break

В трех лексических единицах выявилось частичное совпадение денотативных сем:

Остановка - Stay

Передышка - Breathing space

Перерыв - Break

В трех лексических единицах выявилось частичное совпадение коннотативных сем

Передышка - Breather

Перекур - Fag break

Перевести дух - To take a breather

Одна пара соответствий имеет различия как в денотативном значении, так и в коннотативном:

Передышка - Respite

Следует отметить, что общее количество лексических единиц для обозначения концепта *перерыв в работе, в какой-либо деятельности* в английском языке больше (13), чем в русском языке (9).

М.Ю.Шевченко

Борисоглебск

Развитие концепта “культура” в русской концептосфере (по данным словарей)

Концепт, репрезентируемый в русском языке словом *культура*, весьма важен для коммуникативного сознания русского человека, тяготеющего к общению, речевому взаимодействию, и потому интересен для лингвокогнитивного анализа, цель которого – выявив

максимально полно состав языковых средств, репрезентирующих исследуемый концепт, моделировать его содержание как глобальной (ментальной) единицы в ее национальном своеобразии; описать содержание соответствующего концепта как единицы национальной концептосферы (Попова, Стернин, с. 93).

Лексема **культура** – ключевая лексема, репрезентирующая рассматриваемый концепт в русском языке. По частотному словарю Л.Н. Засориной, ее частотность – 269. Основная, базовая вербализация наблюдается в газетно-журнальных текстах – 149 (Частотный словарь, 1977).

Концепт представлен в языке также производными словообразовательными частеречными единицами: существительными (культурность, культпоход, культуризм, культурист), прилагательными (культурный/ некультурный), наречиями (культурно/ некультурно) и производными от них единицами, входящими в данное словообразовательное гнездо.

Цель данного исследования – построение семантиды ключевой лексемы, объективирующей исследуемый концепт. Был использован анализ словарных дефиниций лексикографических источников в диахроническом и синхроническом аспектах, проанализированы все семемы, составляющие ключевую лексему, и проведен анализ субъективных дефиниций.

При исследовании концепта *культура* выяснилось, что рассматриваемый концепт начал формироваться в русском языке с середины 30-х гг. XIX в. на базе заимствования термина из немецкого или французского языков. Слово “культура” произошло от латинского *cultura* – “возделывание”, “обработка”, “земледелие”, “сельское хозяйство”, далее “воспитание”, “образование”, “почитание” (от *colo* “возделываю”, “обрабатываю землю”).

Первоначальное значение слова в русском языке: 1) хлебопашество, земледелие; 2) образованность (Черных, 1999). Практически аналогичное толкование находим и в Толковом словаре В.Даля: *культура* фрн. 1) обработка и уход, возделывание, возделка; // образование, умственное и нравственное; говорят даже культивировать, вм. обрабатывать, возделывать, образовать и пр. (Даль, 2002).

Таким образом, фактически с момента появления в русском сознании *культура* означала “возделывание”, “возвращивание”, как в области сельского хозяйства, так и в интеллектуальной сфере (т.е. “образованность” и “воспитанность” формируются в результате “возделки”); это возделывание, обработка, уход, несущие цель

воспитания или исправления человеческой природы). Слово “культура” с момента появления в русском языке употреблялось узким кругом людей, так или иначе связанных с растениеводством и садоводчеством (обработка сада и уход за растениями и животными), образованием, учебно-воспитательной работой. В результате этого можно выделить следующие первоначальные когнитивные признаки концепта *культура*:

“повышение результивности в сельском хозяйстве;

“развитие умственных способностей и нравственных качеств человека”.

В начале XX в. семантическая структура слова «культура» значительно изменяется, появляются новые значения, что впервые демонстрирует Толковый словарь под ред. Д.Н. Ушакова: 1) совокупность человеческих достижений в подчинении природы, в технике, общественном строе; 2) то или иное состояние общественной, хозяйственной, умственной жизни в какую-н. эпоху, у какого-н. народа, класса; 3) то же, что культурность; 4) разведение, возделывание, обработка (с.-х.); 5) разводимое, культивируемое растение (с.-х.); 6) лабораторное выращивание бактерий (бакт.); 7) перен. усовершенствование, высокое развитие (ТСРЯ, с.1546).

Лексема “культура” стала толковаться несколько иначе, изменилось соотношение значений. На первый план выдвигается не отдельно взятый субъект или объект возделывания, обработки (в с.-х.) или подвергающийся образованию, воспитанию, а совокупный продукт человеческой деятельности в любой сфере общественной жизни. Культура мыслится как результат активной деятельности индивида, в частности, и нации в целом.

Сходное толкование мы находим и в словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: 1. Совокупность производственных, общественных и духовных достижений людей. 2. То же, что культурность. 3. Разведение, выращивание какого-н. растения или животного (спец.). 4. Разводимое растение, а также (спец.) клетки микроорганизмов, выращенные в питательной среде в лабораторных или промышленных условиях. 5. Высокий уровень чего-н., высокое развитие, умение (Ожегов, Шведова, с.314).

Ядро семантиды – совокупный продукт человеческих достижений, опыт и результаты деятельности. Культура как объект биологического исследования приобретает помету “спец.”, конкретизируется, что в итоге показывает яркую семантическую связь с первоначально приобретенным в русском языковом сознании значением, но с данной

пометой семеи 3 и 4 условно являются ядром другого, можно сказать, отдельного концепта.

Зафиксировано новое значение качества, степени развития или умения, получившееся в результате воздействия или обработки.

Выделяются следующие когнитивные признаки, репрезентирующие рассматриваемый концепт:

- общее достояние людей во всех сферах деятельности;
- проявление культурного отношения, обращения, образа жизни;
- разведение растений;
- выращенные в определенных условиях растения, животные, микроорганизмы;
- высокий уровень развития.

Необходимо отметить, что с момента своего появления слово “культура” активно не употреблялось. В 19-м в. встречаются только единичные упоминания о нем. В разряд общеупотребительных слов оно вошло лишь в начале 20 в.

Таким образом, диахронический анализ приводит к выводу, что первоначально ядро концепта *культура* составляли 2 когнитивных компонента: *земледелие* и *образованность*. У Даля семантика расширена значением орудия с.-х. производства (культиватор) и сопутствующим ему действием (культивировать).

Но с начала 20-го в. базовым когнитивным признаком выступает смысл *совокупность материальных и духовных ценностей человечества*, а первоначальное – *земледелие* – отходит на периферию. Понятие “образованность” ярко не звучит, но является частью толкований словарных дефиниций, проявляясь на интуитивном уровне.

Словарь русского языка под ред. А.П. Евгеньевой слово “культура” определяет таким образом: 1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. 2. Уровень, степень развития какой-л. отрасли хозяйственной или умственной деятельности. 3. Наличие условий жизни, соответствующих потребностям просвещенного человека. 4. Просвещенность, образованность, начитанность. 5. спец. Разведение, выращивание какого-л. растения; культивирование. 6. обычно мн.ч. Виды, разновидности разводимых, культивируемых растений. 7. бакт. Микроорганизмы, выращенные в лабораторных условиях в какой-л. питательной среде (СРЯ, с.).

Ядром концепта продолжает выступать смысл, получивший развитие к середине XX в.: совокупность человеческих достижений, степень развития, а также приобретенные знания, умственные и

нравственные качества человека, опыт и результаты деятельности. Обнаруживаются признаки, свойственные непосредственно сельскохозяйственной или биологической наукам (растения, микроорганизмы). В данном словаре это уже отдельные значения, так как обозначают совершенно разные денотаты действительности.

Расщепление семантины “культура” на омонимы иллюстрируется и Т.Ф. Ефремовой в Толково-словообразовательном словаре (Ефремова, с.754):

Культура¹ – 1. Совокупность достижений человечества в области общественно-интеллектуальных и производственных отношений //Совокупность таких достижений в опред. эпоху, у опред. народа. 2. Уровень развития каждой из областей – интеллектуальной, общественной и производственной–жизни. // Конкретные результаты такого развития. 3. Совокупность памятников литературы, искусства, архитектуры и т.п., относящихся к одному времени, опред. территории. 4. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью литературы, искусства, архитектуры и т.п. 5. Искусственно созданный человеком мир, жизнь в котором определяется его – человека – идеалами.

Культура² - Растение, выращиваемое или выращенное в процессе культивирования; культивируемое растение.

Культура³ - Клетки микроорганизмов (бактерий, дрожжей и т.п.), выращенные в питательной среде в лабораторных или промышленных условиях.

Ядро лексемы сохраняется, но внутренняя иерархическая организация семем несколько видоизменена. Признаки совокупности достижений общества, уровня развития являются релевантными. Четко конкретизируются достижения человечества (различного рода памятники определенной исторической эпохи, территории) как материальные объекты. Все это – результат деятельности человека, направленный сугубо на создание всех сфер жизни, на формирование нравственных ценностей. Кроме того, налицо проявляется омонимичность, обнаруженная в предыдущем словаре. Это уже отдельные лексемы со своими конкретными значениями.

На современном этапе развития русского языкового сознания наиболее полный и точный перечень содергательных семем иллюстрирует новейший Большой толковый словарь под ред. Кузнецова (БТСРЯ, с.1536):

Культура – [лат.cultura]. 1. Совокупность достижений человеческого общества в производственной, общественной и духовной жизни. *Материальная к. Духовная к. Достижения к.*

История к. К. античного мира. К. Древней Руси. Средневековая к.
 2. археолог. Общность археологических памятников определенной эпохи в развитии первобытного общества. *Трипольская к.* 3. Сфера человеческой деятельности, связанная с областью искусства, просветительской деятельностью и т.п. *Мастера культуры. Работники культуры. Выдающиеся деятели русской культуры., Дворец, дом культуры* (крупное учреждение, в котором проводится культурно-просветительская работа). 4. Высокий уровень развития какой-л. сферы человеческой деятельности или условий его жизни. *К. земледелия, хозяйствования, производства. К. человеческих отношений. К. быта. К. труда. Физическая к.* (укрепление здоровья и совершенствование тела человека путем физических упражнений). *К. речи* (владение нормами литературного языка, умение использовать выразительные средства языка). 5. Просвещенность, образованность, начитанность. *Повышать свою культуру. Человек высокой культуры.* 6. спец. Разведение, выращивание какого-л. растения, культивирование *К. картофеля. К. риса. //Обработка, возделывание. К почвы.* 7. *обычно мн.: культуры, -тур.* Виды, разновидности разводимых, культивируемых растений. *Зерновые культуры. Субтропические культуры.* 8. *Биол.* Микроорганизмы (совокупность микроорганизмов), выращенные в лабораторных условиях в какой-л. питательной среде. *К. стрептококка. К. холерного вибриона.*

По данным словаря, понятие **культура** объединяет в себе результаты вложенного человечеством труда с целью формирования собственно национальных ценностей, в том числе морали, форм поведения, определенных законов, касающихся любых сфер человеческой жизни. Все, что сотворено человеком (кроме природы), имеет отношение к собственно культуре. То, что относится к биологической науке и к чему была приложена рука человека, приобретает признак окультуривания и существует как сотворенная человеком часть окружающей среды.

Словарь С.А. Кузнецова фиксирует новое значение с пометой *археолог.*, где культура выражает общность, наблюдалемую в археологических памятниках первобытного общества, относящихся к одному времени и сосредоточенных на определенной ограниченной территории. Каждой общественной формации присуща своя культура, связанная с уровнем развития и соответствующими им общественным формам жизни людей (античная культура, феодальная культура и т.п.). Кроме того, культура обозначает не только области действительности, но и саму действительность человека в этих областях.

Это конкретные современные признаки определяемой категории. Именно в таком ракурсе рассматривается слово “культура” на сегодняшнем этапе развития национального коммуникативного сознания носителя русского языка.

Синхронический анализ семантики лексемы, именующей концепт “культура”, сравнение толкований убедительно показывают, что изменяется соотношение значений: первоначальное базовое значение становится неярким, в некоторой степени отодвигаясь на периферию. Практически это уже слова-омонимы со своей семной структурой, подчёркивающие внутреннюю смысловую зависимость лексико-семантических вариантов и связь их с одной лексической оболочкой. Современные исследования доказывают, что семантическое пространство рассматриваемой лексемы постепенно обновляется в результате развития русской цивилизации, и быстро развивающийся концепт обрастает новыми когнитивными признаками. Ядерным к началу 21-го в. становится значение совокупности человеческих достижений в какой-либо отрасли жизни. Образованность по-прежнему остается немаловажной составляющей анализируемой лексемы. “Культура” как объект изучения биологии – одно из частотных значений.

Дополняют словарные толкования субъективные дефиниции, полученные в ходе рецептивного эксперимента. Испытуемым (студенты БГПИ, всего 100 чел., из них 38 м. и 62 ж.) предлагалось закончить фразу: “Культура–это...”.

Ответы респондентов распределились следующим образом: “правильное поведение в обществе(78), владение нормами устного и письменного литературного языка, нормы общения(35), вежливость, духовное богатство общества, умение красиво, выразительно излагать мысли(15), знание истории своего народа, исторически сложившиеся обычаи, традиции, присущие определенной нации, соблюдение моральных, нравственных качеств, образованность(13), эрудиция, благородное воспитание с соблюдением культурных традиций, праздников(6), вероисповедание, отношение к окружающим(2), правила организации досуга, отношение ко всему живому, обходительность, сдержанность, порядочность, посещение театров, выставок, нравственные и эстетические нормы общества”.

Экспериментальное исследование позволило выявить дополнительные смысловые признаки слова *культура* в современном языковом сознании:

- 1) форма, стиль поведения в обществе и в семье;
- 2) интерес к историческому и духовному наследству;

- 3) религиозные верования;
- 4) результат правильного воспитания в семье, основанного на благородных семейных традициях;
- 5) собственно воспитанность с присущими этому понятию качествами.

Можно сделать вывод, что в современном русском сознании лексема *культура* означает высокую организацию в какой-либо области человеческой деятельности, образованность и просвещенность. *Культура* понимается как отражение условий жизни, быта, обычая и нравов наций и народностей, как историческое наследство, позволяющее сохранить культурную преемственность и традиции как форму коллективного опыта, как носитель духовного начала. Можно выделить определенные константы, формирующие ядро исследуемого концепта: *духовное богатство, образованность, разводимый в лаборатории объект*.

Каждая из этих констант содержит в себе тот набор концептуальных признаков, которые помогают раскрыть содержание данного концепта.

Растения, микроорганизмы – крайняя периферия семантины. Об этом свидетельствуют: 1) помета “спец.”; 2) расположение в конце списков значений; 3) наличие словарей, где эти значения толкуются как омонимы.

В противопоставлении лексеме *культура* стоит оппозит *бескультурье*, выражающий отсутствие культуры (Испокон века мы привыкли считать: профессор–человек высокой культуры....Согласитесь, элементарное бескультурье интриговать по мелочам. Сталкивать сотрудников лбами...О. Мороз. Кафедра раздора.

Таким образом, проведенное выше исследование убеждает нас в том, что концепт *культура* отражает широкий и многообразный мир явлений и находится на предельно высоком уровне абстракции. Этот концепт нельзя считать окончательно оформленвшимся в русском языковом сознании, он не имеет четкой очерченности.

Это общенациональный концепт, осмысливаемый как выражение мировоззрения, нравственности, духовности, чувствования и поведения, общения, творчества, опыта, накопленного историей и т.д., выступающий в качестве необходимой единицы ментальной информации, имеющей прагматическое значение, без которой невозможна национальная и межнациональная коммуникация.

Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб, 2003.

Даль В.И.. Толковый словарь живого великорусского языка. Том 2.М., 2002.

Ефремова Т.Ф. Словарь русского языка. Толково-словообразовательный словарь русского языка. Т.1. М., 2000.

Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1999.

Попова З.Д. Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2001.

Словарь русского языка: В 4-х т., 2-е изд. Т.2./Под ред. А.П. Евгеньевой.

Толковый словарь русского языка. Т.1./ Под ред. Д.Н. Ушакова. М., 2000.

Частотный словарь русского языка / Под ред. Л.Н.Засориной. М.,1977.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. М., 1999.

М.В. Шаманова
Борисоглебск

Общительный человек –какой?

Изучение категории *общение* в русском сознании возможно только через призму «общение – человек в отношении к общению». Выявляя признаки общения с помощью экспериментальных методов и объединяя эти признаки в семантические гештальты (термин Ю.Н. Кацаулова), мы отметили, что испытуемые, продолжая фразу «Общение – это...» (метод субъективных дефиниций), дают, наряду с другими, реакции, характеризующие человека в отношении к общению: *не быть одиноким, замкнутым человеком; быть коммуникабельным, общительным; быть интересным собеседником.*

В составе ЛФП «Общение» выделяется довольно большое по объему микрополе «Характеристика человека в отношении к общению», которое насчитывает 279 лексем и 54 фразеологические единицы: *говорун и говорунья, молчун, горлопан, краснобай, сплетник, балагур, сквернослов, многословный, болтливый, неразговорчивый, малоречивый, коммуникабельный, злоречивый; боек на язык, пустые языки, воздержанный на язык, слова не вытянешь, бесструнная балалайка, длинный язык, владеть словом и др.*

Таким образом, выявление тех качеств человека, которые характеризуют его в отношении к общению, несомненно, дополнит комплексное изучение категории *общение* в русском коммуникативном сознании.

С целью выявления качеств общительного человека мы использовали метод направленного ассоциативного эксперимента. Испытуемым задавался вопрос: *Общительный человек – какой?* Предлагалось письменно дать пять реакций. Время на выполнение задания не ограничивалось.

В эксперименте принимало участие 522 человека, из них - 230 мужчин, 292 женщины в возрасте от 20 до 65 лет. В ходе эксперимента получено 2374 реакции. Сходные по смысловому содержанию ассоциаты обобщались, а их частотность суммировалась. Укажем реакции, встретившиеся не менее пяти раз.

Результаты эксперимента

(цифры означают процент испытуемых, давших соответствующую реакцию)

Общительный человек – веселый 50, знающий, интеллектуальный, компетентный, эрудированный, образованный, умный, всесторонне развитый 44, разговорчивый, словоохотливый, многогречивый 35, коммуникабельный, контактный 25, интересный 22, открытый, экстраверт, не замкнутый 17, добрый, добродушный, добросердечный 16, активный, деятельный, инициативный, предприимчивый, энергичный, темпераментный 14, раскованный, раскрепощенный, без комплексов, непринужденный 14, доброжелательный, дружелюбный 14, жизнерадостный, оптимистичный, неунывающий 13, вежливый, воспитанный, галантный, деликатный, корректный, культурный, обходительный, тактичный, уважительный 10, с чувством юмора, остроумный, шутливый, ироничный 8, болтливый, болтун, пустомеля, трепло, балабол 7, компанейский, любящий компании 7, приятный 7, любознательный, интересующийся 6, отзывчивый 6, умеющий поддержать беседу, умеющий поддержать разговор на любую тему, умеющий найти нужную тему для разговора 5, красивый, симпатичный, обаятельный, привлекательный 5, любимец компании, душа компании 4, владеющий родным языком, умеющий грамотно говорить 4, начитанный 4, умеющий слушать 4, надоедливый, навязчивый, занудный, назойливый, скучный 4, понимающий, входящий в положение собеседника 4, внимательный 4, вызывающий доверие, расположение к себе 3, улыбчивый 3, эмоциональный 3, находчивый,

чувствующий ситуацию 3, деловой 2, правдивый, честный, прямой, откровенный, бесхитростный, искренний 2, интеллигентный 2, легкий в общении, простой 2, смелый 2, уверенный в себе 2, подвижный 2, хороший, классный 2, выдержаный, рассудительный, спокойный, уравновешенный, трезвомыслящий 2, ласковый, нежный 2, умеющий находить общий язык с окружающими 2, красноречивый, обладающий большим словарным запасом, с развитой речью 2, разносторонний 2, любопытный 1, приветливый 1, здоровый 1, лидер, авторитет 1, ненавязчивый, неназойливый 1, гуманный, человеколюбивый 1, задорный, зажигательный 1, целеустремленный 1.

Общими для мужского и женского восприятия являются ассоциаты:

веселый, весельчак, смеющийся; интересный; активный, деятельный, инициативный, предприимчивый, энергичный, темпераментный; знающий, интеллектуальный, компетентный, эрудированный, образованный, умный, всесторонне развитый; разговорчивый, словоохотливый, многоречивый, говорун; добрый, добродушный, добросердечный; жизнерадостный, оптимистичный, неунывающий; компанейский, любящий компании; болтливый, болтун, пустомеля, трепло, балабол; понимающий, входящий в положение собеседника.

Важными и для мужского, и для женского сознания оказался еще ряд признаков, приведенных ниже в таблице, однако степень ярости того или иного признака различна.

Реакции	Кол-во упоминаний реакции в группе	
	муж.	жен.
коммуникабельный, контактный	41	91
интересный	39	76
доброжелательный, дружелюбный	28	43
вежливый, воспитанный, галантный, деликатный, корректный, культурный, обходительный, тактичный, уважительный	19	31

с чувством юмора, остроумный, шутливый, ироничный	26	14
приятный	9	25
любознательный, интересующийся	11	21
отзывчивый	10	21
умеющий поддержать беседу, умеющий поддержать разговор на любую тему, умеющий найти нужную тему для разговора	7	21
красивый, симпатичный, обладает шармом, обаятельный, привлекательный	8	17
любимец компании, душа компании	15	7
владеющий родным языком, умеющий грамотно говорить	13	8
начитанный	8	13
умеющий слушать	4	17
улыбчивый	5	12
эмоциональный	4	13
вызывающий доверие, расположение к себе	3	14
деловой	12	1
умеющий находить общий язык с окружающими	2	7

Исключительно мужчины характеризуют общительного человека как *бескорыстного 4, безотказного, готового помочь 3, нормального 3, ветреного, пустого 2, волевого, решительного 2, громкого, шумного 2, необычного, неординарного 2, перспективного 2, популярного 2, человека, который обменивается информацией с другими людьми 2* (цифры указывают количество данных реакций).

Единичные реакции: *умелец организовать праздник, умеющий подробно передать информацию, аккуратный, загадочный, злой,*

избегающий пространных речей, известный, карьерист, любвеобильный, любящий быть в центре внимания, молодой, надежный, не битый жизнью, не заносчивый, несеръезный, неуравновешенный, предсказуемый, свободолюбивый, тонкий психолог, трудолюбивый, холостой, экстравагантный.

Женщины указывают следующие черты общительного человека: хитрый, лицемерный 4, любящий споры 2, не конфликтный 2, ответственный 2, свободный 2.

Единичные реакции: азартный, бесстолковый, дотошный, заставляющий себя слушать, имеющий что сказать, интересующийся разными сферами культуры, интригующий, клоун, легко находит подход, льстец, наивный, не навязывает свои взгляды, не обидчивый, не скрывающий своих способностей, не эгоистичный, неравнодушный, нужный, обладающий знанием языков, одинокий, опрятный, придиличный, с большим ртом, с быстрой реакцией, с определенной профессией, сексуальный, скандалист, наблюдает психологическую дистанцию, сплетник, творческий, толерантный, умеет общаться жестами, умеющий скрывать свои проблемы, обучающийся на филфаке, щедрый, эгоист.

Обращает на себя внимание то, что большинство данных испытуемыми реакций являются оценочными (58% от общего количества реакций), из них положительно оценочные составляют 48%. Общительный человек характеризуется прежде всего как человек веселый, эрудированный, интересный, открытый, добрый, воспитанный, с чувством юмора, приятный, отзывчивый, начитанный. В зависимости от ситуации общения, от умения вести беседу, соблюдения коммуникативных норм, взаимоотношений собеседников общительный человек характеризуется как болтливый, надоедливый, развязанный, наглый, лицемерный, заносчивый, бесстолковый.

Полученные результаты позволяют выделить новые когнитивные признаки исследуемой категории, пополнить семантические зоны, которые были выделены нами ранее при использовании других экспериментальных методик.

Русский язык сегодня

В.К.Харченко
Белгород

О концепции демонстрационного словаря русского языка

Помимо способов и приемов изучения русского языка, по-видимому, необходимо накапливать способы и приемы формирования представлений о русском языке, что исключительно важно в плане формирования и коррекции национального самосознания. Такое управление представлением также может стать предметом особой заботы и исследователя-русиста, и преподавателя-филолога, для которых русский язык является родным и которые сохраняют к нему благоговейное отношение, пытаясь передать такое же отношение своим обучаемым, в том числе иностранным гражданам.

Представление о языке, насыщенное оценками, формируется не только на занятиях, не только при чтении художественных и публицистических текстов, но оно формируется и стихийно, через ежедневное погружение в континуум слышимой русской речи. Кроме того, полагаем, что своеобразным подспорьем коррекции, направленной к обогащению представлений о русском языке, может стать изданный нами в рамках Федеральной целевой программы «Русский язык» (2003 г.) словарь нового типа – Словарь богатств русского языка (Харченко, 2003). Словарь этот в отличие от других типов словарей имеет ярко выраженную демонстрационную направленность, то есть по своей идее и отбору материала он призван продемонстрировать языковые богатства русского языка, проявляющиеся и в форме слова, и в его значении, и в его употреблении говорящими и пишущими.

Демонстрационная направленность, с одной стороны, снимает наиболее важное лексикографическое требование – требование полноты словаря (любой словарь по своему стержневому жанровому параметру претендует на полноту), с другой стороны, демонстрационный прицел налагает и новое стержневое требование – требование выразительности материала. Показать путем создания специального словаря, что русский язык глубже, гибче, интереснее и ярче наших привычных повседневных представлений, – значит

напомнить читателю о колоссальных резервах, которые могут и должны быть задействованы в речи.

В демонстрационном словаре полнота материала – полнота несколько иного порядка, а именно: полнота учета максимума источников возможного обогащения собственной речи, будь то обращение к старинному слову и современному термину, к красивому, интересному образу и редко звучащей, загадочной пословице, хорошо употребленному заимствованному слову и афоризму, «притаившемуся» в рассказе или повести. Такой словарь, естественно, является словарем заведомо субъективным, если не сказать сильнее – любительским.

На протяжении многих десятилетий в отечественной лингвистике практика составления официальных, типизированных словарей исключала творческое своееволие, оспаривала субъективный подход, хотя составителями словарей всегда были высококвалифицированные филологи. Вопрос о типичном в языке решался, как правило, коллегиально. Вопрос о смысловых и формальных ценностях, остававшихся за бортом словаря и, как следствие, за бортом родного языка, вообще не ставился. Так было и так сохраняется до сих пор, поскольку требование научной точности, исследовательской корректности *не может быть отменено*. Авторитет толковых словарей русского языка был и остается высоким и прочным. Мы сами были счастливыми свидетелями почета, выражаемого преподающими и изучающими русский язык в адрес Словаря русского языка под редакцией С.И.Ожегова, когда в 1978-1979 учебном году преподавали русский язык в Ханойском педагогическом институте иностранных языков (CPB). Что же касается личных предпочтений и пристрастий, то все субъективно творимое или субъективно ценное сосредоточивалось, оседало в сборниках крылатых слов и афоризмов, в словарях языка писателей, в материалах многочисленных диссертаций по языку художественных произведений, в картотеках устной разговорной речи.

Целью составления и издания данного двухтомного словаря (общим объемом 37 печ. л.) является актуализация тех смысловых достижений, щедрот русского слова, которые, как нам представляется, заслуживают внимания, анализа и поощрения к их использованию, к включению их в речь, текст не только их «первооткрывателями» (авторами текстов), но и обычными людьми. Запретительная стратегия культуры русской речи (табу на использование грубых, нецензурных слов и фразеологизмов, того, что оскорбляет достоинство и адресата и адресанта речи) по идее должна сопровождаться поощрительной

стратегией пропаганды и использования ценного, что есть в языке, для чего и нужны словари, отслеживающие наиболее удачные, наиболее талантливые словоупотребления.

Словарь в принципе, в самой идее своей не завершен. “Речевое не существование принципиально недоказуемо”, “Все то, что не функционально, начинает выполнять этические или эстетические функции” (А.А.Кретов). Отсюда интерес составителя к старинным, редким словам, могущим помочь в эстетике или этике речи.

Идея словаря, обретенного на неполноту (реально ли в одном издании осветить массивы талантливого, эвристического, художественно-образного использования слов русского языка?), парадоксально соотносится с реальной возможностью показа, демонстрации богатства родного языка.

Жесткое разграничение языка и речи, отсутствие практики составления тезаурусных словарей привели к искусственноому обеднению русского языка в восприятии не только его исследователей, но практически каждого русскоговорящего. Типичное и традиционное в значительной мере срабатывает как тормоз, блокиратор, враг расширенного, эвристически емкого словоупотребления.

В данном словаре неоднократно демонстрируется, как новизна словоупотребления, авторская интерпретация слова не только снимают пейоративную коннотацию с семантического фонда слова, но превращают слово в инструмент взаимопонимания. Коннотативная эвристика может стать новым направлением отечественного лингвокультурovedения. Например, умный контекст, творческое проникновение в слово может снять отрицательный оттенок с таких, например, слов, как *дилетант*, *фигурант*, *нарциссизм*, и, наоборот, приуменьшить положительное восприятие таких традиционно положительных слов, как *романтик*, *традиция*, *коллектив* и др. Авторы текстов, откуда мы брали трактовку этих понятий, естественно, не ставили своей целью манипуляции с привычными для людей представлениями, однако затвердость оценочного слоя в слове и была воспринята ими как барьер и потому становилась объектом коррекции.

Наш словарь в принципе не завершен. Он будет иметь большую лексикографическую ценность, если послужит стимулом для других потенциальных издателей, если и другие филологи подключатся к систематизации и публикации того, что есть в языке замечательного, симпатичного, доброго, достойного, привлекательного для расширенного внедрения. Внедренческий характер словаря требует

особой организации и словника, и словарной статьи. Словник словаря составляют:

- редкие слова, почерпнутые нами из текстов и исторических словарей предшествующих эпох, свидетельствующие о лексической сокровищнице родного языка и в принципе допустимые к повторному кругу использования;
- метафоры, оригинально отражающие эвристичность словоупотребления; в таких случаях стоит помета «образно»;
- афоризмы, извлеченные из произведений отечественных авторов, в основном 70-90-х годов XX века, неизвестные, как правило, широкому кругу носителей языка;
- цитаты из художественных, научно-популярных и научных текстов, в которых наблюдается красивое, выигрышное, яркое или оригинальное словоупотребление;
- биографемы, т.е. извлечения из текстов семейных родословных.

Разумеется, это не полный перечень включаемого материала, хотя этот перечень отражает приоритеты включения. Помимо указанных единиц, в словарь богатств входят диминутивы и фразеологизмы, пословицы и имена собственные, индивидуально-авторские слова и термины. Базой для сбора высказываний, наблюдения и исследования служили:

- тексты художественных, научно-популярных и научных произведений; в круглых скобках указывался автор высказывания;
- собранный нами фонд семейных родословных – сочинений на тему “История моей семьи” (ИМС);
- в значительно меньшей степени представлены записи устных высказываний (Устн.).

Охарактеризуем каждый из трех векторов поиска высказываний. В одной из статей нами было предложено понятие “лексикографические ниши художественного текста” (Харченко 1999).

Многое в литературном произведении так и просится в словарь, причем в виде уже почти готового, не требующего правки фрагмента. Мы встречаем в том или ином тексте самый настоящий гимн слову или внезапно обнаруживаем готовую словарную статью, где слово истолковано прелестно и понятно. В отрывках из художественной или публицистической, научно-популярной или мемуарной литературы можно обнаружить все виды вербальных дефиниций.

Тексты художественных произведений часто содержат выигрышные, готовые пояснения к толкованию того или иного слова. Определенная часть словаря составлена из таких писательских

дефиниций. Лингвистически иногда это уязвимо: писатели не лексикографы, у авторов художественных текстов свои макро- и микроцели, но, строя тот или иной текст, автор достаточно часто открывал в семантике слова некий оригинальный смысл, и упускать такой материал, мы, естественно, не могли. Это аспект мы называем явной художественной лексикографией.

Но в свой словарь мы включали и скрытую лексикографичность, когда в своих произведениях писатели приводили пример выразительного словоупотребления, своего рода акмэ слова. Стояла задача – найти наиболее выигрышный контекст, высвечивающий наглядный образ, стоящий за словом: зрительный, или слуховой, или кинетический, или вкусовой, или обонятельный. Не в равной степени, но плоды работы всех пяти органов чувств запечатлелись в словах языка.

Выше мы употребили слово «найти» контекст, но реально все обстояло с точностью до наоборот. Контексты у нас уже были. Не один десяток лет мы выписывали из книг все, что нас тогда привлекало «для нужд внутреннего пользования», для себя, не помышляя о словаре. Теперь предстояло перевести стрелку внимания на слово – опорное для данного контекста, нужно было найти вербальный стержень контекста и обработать материал лексикографически, очертив границы контекста, а в афористическом материале по возможности, как правило, путем расширения контекста смягчить интонацию назидания. Собранную в те годы коллекцию выписок пришлось существенно дополнить и новым материалом.

Стремление к новизне срабатывало уже при выборе текстов первой группы в выше приведенном перечне. Относясь с постоянно увеличивающимся пиететом к золотому и серебряному веку отечественной литературы, прочитывая и перечитывая классиков прошлых эпох, мы находили много ценного и в текстах писателей второго ряда, и в текстах советских и постсоветских авторов, считая, что выписки из таких произведений также открывают нечто новое в русском языке.

Семейные родословные впервые вводятся в оборот лексикографической практики. Авторами сочинений являются лица двух возрастных групп: студенты (в основном старшекурсники, а также заочники) и взрослая категория граждан, получающих второе высшее образование. По количеству представленных в словаре отрывков из родословных последняя группа информантов численно лидирует. Отрывки из сочинений, а также из писем печатаются с разрешения авторов. Указываются, за редким исключением, инициалы

и фамилия, устные высказывания, как правило, в словаре представлялись инкогнито.

Итак, впервые в словарь русского языка вводится то, что Р.Барт удачно называет биографемами: "...Если бы я был писателем, уже покойным, как любил бы я, чтобы моя жизнь сводилась благодаря заботам дружелюбного и раскованного биографа к каким-то деталям, вкусам, склонностям... короче, к «биографемам», различие и подвижность которых могли бы путешествовать вне всякой судьбы..." (Цит. по: Авто-био-графия, с. 209). Согласимся, что «бессмертие даже в мелочах» – это не только мечта писателя, о чем пишет Р.Барт, но и мечта любого живущего. Память дискретна, прошлое представлено яркими точками, дорогими рассказчику, почему такие отрывки и дают материал для словаря богатств русского языка. Когда человек пишет творческую работу «История моей семьи», ретроспекция превалирует над синхронным срезом, поэтому неудивительно, что о 30-х годах рассказывается выразительнее, чем о 90-х. Каждое сочинение (а их было проанализировано свыше 500) – это сюжетная канва истории рода, расшитая великим и скорбным узором «биографем».

Что касается устной разговорной речи, то примеров талантливого словоупотребления в словаре значительно меньше, нежели примеров из текстов, и, тем не менее, можно, читая словарь, рассматривать, как блестит то или иное слово в устном спонтанном общении.

Как пользоваться словарем? Таким словарем целесообразнее, естественнее пользоваться не как словарем, а как книгой для чтения, своего рода хрестоматией русского языка на уровне микроиллюстраций из текстов.

Это не словарь-справочник. Это словарь, приглашающий «просто читать», погружаться в словарную статью, вдумываться в слово, примерять слово к своей речи, строить собственные параллели, сопоставлять, запоминать метафору, или иностранное слово, или афоризм, усваивая языковую информацию, не столь нужную именно сейчас, сколь сориентированную в завтрашний день. Тогда из океана бессознательного по зову необходимости слово в нужный момент всплывет на поверхность, поможет выразить мысль, позволит создать новый замечательный образ.

Хрестоматийный характер чтения не свидетельствует о подмене жанра. Издание является словарем, не хрестоматией, поскольку каждая словарная статья составлена с ориентацией на языковую форму выражения мысли. Как бы не был интересен содержательный план высказывания, главным в словаре остается способ трансляции этого содержания. Подбором иллюстративного материала нам хотелось

продемонстрировать, что на русском языке есть что читать. Язык изучают тогда, когда уровень развития науки и культуры поставляет щедрый материал для изучения, заимствования и подражания. Словарь отличается своим материалом не только потому, что создает цитатный коллаж из текстов, которые лексикографически еще не проштудированы (например, письма П.Флоренского, воспоминания Ф.Перченка о А.В.Темировой, статьи эколога Кирилла Ефремова). Словарь включает также принципиально новый материал из текстов семейных родословных и, в меньшей степени, из записей устной речи. Русский человек не только интересно пишет, но иногда весьма интересно и говорит. Суммируя сказанное, перечислим элементы новизны предлагаемого вниманию читателя словаря.

На уровне сбора материала в словаре представлены наряду с известными именами новые авторы, наряду с известными текстами новые тексты (научно-популярная литература, переписка), наряду с известными жанрами новые жанры (жанр семейных родословных, записи устных высказываний). На уровне транспортировки материала в словарь мы стремились продемонстрировать возможности русского языка

- через использование так называемых потенциальных слов,
- через новообразное употребление привычных слов,
- через поиск наиболее выигрышного для слова контекста, высвечивающего сенсорику слова, то есть выражаемые словом зрительные, или звуковые, или осознательные, вкусовые, обонятельные образы,
- через поиск такого контекста, который бы разъяснял значение заимствованного слова и создавал для читающего прецедент грамотного употребления такого слова в речи,
- через включение биографем,
- через подачу и разъяснение афоризмов, накопленных в жанровой кладовой художественного текста,
- через цитатный слой, показывающий, что на русском языке опубликовано много весьма интересного, достойного внимания и запоминания, что русский язык богаче наших о нем мнений и оценок, что именно язык и есть микровселенная личности – от А и до Я (ego).

Авто-био-графия / Под ред. В.А.Подороги. М., 2001.

Харченко В.К. Словарь богатств русского языка. Редкие слова, метафоры, афоризмы, цитаты, биографемы. В 2-ух т. Белгород, 2003.

Харченко В.К. Лексикографические ниши художественного текста (примечания или словарь?) // Лексикографические этюды. – Белгород, 1999, с. 5-12.

Н.Н. Мещерякова
Борисоглебск

Из наблюдений над категорией модальности

Категория модальности занимает особое место в комплексе языковых категорий не только потому, что в отличие от некоторых других категорий (например, категории рода или категории глагольного вида) представляет собой *абсолютную* языковую универсалию (Мечковская 2000, с.287), но еще и потому, что объем средств выражения различных модальных смыслов выходит далеко за рамки грамматических и лексических форм языка.

Обширное множество модальных смыслов, разнообразие материальных средств их выражения, охватывающих все уровни языка, не могло не породить значительных расхождений в их научном отображении и описании. Однако, несмотря на это, ныне в русском языкоznании можно считать установленным различие двух видов модальности – *объективной* и *субъективной*.

Объективная модальность, определяемая как мысль об "отношении сообщаемого к действительности в плане реальности (осуществленности или неосуществленности) и ирреальности (неосуществленности)" (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с.303) названа так потому, что для выражения этой мысли служат морфологические формы, которые наличествуют *вне субъекта*, существуют *до акта речи* в качестве готовых и обязательных к употреблению.

Субъективная модальность определяется как "отношение говорящего к сообщаемому, в отличие от объективной модальности является факультативным признаком высказывания" (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. 303). Она охватывает различные оценочные и экспрессивные смыслы, часть которых выражается средствами синтаксиса и лексики (модальные речения, порядок слов, частицы, междометия) и обширным спектром экспрессивных форм интонации - коммуникативная реализация тех и других вследствие такой диффузии связывается с *актом речи*.

Приведенные определения нельзя принимать безоговорочно: они мало согласуются друг с другом и, даже более того, недостаточно

адекватно отражают концептуальное и формальное содержание категории модальности - та мера недостаточности, которая, как известно, присуща любым определениям, в них весьма заметно превышена. Смыслы и формы объективной модальности, согласно определению, полагаются заранее данными и отрефлексированными в языке как его объекты – в формах глагольных наклонений и времен, формы же субъективной модальности принимаются как компоненты конкретного процесса речи.

Такой критерий деления принадлежит разным планам: он мыслится как *внесубъектный*, и он же – как *внутрисубъектный* фактор. На самом деле все множество модальных смыслов и соответствующих им материальных форм принадлежит единому уровню языковой актуализации в пределах акта речи, то есть является субъективным.

Логическая необеспеченность критерия деления прямо отражена и в самих дефинициях двух видов модальности: объективная – "отношение сообщаемого к действительности", субъективная – "отношение говорящего к сообщаемому". Если принять во внимание, что оба определения дополняются сопутствующими признаками *облигаторности* (для объективной модальности) и *факультативности* (для субъективной модальности), то неадекватность обоих определений, а следовательно, и всей возобладавшей концепции категории модальности, проявляется еще рельефнее.

Если отношение говорящего к *сообщаемому*, то есть высказыванию, может в одном случае налицовывать в качестве компонента всего смысла высказывания, а в другом – отсутствовать, то это противоречит исходному положению о том, что категория модальности является *абсолютной* языковой универсалией: не существует языков, лишенных категории модальности, как не бывает и немодальных высказываний.

Существенная особенность категории модальности состоит в характере соотношения модальных смыслов и материальных форм их выражения. Семантический объем субъективной модальности шире семантического объема объективной. Действительно, определенная часть материальных форм выражения модальных смыслов является упорядоченной, закрепленной в правилах грамматики и в лексических средствах, другая же часть, возможно, даже большая, не поддается упорядочению и отражению в правилах и тем самым выходит за рамки названных средств. Здесь главенствующая роль принадлежит интонации - труднообозримый регистр ее функционирующих форм предоставляет индивиду богатый выбор вариантов выражения своего отношения к сообщаемому.

Как видим, приведенные толкования двух видов модальности – объективной и субъективной – не только не способствуют раскрытию подлинной сущности категории модальности, но скорее затемняют ее, поскольку обнаруживается еще одно нежелательное последствие, которое стало столь привычным, что уже не вызывает каких-либо сомнений: определение объективной модальности как "отношения сообщаемого к действительности" стирает грань между категорией модальности и категорией предикативности.

Приведем два известных определения категории предикативности:

а) "ключевой конституирующий признак предложения, относящий информацию к действительности и тем самым формирующий единицу, предназначенную для сообщения" (Лингвистический энциклопедический словарь 1990, с. с.292) и более короткое представление того же смысла:

б) "выражение отношения содержания высказывания к действительности как основа предложения" (Ахманова 1966, с.346).

Нельзя не заметить, что категория модальности фактически отождествляется с категорией предикативности, - обе категории становятся неотличимыми друг от друга. На это обстоятельство указывалось в одной из предыдущих работ (Мещерякова 2002, с.105). Напомним данные нами определения: категория предикативности – производимая говорящим в акте речи связь некоторой языковой материи и смысла (отражения действительности); категория модальности – отношение субъекта речи к сообщаемому (в том же акте речи). Очевидно, что ни одна из двух универсалий не формирует другую и что соответствующие концепты одновременно присутствуют в высказывании, сохраняя свою автономность.

Для языка как знаковой системы действительны принципы классической семиотики, полагающей *знак* в статусе обязательной ассоциации означающего – некоторой материи и означаемого – некоторой идеи, мысли.

Модальность – это мысль об отношении субъекта речи к сообщаемому. Мысль же как феномен психической жизни человека с семиотической точки зрения представляет собой *примарный знак*, который сам по себе невыводим наружу, неотчуждаем и является "собственностью" субъекта. Для внешней сигнализации о нем человек располагает множеством разнокачественных материальных посредников – *секундарных знаков*, то есть знаков для знаков. В зависимости от субъективных коммуникативных намерений и личностных предрасположенностей индивид имеет возможность выбрать в функции секундарного знака любую из известных и

доступных форм (воспользоваться, например, рисунком). Если он избирает в этой функции вербальный знак, то он объективирует свою мысль – дает знать о ней вовне – посредством языковой материи.

Отсюда следует, что *модальная мысль*, точнее – модальная часть смысла всего высказывания, *всесето субъективна*, независимо от характера выбранных конкретных материально-языковых средств ее выражения.

Таким образом, имеются достаточные основания, чтобы признать обычное различие двух видов модальности – объективной и субъективной – нерелевантным. Все множество модальных смыслов и материально-языковых средств их выражения велико и многогранно, оно обнимает целый мир личностных, сугубо индивидуальных оценок и эмоций субъекта речи – их пересчет едва ли осуществим: это множество остается открытым.

Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

Мечковская Н.Б. Структурная и социальная типология языков. Минск, 2000.

Мещерякова Н.Н. Предикативность и модальность как языковые универсалии //Актуальные проблемы социально-гуманитарных наук. Межвузовский сборник научных трудов. Воронеж, 2002.

Н.И.Белоусов

Контекстная обусловленность двойственных мотиваций

Словообразовательная мотивация – это отношение между двумя однокоренными словами, при котором значение одного из слов или полностью входит в значение другого (*дом-домишко*) или тождественно лексическому значению другого (*косить – косьба*). Есть, однако, в русском языке случаи мотивации несколькими словами, так называемые неединственные мотивации: неравенство от неравный и равенство, починка от починять и починить (Русская грамматика 1980, с.135). Мотивированность может быть связана с разными способами словообразования: суффиксацией, постфиксацией, префиксацией, основосложением и др.

Однако в контексте двойственность мотивации может утрачиваться, и тогда слово соотносится с одной мотивирующей

основой. Примером здесь может служить мотивация так называемых фактитивных глаголов, означающих наделение объекта действия каким-либо признаком (типа *белить*), и индоативных, означающих самостоятельное приобретение признака субъектом действия (типа *белеть*) (там же, с. 336, 346).

Так, мотивацию одновременно компаративом и позитивом можно обнаружить в следующих случаях: *Утренний холодок бодрит* (делает бодрым и бодрее); *Река с разливом быстреет* (делается быстрой и быстрее). Примеры многочисленны.

Однако наличие в предложении дополнительных указаний на степень признака предопределяет однозначную мотивированность. Так, мотивация позитивом предопределяется наличием при глаголах наречий степени, образа действия (совершенно, совсем, очень, быстро и т.д.), как в примерах: *Пиджак слишком толстит* (делает толстым); *Меня злила больше всего его бесцеремонность* (делала злым); *Ленивый кот быстро жиреет* (становится жирным); *Он быстро начал стареть* (становился старым).

Мотивированность глаголов компаративом определяется присутствием при глаголе (фактивных и индоативных) наречий с определительно-количественным значением (все, несколько, немного): *Он видимо хмелел* (становился более хмельным); *Внутренность леса постепенно темнеет* (становится темнее); *Туман постепенно густел* (становился гуще). Мотивирующим компаративом выступает и при наличии предлога *НА* при числительном, при повторении одного и того же слова (глагола), в окказиональных образованиях типа *День ото дня мы тонышели* (становились тоныше). В ряде случаев замещение и, следовательно, мотивация как компаративом, так и позитивом вообще невозможна, что зависит от лексико-грамматических свойств глагола, как в предложении *Правые левеют...*

На рассматриваемом материале можно сформулировать ряд упражнений для учащихся и студентов.

Русская грамматика. Т.И. –М., 1980.

С.С. Катуков

Структура ЛФП «брань» в русском языке

Говоря о структуре ЛФП, мы опираемся на идею о полевой модели языка.

1. Ядро ЛФП "брань".

К центру ядру данного поля мы отнесли слова, имеющие наиболее абстрактное значение, они являются самыми представительными для наименования концепта «брань»: *брань, ругань, мат, сквернословие*.

К ядру будут, видимо, относиться относятся производные слова от вышеуказанных - это глаголы и прилагательные: например, *браниться, бранный, ругать(ся), материться* и др. Ядерные лексемы в наиболее обобщенном виде обозначают брань как явление и брань как процесс.

2. Ближняя периферия.

К ближней периферии мы отнесли слова, имеющие значение брани, общеизвестные, по степени употребления находящиеся на том же уровне, что и ядерные лексемы, но употребляющиеся наиболее часто в разговорной, эмоционально-экспрессивной лексике. Первоначальное значение данных лексем переосмыслено, т.е. они употребляются для обозначения процесса брани метафорически. Большую роль в их значении играют семы «на повышенных тонах», "негативное воздействие".

Сюда мы отнесли следующие слова:

наброситься, накричать, наорать, (раз)лаяться, разнос (разнести), раскричаться, распекать, обложить, обляять, отчитать, повздорить хамить, раздор, распра, скандал, ссора, свара, шуметь, перепалка, поцарапаться, перебранка, цапаться, буза, буйнить, взбучка, дебош, (до-, за-, ис-)собачить(ся), ссориться, вздор, вздорить, нецензурная брань, обзывать, (от)лаять(ся), выражаться, грубить, грызться, гавкать, крить матом, крить, ругательски, кричать, послать куда следует, (на-, за-)орать, поносить, поносный.

3. Дальняя периферия.

Сюда относятся слова, имеющие те же характеристики, что и слова предыдущей группы, но менее употребительные. Меньшая употребительность во многом связана с образностью, т.к. эта образность зачастую коммуникативно незначима. Поэтому данные слова могут встречаться в речи либо более начитанных людей, либо в речи, где эта образность уже стерлась. Сюда также относятся слова, значение корней которых (браниться) уже не всем известны.

Это следующие слова:

разделать, содом, схватка, сшибиться, сцепиться, схлестнуться, отчертоположить, отбрехаться, перегрызуха, брехать, изрыгать, расстегнуть рот, устраивать базар, пробрать (с песочком), продрать, протереть с песком, базариться, порицать, взбучить, встрепка, встряска, выговаривать, журить, журенье, журмя журить, мылить голову, костить, похабный, похабничать, похабство, спускать собаку,

намылить холку, намять холку(шею), накрутить хвост(хвоста), наплевать в глаза, распустить глотку, чертыханье, срамить, хулиить, взъестся, всыпать, насобачиться, натягивать, раскастить, распекать, распудривать, распрыжить, расцыганивать, расханивать, расчестить, рявкать, раздраконить, распатронить, сволочить, шерстить, язвить, обханивать, о(б)каркать, ограять, отжурить, отжучить, отпудривать, ошельмовать, обрушиться, отделать, отщелкать, охаять, пожучить, похаять, песочить, поедом есть, задирать, чёрное слово, смешать с грязью, точить язык, утюжить, хаять, честить. чернить, чистить, чихвостить, пасквиль, пикироваться, греть, дерзить, крепкое слово, поливать грязью(руганью), перемывать косточки.

4. Крайняя периферия.

Крайняя периферия объединяет слова со значением "браниться", но по своему внешнему облику являющиеся областными, а также слова, употребление которых в данном значении уже является устаревшим:

рень, реть, репенить, свариться, свориться, сквальдыга, скилиться, судачить, скувать, харзить, хармовать, окусываться, оклескивать, опевать, откусаться, охальство, перегладывать, покотораться, поктать, посварить, потазать, аркать, ароваться, бранословный, бронить, соромщина, срамословие, жиздорить, загрубить, лая (лайба, лайка), лезжать, заспоривать, зассориваться, нагорланить, раскухнать, ротить, рассориться, хайлить, халдить, хлестать, щекатить, ягать, огызаться, обесчещивать, окостенеть, опаливать, отгладывать, охуждать, ошикивать, переклинать, разгрубиться, забранка, забранивать, добранивать, добранка, наругать, расхуливать, похуливать, выхавивать, похабить, о(б)кастить, обносить, о(б)сыкать, опорачивать, отъедать, очернять, бессудить, студословие, ганить, обизор, накупать, размолвиться, разроднить, разознавать, свадить, супор, отшпетить, булдыжить, гырчать, пустогрыза, бундарить, галдить, галда, занадра.

Лексико-фразеологическое поле «брань» можно разбить не только по ядерным и периферийным сферам. Строение концепта можно представить в виде совокупности типологических групп, выделяемых на разных основаниях.

1) Прежде всего выделяется группа, слова которой являются непосредственными указателями на процесс брани. Эти слова различаются стилистически, указывая на одно и то же явление - брань.

а) в первую подгруппу входят слова, называющие концепт наиболее общо – *брань, ругань* (и производные от них).

б) во вторую подгруппу входят слова, также являющиеся общими по значению, но уточняющие характер брани (и являющиеся стилистически высокими): *сквернословие, скверноречие, злословие*,

злохуление, студословие. Первая дополнительная коннотация такова: эта брань обязательно "плохая". Дополнительной, более глубокой семой будет сема - "брань злобная, скрытая, лукавая, заглазная". Это значение всплывает, если обратиться к факту возникновения этих слов в церковнославянском языке, культура которого считала брань порождением дьявола (Жельвис 2001).

Интересно отметить, что если слова первой подгруппы могут быть возвратными глаголами, т.е. иметь значение взаимной браны (браниться друг с другом), то слова второй подгруппы такие формы могут иметь только в дальнем потенциале (например, злословиться друг с другом). Эта особенность, возможно, связана с тем, что слова второй подгруппы имеют в своём значении указание на масштабность, т.е. злословить, сквернословить можно только в одностороннем порядке, имея своим оппонентом нечто большое, целое (церковь, Бога). Это соображение основано на том факте, что первоначально старославянский язык был сакральным языком, чьи единицы включали, несомненно, значение масштабности, космичности своих денотатов, поэтому сквернословие - это богопротивная брань, т.е. брань против Бога, а, значит, исходит от человека и, следовательно, односторонняя.

В данную подгруппу входят также слова, обозначающие процесс брани стилистически снижено. Они также будут обозначать грубую, экспрессивную брань. Это такие слова и словосочетания: *встрепка, кричать, отчертоположить, дебоши, собачиться, гавкать, орать, пропесочить, перегрызуха* и др.

2) Во вторую группу входят слова, выделяемые на основе обозначения степени интенсивности брани (интенсивность в отношении концепта "брань" должна пониматься синкетично: это интенсивность по громкости, эмоциональности, "инвективизации", т.к. брань, по определению, уже эмоциональна и грубо, поэтому не может быть "нулевой степени" брани, она уже инвективна по содержанию):

а) по общей интенсивности:

- брань "умеренная", т.е. недлительная, достаточно сдержанная. Эта подгруппа выделяется условно, т.к. единицы, её составляющие, представлены ядерными и околоядерными лексемами, которые, в зависимости от контекста, могут употребляться и для наименования грубой брани (например, побранить дружески - побранить срамно): (по)бранить, (по)ругать, (по)злоречить, (по)журить (но, например, журмя журить уже будет означать довольно сильную, привязчивую и неприятную брань. Такая двойственность возникает в результате изменения первоначального смысла слова. В словаре Даля слово

пожурить означает "пожучить, достаточно сильно побранить". В словарях Евгеньевой и Кузнецова это слово уже не содержит значения брани. Здесь *пожурить* - значит слегка упрекнуть.

- брань грубая, интенсивная - это инвективная брань. Этую подгруппу образуют как стилистически нейтральные, так и стилистически сниженные слова: поразбранить, отчертоположить, отшпетить, расхулиить, распустить глотку, накрутить хвост, раздраконить, собачиться, гавкать, дерюжить, крыть (матом), чертихаться, брехать, наплевать в глаза, послать к чертям, поедом есть, хайлить и др.

б) по временной продолжительности, а также по охвату участников:

- брань как начало или конец процесса общения и как происходящая время от времени: забраниться, добраниться, избраниться (забранка, добринка - у Даля), заругаться, засобачиться; поругивать, поханивать, повздоривать и др.

- брань как процесс "обругивания" всех: перебранить, переклясть, проклинаять и др.

3) В третью группу входят наименования лиц по отношению к брани (эти слова в основном встречаются у Даля): ощера, пустогрыза, ненагрыза, сквалдыга, охульщик, ругатель, жиздор, облай(щик), обругатель, обхайщик, охуждала, поктун, халда, ягайла. У Даля встречаются также наименования бранимого объекта - обруганец, хаянка, хайка.

Жельвис В.И. Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001.

Ф.О.Смирнов
Ярославль

Естественный язык и компьютер: деструктивное влияние или очередной этап эволюции?

Флагманом мировой компьютеризации стали Соединенные Штаты Америки, которые принесли в невербальную по своей сути технологию английский язык. Неоспоримым фактом является то, что на уровне машины коммуникация осуществляется в формах символического языка (машинные коды), который не отличает близость к

естественному языку вообще. Тем не менее, английский язык стал одним из факторов, влияющих на пользователей информационных технологий по всему миру. Близость английского языка и компьютеризации обусловлена исключительно экстралингвистическими факторами, хотя любому начинающему пользователю может показаться, что английский – родной язык компьютера.

В последнее время восторженные пророчества и дифирамбы компьютеру и Интернету сменились настороженностью и, порой, негативными оценками влияния персонального компьютера на русский язык как систему, на стереотипы речевой деятельности, на языковое сознание индивида. В статье Натальи Шаховой “Время сбирать ошибки” указывается на пренебрежительное отношение к нормам русской пунктуации и орфографии со стороны пользователей российского Интернета. При поиске по словам, намеренно содержащим ошибки (например, “агенство”, “галлерея”, “сдесь”), можно обнаружить сотни сайтов. “В Интернет ворвались и доминируют такие группы, для которых письменная коммуникация ограничивается заборами и стенами, они в муках рождают свой язык. Ничего хорошего культуре это не несет”, - заметил Владимир Селегей, начальник лингвистического отдела компании ABBY. Автор статьи пишет об общей установке на пренебрежение языком (Известия: 28.11.2002, с.6).

Каковы же точки соприкосновения информационных технологий с естественным языком? Идет ли постепенное разрушение и деградация русского языка, вытеснение его упрощенным английским, редукция орфографии и пунктуации в их сегодняшнем понимании? Многие уже сегодня готовы ответить на этот вопрос утвердительно.

Компьютер – явление уникальное в человеческой культурной практике. С появлением вычислительных машин начинает появляться терминология, обслуживающая новую предметную область.

Когда дело касалось нескольких американских нердов (*nerd* - от англ. *nerd* – компьютерный чудак; человек, зацикленный на реалиях компьютерного мира; в современном английском языке недоверие и отчужденность, выраженные в этом слове, все чаще уступают место уважению и признанию социальной значимости компьютерщиков) из Массачусетского технологического института, говорить о новом пласте лексики было еще рановато.

Персональные же компьютеры очень быстро завоевали себе место под солнцем, превратив представителей самых различных слоев в пользователей и программистов. Компьютерный жаргон, как и сами информационные технологии, испытывает на себе влияние

английского языка, при этом оставаясь уникальным явлением для каждой из культур. Ситуация вокруг компьютерного сленга гораздо сложнее: это не транслитерация англоязычных терминов и даже не их калькирование, хотя можно привести массу примеров и того, и другого. Это переосмысление англоязычных обозначений под влиянием глубинных пластов языкового сознания и сложившейся уникальной контактной ситуации двух языков.

В речи компьютерщиков очень много нейтральных слов-терминов, обыгранных с использованием русской обсценной и сниженной лексики. Так, часто в речи компьютерщиков можно услышать такие выражения, как: “автогад” (программа AutoCAD), “погамер” (ироническое обозначение программиста), “анус” (протокол Janus), “дебилспейс” (DoubleSpace). Зачастую, это игра на фонетическом сходстве некоторых понятий с ненормативной и табуированной лексикой. Часто такое сходство намеренно создается для усиления эффекта. Например, “бизданутый” (имеющий отношение к ОС FreeBSD), “виндец” (отказ ОС Windows выполнять команды оператора), “похерить” (сделать копию на ксероксе).

Г. Гусейнов в рамках своего обзора “Другие языки. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей” указывает на то, что превращение русского языка в Сети обусловлено не столько практической потребностью упрощения кода, сколько игровыми условиями. Ситуацию взаимодействия двух языков он характеризует как крайнюю обоюдоострую агрессивность, причем по отношению как к языку-источнику, так и к языку-цели. (Гусейнов 2000). Так, действительно, если отчаянные “висельники” (*висельник* (комп. жарг.) – неопытный системный программист) “жамкают пимпы”, “мнут клаву” и “клацают педалью” (жарг. *работают на клавиатуре*), то варваризация естественного языка становится бесспорной.

Свидетельством агрессии является эсхрофемизм – фигура речи, в которой любое слово паронимически... или парасемически... преобразуется в сквернословие (Гусейнов, 2000). Однако в жизнь входит не только лексика - с появлением Интернета реальностью стали новые формы коммуникации, многомерный текст, иные формы речевого поведения.

Интернет – пространство преимущественно письменного общения. Средства обмена голосовыми сообщениями в настоящее время весьма далеки от совершенства, а браузеры (*браузер* – программа для просмотра веб-страниц), управляемые устными командами пользователя, существуют лишь для узкого круга их разработчиков.

Принципиальную значимость имеет визуальная информация. Для лингвистики особый интерес представляют чаты и форумы, занявшие прочное место в сознании аудитории Рунета, а также средства обмена короткими текстовыми сообщениями. ICQ (жарг. «ася») – программа для обмена короткими текстовыми сообщениями, в чем-то аналогична чату, но позволяет общаться с несколькими собеседниками одновременно на разных каналах. В отличие от чата, позволяет отправлять также отсроченные по времени сообщения. Вообще, скорость реакции собеседника имеет для ICQ менее критическое значение.

В чате и ICQ коммуникация осуществляется в реальном времени, что позволяет провести аналогию с устной беседой, участники которой неожиданно начали излагать свои мысли в письменной форме. Письменная речь традиционно обладает целым рядом особенностей по сравнению с устной: она более подготовлена, развернута, средства организации внутритекстовой связи имеют для нее важное значение.

В Интернете письменный текст по сути начинает обслуживать устное общение коммуникантов-посетителей чата. Его ограничения сохраняются, но изменяется его структура и прагматическая направленность коммуникации. Как замечает Г. Гусейнов, “массовому пользователю важно не увеличить проходимость информации, но сделать предельно зримым собственное присутствие в Сети” (Гусейнов, с. 2000). Действительно, листинги (*листинг* – хроника чата, представляющая собой записи общения в чате за определенный период времени, обычно в виде текстового файла) многих чатов представляют собой скорее бесподобные примеры самовыражения авторов, нежели хронику обмена информацией.

Форумы и блоги, (*блог* -от англ. *weblog* – своего рода онлайновый тематический дневник; участники обсуждения размещают свои комментарии в рамках блога, реагируют на сообщения других пользователей; отличие от форума в том, что он изначально предусмотрен как дополнительный сервис для обсуждения основного контента, в то время как блог живет собственной жизнью как пространство общения) в отличие от чатов, в значительно большей степени ориентированы на отсроченную по времени коммуникацию.

Оставляя сообщение, посетитель форума надеется получить ответ не мгновенно, а по прошествии нескольких часов или дней. Сам форум, складываясь из отрывочных сообщений, вырабатывает свои средства организации связи и поэтому в большей степени ориентирован на обмен информацией. На форумах намеренно поддерживается определенная тематика общения: обмен опытом,

помощь в решении проблем, обсуждение материалов сайта. Форум – всегда диалог на заданную тему, поэтому здесь хотелось бы возразить Г. Гусейнову: далеко не все формы коммуникации в Интернете ориентированы на саморепрезентацию.

Наконец, изменение претерпевает сама форма текста. Текст приобретает нелинейный характер, превращается в свободную ссылочную среду, которая позволяет читателю перемещаться между различными частями документа. Сам термин “документ” употреблен здесь совсем не случайно. Страница веб-сайта – это не текст в его исходном понимании, это переплетение и взаимовлияние различных знаковых систем. Давно известно, например, что текст в Интернете гораздо лучше воспринимается при условии наличия визуальных опор, поэтому каждая статья сопровождается маленькой картинкой. Рост пропускной способности (способность пропускать большее количество информации за единицу времени) каналов привел к тому, что в текст страницы могут быть включены также аудио- или видеоролики.

Все отмеченные особенности коммуникации в Интернете в значительной степени обусловлены особенностями Сети как информационного пространства, построенного на иных принципах, нежели дискурс современных СМИ.

Интернет крайне отрицательно относится к иерархическим пирамидальным структурам во всем: от институтов власти до языковой системы. На смену иерархии приходят горизонтальные структуры, принцип “кластерности” (Гусейнов, с. 2000). Норма как один из системообразующих факторов естественного языка испытывает на себе наибольший удар в процессе освобождения языка в Сети. Отсюда и пренебрежение нормами орфографии и пунктуации, и приверженность жаргонизмам и сниженной лексике.

С другой стороны, не стоит сбрасывать со счетов и то, что русский язык в Рунете, испытывая на себе давление со стороны английского и привносимых им в языковое сознание культурных ценностей, по выражению поэта Алексея Цветкова, “вылупливается” из англоязычного (Интервью с Алексеем Цветковым, 2001). Он стремится осознать себя как самоценное, но в то же время единое с глобальной Сетью образование. Этого обособления он добивается с помощью языка, одинаково агрессивного как к нормам русского, так и к нормам английского.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что столкновение естественного языка с компьютером как символической машиной не влечет, на наш взгляд, исключительно негативных последствий для языка. Компьютерный жаргон, порожденный взаимодействием с

компьютером, стал своеобразной творческой лабораторией языка. Сеть Интернет принесла с собой новые формы существования языка, новые модусы коммуникации, стереотипы речевого поведения.

Компьютер не должен рассматриваться как вредоносная самостоятельная реальность, он есть реакция социального организма на возросшие информационные требования (Ценев 2002). Думается, что такой установки имеет смысл придерживаться при изучении социокультурных аспектов взаимодействия человека и компьютера. Такой взгляд конструктивен сам по себе, так как “накладывает обязанность изучать актуально идущие процессы языкового развития, обучать им и пытаться прогнозировать тенденции развития” (Войскунский 2001).

Войскунский А. Е. Развитие речевого общения как результат применения Интернета // Конференция "Социальные и психологические последствия применения информационных технологий" (01.02.2001 - 01.05.2001). <http://psynet.carfax.ru/texts/voysk6.htm>
 Гусейнов Г. Другие языки. Заметки к антропологии русского Интернета: особенности языка и литературы сетевых людей, 2000.

<http://nlo.magazine.ru/dog/tual/main8.html>

Ценев Вит. Поколение Net, 2002. <http://psyberia.ru/mindterritory/net>

Интервью с Алексеем Цветковым // Литературное кафе в Интернете, 2001. <http://www.tema.ru/rrr/litcafe/tsvetkov/index.html>

Шахова Н. Время собирать ошибки // Известия, 28.11.2002.

Н.А.Боженкова
 Курск

К вопросу о взаимоотнесенности единиц текста

С точки зрения психолингвистики речевое общение осуществляется текстами, основными конституентами которых являются высказывания. Эти единицы речевого общения порождаются в процессе коммуникативно-познавательной деятельности (через этап внутренней речи) путем использования «инструментов» этой деятельности («языковых конструкций»).¹ Очевидно, что к этим

¹ Дридзе Т.М. Социально-психологические аспекты порождения и интерпритации текстов в деятельности речевого общения // Аспекты изучения текстов. М., 1981, с. 134.

инструментам принадлежат слова. Слово, вернее, лексема, как цельнооформленная языковая единица, фиксируемая словарем, является обобщением, идеализацией многочисленных словоупотреблений в речи.

Предложение также рассматривается как обобщение, идеализация высказываний, но это обобщение и идеализация другого рода: в языке нет цельнооформленных фиксируемых словарем предложений (фразеологизмы не принимаются во внимание). Как же происходит идеализация высказывания - переход от конкретной речевой единицы к предложению?

Здесь выделяется несколько стадий.

На первой стадии высказывание как реальная сущность вырывается из контекста общения. Здесь происходит абстрагирование от говорящего, слушающего, ситуации общения, лингвистического контекста и т.д. Полученный результат обозначается как предложение, которое можно назвать также виртуальным высказыванием. Такая операция естественно и спонтанно происходит при пользовании письменными текстами под влиянием интереса лингвистов к внутренней структуре высказывания, что было характерно для лингвистики многие века. Некоторые различия операции идеализации на этой стадии касаются полноты исключения pragmatically relevantных составляющих высказывания.

Вторая стадия абстрагирования – это переход от конкретных знаменательных лексем к символам классов, к которым они принадлежат. При этом редуцируются все pragmatically relevantные элементы высказывания, лексические значения знаменательных слов, коммуникативный потенциал высказывания и т.д. Результат – структурная схема предложения, которая уже с полным правом может рассматриваться как единица языковой системы.

Третья стадия абстрагирования - это переход с уровня классов слов на уровень переменных, устранение порядковых отношений при сохранении лишь функциональных различий двух видов: аргумент / функция. Результат - пропозициональная формула $P(x,y,z)$. Это абстракция высокого уровня - логики предикатов. В лингвистике предпринята успешная попытка наполнить пропозициональную формулу семантическим содержанием через введение понятий «семантических падежей», «ролей» и т.д.; это так называемая семантическая интерпретация формальных отношений. Ее можно обозначить как стадию 3-а.

На четвертой стадии абстрагирования удаляется информация о составе предикатной составляющей и высказывание представляется

двуя компонентами: субъектом и предикатом. Это уже суждение с формулой $S + P$.

На пятой стадии абстрагирования суждение свертывается до одного символа P , которому приписывается два альтернативных смысла: истина / ложь. Это уже логика высказываний - исследование законов мышления.

История науки зафиксировала тот факт, что данные стадии абстракции разрабатывались не в том порядке редукции, как это представлено здесь, и не столько в лингвистике, сколько в логике. Хронология разработки абстракций высказывания, как нам представляется, следующая:

- 1) Стации 4 и 1 – суждение и предложение .
- 2) Стация 5 – логика высказываний.
- 3) Стадия 3 – логика исчисления предикатов.
- 4) Стадия 2 – структурная схема (в лингвистике).
- 5) Стадия 3-а – пропозиция, семантическая структура (в лингвистике).

6) Стадия изучения высказывания - актуального конституента текста (в современной коммуникативной или pragматической лингвистике).

Как видно из описания ступеней абстракции только первая из них достаточно близка и к реальности общения, и к устройству языка: в ней можно решать многие сугубо лингвистические, а также психо- и социолингвистические задачи. Однако следует заметить, что другие стадии абстракции не лишены определенной лингвистической значимости. Безусловен тот факт, что конкретные формы идеализации на каждой стадии могут в какой-то степени различаться. Однако извлеченному из контекста высказыванию можно приписать не более чем «интонационную предназначность» – своего рода интонационную идеализацию. А это значит, что предложению как первой стадии обобщения можно приписать не конкретное актуальное членение, а некое «актуальное предназначение». Предложение – это функциональная единица, имеющая виртуальный статус.

Н.М.Вахтель

Семантика и pragматика заголовка-вопроса с вопросительными словами

Использование в вопросительных высказываниях широкого набора вопросительных слов типа *кто, что, куда, откуда, зачем, почему*,

кому, с кем, как, когда, какой и т.д. порождает так называемый «комplementативный» вопрос, «который сводится к установлению места, времени, причины, цели, состава и способа реализации того «положения дел», семантическим коррелятом которого является свернутая пропозиция» (Ломов 1994, с.257).

В этом заключается иллокутивная сила этих частно-вопросительных конструкций (Санников 1998, с.134).

Все они содержат переменную пропозицию, которая оказывается незамещенной в силу отсутствия области денотативных значений этой переменной, выраженной вопросительными словами. Замещается эта переменная, если ответ содержит постоянную величину.

- *Кто пришел?*
- *Алеша.*

Если же у адресата нет информации, способной заместить переменную вопроса, он остается без ответа.

- *Кто пришел?*
- *Не знаю.*

В результате мысленного эксперимента, который заключается в переносе обычного вопроса из устной диалогической речи, например, *Кто написал роман «Идиот»?* в публицистический текст в качестве заголовка, становится понятно, что меняется в нем. Если в первом случае этот вопрос выступает в основной своей функции, а именно - запрос информации, то в роли заголовка он только ставит проблему, как будто бы журналист располагает информацией, делающий сомнительной авторство романа. Читатель моментально понимает это, и его внимание приворачивается к статье под таким заголовком. Интерес вызывается тем, что он питает надежду на получение информации, ранее неизвестной и, возможно, сенсационной, так как, казалось бы, все знают настоящего автора.

Исходные первичные знания в этом случае или опровергаются, что само по себе всегда интересно, или восполняются некоторой новой информацией, чтобы сформировать новое суждение, или зародить сомнение в уже имеющемся знании.

К такому эффекту обычно приводят заголовки - вопросы, использующие классические собственно-вопросительные высказывания с вопросительными словами *кто, что, где, когда, почему, зачем, куда, откуда, сколько, как, каким образом, какой...*

Такие вопросы - заголовки восполняют неполноту исходных значений и их неопределенность. Не случайно в литературе их называют иногда восполняющими, предикативными, непрямыми или неопределенными к-вопросами (Волченко, Старченко 1980, с.273).

При перенесении вопросительного предложения в сферу публицистики в качестве заголовка меняется его смысловой объем, который зависит от того, что именно и в какой степени может быть неизвестно читателю в данной ситуации: содержание какого-либо события в целом или его отдельных деталей.

- (1) Что случилось с ...?
- (2) Где прячется Басаев?
- (3) Куда...?
- (4) Из чего сделана Каменская?
- (5) О чём шла речь на...?

На этой основе, т.е. в зависимости от их семантики, собственно-вопросительные предложения подразделяются на общие - в этом случае неизвестна сама ситуация - (1), и частные - в этом случае неизвестны детали определенного факта - (2) - (5). Детали могут касаться *места* (*где, куда, откуда*); *лица* (*кто, кого, кому, о ком*); *времени* (*когда, с каких пор, до каких пор*); *причины* (*почему*); *цели* (*зачем, с какой целью*) и т.п.

Такие вопросы считаются имплицитными конструкциями «с внутренним эллипсом» «внутрифразовым контекстом» (Лысенко, 1996, с.17).

Если эксплицировать пропущенный компонент, то мы получим: я хочу знать..., я прошу рассказать..., я требую ответить... Такой семантический эллипс как раз и приводит к компрессии сообщения. Применительно к газетным заголовкам эксплицировать пропущенное звено можно иначе: хотите знать..., хотите, чтобы я рассказал...; вас интересует...

Эти имплицитные конструкции можно интерпретировать как парцеллированные изъяснительные придаточные предложения, и только вопросительный знак в конце мешает это сделать.

В вопросительных словах заключается смысл вопроса. Интересна семантика предиката в таких заголовках - вопросах. Обычно это глаголы речи, ментальных состояний и мыслительных процессов и т.п. Например, вопрос: *Что делать?* в заголовке получает разные иллоктивные цели, и глагол «делать» может наполняться разным содержанием.

а) Что-вопросы в заголовках сигнализируют о сложной проблемной ситуации, часто несущей опасность или угрозу.

В заголовках, построенных на базе модели что-вопросы, содержится некая эвристическая оценка, совмещенная с предостережением. Как правило, такие заголовки содержат предикаты

типа: что будет, было бы, что станет, что ожидает, что происходит и подобные.

-Что общего между балериной и куклой? НГ, 28.09.01.

-Что будет с КПРФ? НГ, 30.06.99.

-Что ожидать от новых властей Пакистана? НГ, 14.10.99.

-Что ждет Москву и Вашингтон в ближайшем месяце? НГ, 15.05.01.

-Что внукам останется? НГ, 16.07.99.

б) Кто-вопросы

В вопросительных заголовках с вопросительным словом *кто* в разных формах, место переменной пропозициональной функции «Кто...?» должно заполняться конкретной и постоянной величиной. В таком заголовке предполагаются, прогнозируются конкретные лица, организации, социальные группы или отрицательные местоимения, в этом случае мы имеем дело с мнимо-утвердительным вопросом в заголовке.

-Кто знает, что надо делать? НГ, 14.10.99.

-А судьи кто? Время, 02.08.99.

-Кто кому подчиняется в «Отечестве» - вся России? НГ, 16.09.99.

-Кто роняет рубль? НГ, 06.10.99.

-Кто последний? Время, 04.10.99.

-Кто отец? НГ, 16.09.99.

-Кому отдавать Чечню? НГ, 03.07.99.

-Кто продавал Российские Миги через Чечню и Словакию? НГ, 16.10.99.

-Кто заказал Касьянова? НГ, 15.09.00.

-Кто раскручивает топливный кризис? Время, 15.09.00.

Читатель надеется найти ответ, но, как правило, получает только намек на искомый ответ. Часто пропозициональная функция «Кто...?» остается вообще незамещенной позицией субъекта, что позволяет говорить о риторической функции такого заголовка.

-Кто может дать ответ? НГ, 10.09.99.

Количество информации, запрашиваемой пропозициональной функцией «Кто...?», обусловлено вопросом «Кто» и, как правило, равно субстантивному значению, которое только лишь предполагается в последующем тексте.

в) Как-какой - вопросы

Заголовки с вопросительным словом *как, какой* в разных формах обычно содержат вопрос о моделях и идеалах, по Н.Д. Арутюновой [Арутюнова, 1988:63]. Ставится проблема и возможность решения какого-либо вопроса.

-Какая школа лучше? ЛГ, №17-18,01.

-Каким должен быть хороший учитель? НГ, 10.10.01.

(Однако под этим заголовком помещена информация о съезде учителей.

-Как базар превратить в рынок? Берег, №14.01.

-В каком банке вы храните свои деньги? КП, 03.10.99.

На первый взгляд вопрос, начинающийся с вопросительного слова «какой», требует дескриптивной или идентифицирующей информации. Однако в функции заголовка этот вопрос скорее предполагает оценочную информацию - хороший/плохой. Именно ее получает читатель в последующем тексте. Журналист, выбравший такой заголовок, не преследует цель узнать, в каком банке кто-то хранит деньги, он владеет некоей информацией о банках вообще и излагает свои соображения о качественной характеристике банковских работников. Заголовок служит лишь средством привлечения внимания читателей к теме работы наших банков.

г) Почему-вопросы, зачем-вопросы, когда-вопросы и куда-вопросы.

Среди вопросительных конструкций в заголовковой функции отмечены и такие, которые строятся по модели почему-вопросы, зачем-вопросы, когда-вопросы и куда-вопросы.

-Почему боевики уходят в Чечню? НГ, 14.09.99.

-Когда мы начнем себя уважать? НГ, 14.10.99.

-Почему мы болеем и выздоравливаем? Время, 15.09.00.

-Зачем прессе навоз? НГ, 29.09.00.

-Куда же нам плыть? НГ, 29.09.00.

-Когда правит закон войны? Время, 15.08.01.

-Когда долг платежом страшен? Время, 30.08.01.

Создается впечатление, что такого типа вопросы, употребленные в заголовках, сначала адресуются пишущим самому себе и отражают некоторые колебания во мнении, в выборе необходимого решения. Они бывают ориентированы на выяснение того, как и что следует или как можно и что нужно делать и поступать, но чего нет пока в реальной действительности. Н.И. Голубева-Монаткина обнаружила несимметричность гносеологического статуса вопроса: «возможные миры, представленные в вопросе, не соотносятся спрашивающим с действительным положением дел в реальном мире; они могут быть соотнесены с действительностью в ответе» (Голубева-Монаткина, 1990, с.1). Именно на этом гносеологическом свойстве основана роль вопроса в познании человеком окружающей действительности. Однако читатель зачастую все равно остается один на один с проблематичной, двоякой информацией, способствующей

порождению многочисленных вероятностных выводов, домыслов, предположений.

Такие вопросы, по традиции квалифицируемые как собственно-вопросы или специальные, в роли заголовков перестают быть таковыми, так как в подавляющем большинстве случаев их пропозициональная неизвестная остается незамещенной. Пищущий не ставит перед собой задачи ответить на такой вопрос в заголовке. Он просто таким образом формулирует тему (иногда удачно, иногда нет), которая будет обобщенно освещена в последующем тексте. В таких вопросах заключена проблемная форма самой идеи, они открывают область проблем вообще, оставляя читателю заботу о более конкретном ее решении.

Такие заголовки-вопросы не о сущности обсуждаемого, а о множестве проблематичных сущностей. Чтобы совершить ментальные движения от сомнения к уверенности, читателю необходимо суммировать в своем сознании информацию, поданную под близкими друг другу заголовками в разных изданиях.

Среди заголовков, построенных в форме вопроса, очень много инфинитивных конструкций. Как отмечает А.М. Ломов, инфинитивные предложения «гораздо чаще, чем другие односоставные построения, принимают форму вопроса» (Ломов 1994, с.256).

Большое число этих построений можно объяснить тем, что они часто специализируются на выражении многих несобственно-вопросительных значений, каждый раз гибко изменяя целеустановки. Согласно нашим наблюдениям, наиболее частым элементом структуры инфинитивных вопросительных конструкций в функции заголовка являются вопросительные слова *как* и *что* в разных формах.

-Как жить дальше? НГ, 03.07.99.

-Кому отдавать Чечню? НГ, 03.07.99.

-Как нас теперь сосчитать? НГ, 24.06.99.

-Как быть с фашистующей молодежью? ЛГ, №17-18.01.

Эти вопросы в заголовках направлены, а значит, и направляют на поиск общей перспективы какой-то деятельности.

-Чего ожидать от новых властей Пакистана? НГ, 14.10.99.

-Чем кормить детей? Время, 1999, №27.

Такие заголовки отнюдь не требуют новой информации в последующем за ними тексте. Обычно в нем предлагается для обсуждения совместно с читателем выбор наиболее целесообразного из всех возможных вариантов решения проблемы. Они как бы воспроизводят процесс рефлексии.

Инфинитивные вопросительные конструкции в заголовках чрезвычайно уместны в рекламной функции.

-Куда пойти учиться?

-Где можно отдохнуть?

Не случайно под такого типа заголовками существуют целые рубрики в газетах и журналах. У них явная рекламная функция.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М., 1988.

Волченко М.В., Старченко А.А. Семантика вопросов в естественном языке // Логико-методологические исследования. М., 1980.

Голубева-Монаткина Н.И. Проблемы классификаций вопросов и ответов диалогической речи. Автореф. дис.... д-ра филол. наук. М., 1990.

Ломов А.М. Типология русского предложения. Воронеж, 1994.

Санников В.З. Русские сочинительные конструкции. Семантика. Прагматика. Синтаксис. М., 1989.

Т.Н. Голицына

Интерпретация «неизвестного» в русском языке

Предметом анализа являются высказывания с неопределенными местоимениями, которые принимают участие в познавательных операциях – в ситуации информационной недостаточности. Данные высказывания используются для того, чтобы ввести данные о наличии неизвестного (субъекта, объекта, обстоятельств) в вербальный контекст. По мнению исследователей, самым интересным носителем идеи познания являются неопределённые местоимения.

Местоимения *кто-то* и *что-то* функционируют в высказываниях с неизвестными актантами. Неизвестными могут быть агенс, коагенс, инструмент и др. Информация о неизвестных «персонажах» высказывания вводится модусом «Я не знаю» и может быть интерпретирована следующим образом: из-за отсутствия данных говорящему не известно, кто или что принимает участие в событии. При этом субъект может демонстрировать максимальную степень неосведомлённости об участниках. Ср.: *У вас в сараичике в саду припрятан пакет. – У меня в саду? Не может быть. – Кто-то его туда положил. Я ничего об этом не знаю* (Т.Устинова). В такого рода высказываниях местоимение кто-то употребляется автономно.

Между тем говорящий может вводить определённые элементы, которые характеризуют неизвестный субъект. Имеются в виду сочетания «кто-то в этом роде», «кто-то из», «кто-то страшный» и под. Вводя эти показатели, автор (говорящий) несколько снижает степень информационной недостаточности, при этом степень информационной недостаточности обусловлена семантикой словесного окружения местоимения. Ср.: *Кто-то из ныне живущих; Кто-то из друзей; Кто-то из нас двоих*. Говорящий даёт круг субъектов (коагенсов), которые причастны к событию. В качестве конкретизаторов используются определения, которые указывают на внешние и внутренние признаки неизвестного субъекта: *Кто-то в серебристом стоял передо мной; Кто-то мрачный преследовал меня во сне*.

Дополнительная информация о неизвестном актанте может быть представлена и описательно. Ср.: *Кто-то не только бывал в этом доме, но и хорошо знал, где и что лежит* (В.Константинов) – *Кто-то побывавший в доме и знатый...*

По всей видимости, вводя дополнительные характеристики, говорящий стремится описать неизвестное, дать хотя бы его потенциально возможные признаки.

Как показывает материал, существуют высказывания с *кто-то*, в которых неизвестный субъект представляется не столько как неизвестное лицо, сколько как некое начало, образ, сила. Ср.: *В моей душе кто-то проснулся* (К.Бальмонт); *Кто-то поселился в моём сердце* (К.Бальмонт). Представляется, что в этом случае автор пытается сообщить о неясном, неочевидном для самого себя душевном процессе, который с большим трудом поддаётся определению или даже частичной идентификации.

В высказываниях с предикатами *должен, необходим* известны цель и необходимость совершения действия. Например: *Кому-то необходимо справиться с этим злодейством* (С.Городецкий); *Рано или поздно кто-то должен выяснить, что происходит в кладбищенской беседке* (М.Кузьмин). На наш взгляд, субъект в данном случае максимально обобщён. Под «кто-то» подразумевается лицо, группа лиц, некая организация. Говорящий не дифференцирует субъект. Но в то же время субъект не может быть любым, безразлично чем, каким угодно. По всей видимости, такого рода высказывания являются способом выражения неприятия происходящего.

Как известно, понятие неизвестного предмета, которое фиксируется местоимением *что-то*, более отвлечено, чем понятие неизвестное лицо. В целом, *что-то* указывает на не опознанный и на не идентифицированный говорящим предмет. Ср.: *Что-то сверкает*

на солнце; Что-то знаю; Он что-то несёт. Однако в контекстах идентификация этого что-то может быть предопределена. Так, в сочетании с глаголами физического действия очевидна предметная сфера. Ср.: *Чуть слышно что-то звякнуло. Он безошибочно определил, что Лена достала из холодильника кастрюлю и поставила её на огонь* (В.Константинов).

В сочетаниях местоимения *что-то* с глаголами речи, восприятия, интеллектуальной деятельности потенциальным «что-то» могут быть речь, слова, письмо, информация и под. Ср.: *Она что-то пела, бормотала* (Г.Баженов). В высказываниях с предикатами перемещения в пространстве «что-то» может оказаться и лицом, и животным. Ср.: *С неимоверной скоростью что-то пронеслось мимо Венцеля. Это была его неразделённая любовь Елена Шварц на велосипеде* (В.Топоров); *Что-то пролетело под моей головой. Гляжу, птица* (Г.Баженов).

Благодаря высказываниям с «что-то» автор имеет возможность описать внутреннее состояние субъекта. При этом субъект не может определить, что он испытывает, что с ним происходит. Ср.: *Меня вдруг что-то остановило. Сердце моё не воспыпало гордостью. Нет. Что-то внутри меня умерло* (С.Городецкий).

С помощью этих конструкций субъект информирует о том, что он не осведомлён в достаточной степени о своих собственных состояниях (психических, физиологических), о своих переживаниях. Субъект осознаёт происходящие изменения. Но, когда речь идёт о внутреннем переживании, очень сложно определить, что же происходит с субъектом. Это некое предчувствие, неведомое начало. Субъект таким образом фиксирует свою реакцию на стимулы, природа которых ему не подвластна.

Местоимение *что-то* имеет свойство сочетаться с оценочными предикатами, типа *странный, важный, устрашающий* и под. Ср.: *В последние два года с ним действительно творилось что-то странное* (Г.Баженов). Сами свойства, которые обозначают предикаты, не конкретизированы. Под категорию «странных», «страшных» и под. Могут быть подведены разные признаки любых предметов, которые показались для говорящего непонятными, пугающими, поскольку они производят эффект несовпадения реального и ожидаемого. В этих сочетаниях происходит своеобразное «наложение» достаточно пространного значения самих предикатов и неопределенного местоимения что-то. Видимо, с помощью таких конструкций автор стремится продемонстрировать процесс поиска нестандартной характеристики.

Предварительный анализ высказываний с местоимениями *кто-то* и *что-то* позволяет считать, что они участвуют в передаче разных видов «неизвестного». Во-первых, это способ выражения вербального переживания говорящим своего действительного незнания, неосведомлённости о ком-то, о чём-то. Во-вторых, это способ выражения рефлексивных операций, то есть желания разобраться в содержании и мотивах собственных переживаний. В-третьих, это способ выражения состояния субъекта, который «блуждает» в поисках адекватной словесной формы.

М.М.Иванова

Наименование лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, в современном русском языке

Лексико-семантическая группа, называющая человека по признаку «занятие предпринимательской деятельностью», широко представлена в русском языке: *коммерсант*, *делец*, *предприниматель*, *купец*, *торговец*, *спекулянт*, *промышленник*, *заводчик*, *кооператор*, *ростовщик*, *лавочник*, *мешочник*, *процентщик* и т.д.

Ядерными семами лексем данной лексико-семантической группы являются семы «физическое лицо», «владеет чем-либо, приносящим доход».

Основные дифференциальные семы этой группы:

- «получает доход от использования своего имущества» (землевладелец, процентщик и др.);
- «использует наемный труд» (помещик, кулак, горнопромышленник и др.);
- «получает доход собственным трудом» (фермер, единоличник и др.);
- «получает доход за посредничество» (перекупщик, комиссионер, маклер и др.);
- «кимеет финансовые средства, дающие власть» (магнат, олигарх, plutokrat, воротила и др.);
- «получает прибыль на вложенный капитал» (капиталист, рантье, и др.).

Тематически слова лексико-семантической группы «лица, занимающиеся предпринимательской деятельностью» можно разделить на подгруппы:

1. Наименования лиц по наличию собственности, приносящей доход: *коннозаводчик, золотопромышленник, пароходчик, помещик, собственник, ростовщик, домовладелец, банкир, лавочник* и другие.

2. Наименование лиц по наличию занятия, приносящего доход: *предприниматель, делец, бизнесмен, коммерсант, купец, биржевик, кооператор, торговец, фермер, перекупщик, спекулянт* и другие.

3. Наименования лиц по отношению общества к результатам их предпринимательской деятельности: *магнат, олигарх, толстосум, деляга, нувориши, заправила, воротила* и другие.

Серьезные изменения в общественно-экономической сфере нашего общества, произошедшие за последние годы, нашли свое отражение во всех компонентах значений единиц лексико-семантической группы «наименования лиц по занятию предпринимательской деятельностью». Расширился словарный состав группы. Например, в толковые словари современного русского языка вошли такие слова как: *брокер, дилер* (ранее эти слова включались в словари иностранных слов), *арендодатель, наркодилер, частник*. В некоторых случаях изменился семантический состав слова. Например, слова *банкир, биржевик, коммивояжер* и некоторые другие утратили сему «деятельность, характерная для зарубежной деятельности». Также изменились оценочные и функционально-социальные компоненты значения некоторых слов рассматриваемой лексико-семантической группы – например, налицо тенденция утраты неодобрительного компонента значения в слове *«бизнесмен»* и др.

Все эти явления требуют дальнейшего системного исследования.

Е.Ю.Ильинская

Союз *а* как средство выражения противоположности в русском языке

В русском языке категория противоположности может быть выражена различными способами: морфологическим (например с помощью союзов, предлогов), лексическим (посредством антонимов, языковых и контекстуальных), словообразовательным (с помощью аффиксов).

Приняв за основу критерий частотности, можно сказать, что в рамках собранного материала наиболее часто встречаются конструкции, в которых значение противоположности выражается при помощи противительного союза *а*.

Следует отметить, что выражение противоположности – не единственная функция данного союза.

Так, Ф.И.Буслаев писал: «Союз а тем и отличается от но, что означает не столько противоположность, как этот последний, сколько раздельность или распределение понятий» (Буслаев 1959, с.540). Он приводит, в частности, такие примеры употребления союза *а*: «Мать их, а моя бабка, Афимья Павловна была тогда уже вдовою»; «скрыть мишень и другие укрепления, а избу разломать» (Там же).

Однако распределительное значение союза *а*, в большей или меньшей степени актуализированное, часто бывает осложнено сопоставительным значением, а оно, в свою очередь, может развиться в противительное. И.Н.Кручинина утверждает: «Если различие между ситуациями доходит до их взаимного отрицания, сопоставительные отношения при поддержке соответствующей интонации развиваются в противительные» (Кручинина 1988, с.142)

Это положение находит подтверждение в рамках представленного в данной статье материала.

Являясь формальным признаком выражения отношений противоположности, союз *а* связывает между собой, в первую очередь, члены одного предложения:

Язык наш, как и всякий язык, *не выдуман, а выстрадан*.

(Ильин, с. 172)

В данном примере противопоставление *выдуман-выстрадан* возникает в контексте, члены этой оппозиции по своей природе не антонимичны.

День лирического дневника сжимается до момента, впечатление – до образа, мысль – до символа, и этот центральный образ начинает развертываться *не динамически, а статически*.

(Гаспаров, с.142)

Слова *динамически* и *статически*, противопоставленные при помощи союза *а*, в отличие от *выдуман* и *выстрадан* в предыдущем примере, являются антонимами по своей семантике.

Необходимо отметить, что в данных примерах имеет место полное, категорическое противопоставление, которое строится по схеме *«не...а...»*, где отрицательный смысл находит свое воплощение в отрицательной частице *не*.

Встречаются случаи употребления союза *а* для акцентирования внимания на различиях между синонимами. Но такие примеры единичны и обычно связаны с синонимами различной стилистической окраски:

Он *вещал*, *а не говорил* и, хотя имел склонность порою тяжеловесно и сложно пошутить, был полностью лишен чувства юмора.

(Чуковский, с.9-10)

Так, глагол *вещал* в приведенном примере – маркированный член оппозиции, в «Словаре русского языка» С.И.Ожегова имеет помету «устаревшее», относится к высокому стилю, тогда как глагол *говорил* нейтрален.

Союз *а* может выражать отношения противоположности не только между отдельными словами, но и между частями простого предложения:

Противоположность была в том, что для театральной игры главное – действие, *а* для игры поэтической – состояние.

(Гаспаров, с.141)

У ребенка это выражено откровенно, *а* у взрослого глубоко спрятано.

(Соколов, с.26)

В приведенных примерах противопоставляются не только ключевые слова (*действие – состояние, ребенка – взрослого*), но и полностью части простых предложений, в которые они входят.

Посредством союза *а* нередко могут быть противопоставлены друг другу части сложносочиненных предложений:

Конечно, предварительно уже нужно понимать, что *серп есть серп, а молот есть молот.*

(Лосев, 253)

Церковь Христова неизменна и не должна ни в чем изменяться, *а вот люди меняются* – и в одну и в другую сторону.

(Архиеп. Аверкий, с.13)

Однако союз *а* используется для выражения отношений противоположности не только в рамках одного предложения. Интересные особенности имеет использование этого союза для выражения данных отношений между самостоятельными предложениями:

У нас есть крыша над головой и паек, скучный, но все же доходящий до каждого. *А* во времянке вместо крыши – небо, откуда почти непрерывно льет дождь и падает мокрый снег.

(Соколов, с.50)

В этот раз на меня взглянула смерть. Не суматошная, а значит легкая, в пылу стрельбы, беготни, криков, да еще на людях. *А* холодная и бездушная смерть клопа, которого просто давят ногтем.

(Соколов, с.71)

Ведь жизнь есть прежде всего некоего рода сплошная текучесть. *А* неподвижный образ, будь то образ архитектурный, скульптурный или живописный, все же является нам в виде какой-то устойчивости и неподвижности.

(Лосев, с.325)

Если в первом примере мы еще можем говорить о предложениях достаточно заключенных и оформленных, то в двух последних примерах второе предложение по сути является парцеллированной частью первого, содержание высказывание реализовано не в одной, а в двух интонационно-смысовых единицах, за разделительной паузой между которыми следует союз *а*.

Подобное употребление данного союза выходит за рамки собственно грамматических отношений и затрагивает область стилистики, позволяя усилить смысловые и экспрессивные оттенки значений.

Таким образом, можно сказать, что посредством союза *а* в отношения противоположности могут вступать различные единицы речи, начиная с отдельных слов и заканчивая фрагментами текста. Это свидетельствует о том, что как средство выражения противоположности в русском языке союз *а* играет, несомненно, важную роль.

Буслаев Ф.И. Историческая грамматика. М., 1959.

Кручинина И.Н. Структура и функции сочинительной связи в русском языке. М., 1988.

Источники материала

Архиеп. Аверкий. Современность в свете Слова Божия. Слова и речи. Т. IV. СПб., 1995.

Гаспаров М.Л. О русской поэзии: Анализы, интерпретации, характеристики. СПб., 2001.

Ильин И.А. Одинокий художник. М., 1993.

Лосев А.Ф. Философия. Мифология. Культура. М., 1991.

Соколов Б.Н. В плену. СПб., 2000.

Чуковский Н.К. Литературные воспоминания. М., 1989.

М.Ю.Казак
Белгород

Исследование глубины деривационного процесса

Характерной особенностью русского слова (корня) является его пошаговое осложнение морфемами по мере удаления от исходного мотивирующего слова. Процесс взаимодействия производящих и производных единиц, строящийся на отношениях последовательной выводимости одного слова (основы) из другого слова (основы), отражает глубину деривационного механизма и, в конечном счете, структурные и семантические границы, пределы тех или иных классов слов. Инструментом измерения глубины словообразовательного процесса выступают словообразовательные цепи (СЦ).

СЦ является одной из форм организации и обобщения отношений однокоренных слов, отражающих ступенчатый характер русского словообразования. Как объект научного изучения словообразовательные цепи являются относительно новым понятием в дериватологии - статус и место СЦ в кругу словообразовательных единиц остается до конца не решенным. Так, по одной из достаточно устоявшихся точек зрения, словообразовательная цепь, вместе со словообразовательной парадигмой, рассматривается в ряду комплексных единиц словообразования и относится к конструктивным составляющим словообразовательного гнезда (Е.А. Земская, П.А. Соболева, А.Н. Тихонов, А.Г. Лыков и др.). Отнесение цепей к синтагматическим единицам, демонстрирующим отношения последовательной производности, является более дискуссионным вопросом. Действительно, формальное развертывание корня путем последовательного присоединения к нему все новых аффиксов позволяет исследовать внутрисловные сцепления морфем на уровне типовых цепей, однако такой же материал для наблюдений дают и словообразовательные парадигмы, отражающие отношения кодеривации. По-видимому, мнение А.И. Моисеева о том, что как цепи, так и парадигмы в словообразовательном гнезде отражают парадигматические отношения, а синтагматике соответствует само производное как объединение морфем, ближе к истине.

Рассматривая словообразовательное гнездо как гиперпарадигму, отражающую вариативность исходного слова на вертикальной и горизонтальной осях, мы относим СЦ к единицам парадигмальным,

организующим и отражающим своей организацией системные словообразовательные отношения в русском языке.

В статье представлен фрагмент общей проблемы, связанной с изучением действия словообразовательного механизма в перспективно-глубинном аспекте – от производящих слов, представляющих номинативные классы, к их производным, реализующимся на всех возможных для русского слова ступенях. Материалом для наблюдений выступают глаголы – непроизводные и отыменные. Только глагол способен к долгой деривационной «жизни» в цепи, ср. максимальные цепи глагола $\Gamma\Gamma_1\Gamma_2\Gamma_3\Gamma_4\Gamma_5^2$ (*вести* → *водить* → *проводить* → *препроводить* → *препровождать* → *препровождаться*), существительного $CC_1C_2C_3C_4$ (*рука* → *рукоять* → *рукоятка* → *рукоятчик* → *рукоятница*), прилагательного PP_1P_2 (*черный* → *черноватый* → *черноватенький*). Объем любого неглагольного гнезда определяется наличием в нем глагола активного действия, способного к соединению с префиксами и постфиксами и формирующего в составе именных гнезд мощные микрогнезда с разветвленной структурой. Производные глаголы не утрачивают порождающих способностей и продолжают участвовать в словообразовательном процессе, образуя в свою очередь активные дериваты – глаголы, существительные и прилагательные. Ср. максимальные цепи, демонстрирующие внутриглагольное словообразование от непроизводных глаголов – $\Gamma\Gamma_1\Gamma_2\Gamma_3\Gamma_4\Gamma_5$ (*вести* → *водить* → *проводить* → *выпроводить* → *выпроводиться* → *выпровоживаться*), существительных – $CG_1G_2G_3G_4G_5$ (*голос* → *гласить* → *возгласить* → *провозгласить* → *провозглашать* → *провозглашаться*), прилагательных – $PG_1G_2G_3G_4G_5$ (*крепкий* → *крепить* → *закрепить* → *перезакрепить* → *перезакреплять* → *перезакрепляться*).

Известно, что аффиксальное словообразование глагола тесно переплетается с видо- и залогообразованием, и попытка размежевать эти явления в СЦ обречена на неуспех. В соответствии с теоретическими установками А.Н. Тихонова, вид и залог относятся к грамматике, однако как автор «Словообразовательного словаря» ученый был вынужден отразить в словообразовательных гнездах процессы глагольного формо- и словообразования в неразрывной связи.

² Буква указывает на часть речи: С – существительное, П – прилагательное, Г – глагол; цифра внизу справа – на порядковый номер ступени словообразования.

На этапе образования глаголов от имен значимым оказывается целый ряд требований – принадлежность прилагательных к разряду качественных, их способность выступать в роли предиката, прямая денотативная отнесенность; принадлежность существительных к конкретным/абстрактным словам, актантная позиция при глаголе (М.Н. Янценецкая, Л.Б. Парубченко), однако во внутриглагольном словообразовании начинают работать общие закономерности.

Анализ представительного корпуса цепей с исходными глаголами, существительными и прилагательными позволяет говорить о наиболее частотных комбинациях способов словообразования, которые отражают типовую динамику «расширения» глагола. В цепях с исходными глаголами это **префиксация – суффиксация – постфиксация** ($\Gamma\Gamma_1\Gamma_2\Gamma_3$): *строить* → *до-строить* → *достра-ива-ть* → *достраивать-ся* и *строить* → *до-строить* → *достроить-ся* → *достра-ива-ться* (последние звенья отражают множественность мотивации). Цепи такого состава характерны для глаголов различных семантических групп и составляют более 50% от всех формируемых глагольных последовательностей. Другая частотная комбинация: **префиксально-суффиксальный способ – суффиксация – постфиксация**: *стрелять* → *за-стрел-и-ть* → *застрел-ива-ть* → *застреливать-ся* и *стрелять* → *за-стрел-и-ть* → *застрелить-ся* → *застрел-ива-ться* (множественность мотивации на последних звеньях).

В цепях из четырех звеньев ($\Gamma\Gamma_1\Gamma_2\Gamma_3\Gamma_4$) частотны следующие комбинации: **суффиксация - префиксация - суффиксация - постфиксация** (третья и четвертая ступени связаны с множественностью мотивации): *нести* → *носить* → *вы'носить* → *вынашивать* → *вынашиваться*. Такие последовательности уже избирательно связаны с реализуемым на первой ступени словообразовательным значением – это кратные глаголы движения, однократные глаголы с суффиксом *-ну-* (*метать* → *метнуть* → *вметнуть* → *вметывать* → *вметываться*), каузативы с суффиксом *-и₂-* (*пить* → *поить* → *вспоить* → *вспаивать* → *вспаиваться*), глагол *бросить*, видовая пара от *бросать*³ (*бросать* → *бросить* → *вбросить* → *вбрасывать* → *вбрасываться*).

Типовая динамика именного глагола манифестируется цепями из трех и четырех звеньев. В СЦ СГ₁Г₂Г₃ и ПГ₁Г₂Г₃ активны комбинации **префиксально-суффиксального - суффиксального – постфиксаль-**

³ Ср. обратные отношения *бросить* > *бросать*, представленные в «Русской грамматике» (М., 1980).

ного способов: *форма* → *о-форм-и-ть* → *оформл-я-ть* → *оформлять-ся*, *тонкий* → *истончить* → *истонч-а-ть* → *истончаться* (на последних двух ступенях – множественность мотиваций). Четырехзвенные цепи $\text{СГ}_1\text{Г}_2\text{Г}_3\text{Г}_4$ и $\text{П}_1\text{Г}_2\text{Г}_3\text{Г}_4$ демонстрируют «развертку» глагола в виде **суффиксации – префиксации – суффиксации – постфиксации**: *груз* → *груз-и-ть* → *вы-грузить* → *выгруж-а-ть* → *выгружать-ся*, *чистый* → *чист-и-ть* → *за-чистить* → *зачищ-а-ть* → *зачищать-ся* (третья и четвертая ступени отражают множественность мотиваций).

Таким образом, беспрефиксный глагол проходит этапы префиксации (в чистом виде и в соединении с суффиксом), вторичной имперфективации и постфиксации. Это типовая модель русского глагола. Безусловно, в СЦ разной протяженности и состава реализуются и другие комбинации способов, достаточно частотные и характерные для глагола, однако здесь мы говорим о наиболее типичном развертывании русского глагола.

Движение глагола в цепи происходит вправо – при помощи прибавления префиксов, и влево – путем суффиксации и постфиксации. Глагол может включать до трех префиксов (*по-раз-узнать*, *по-при-за-думаться*, *по-при-у-тихнуть*, см. пример И.С. Улуханова: *по-на-вы-дергивать*; примеры И.Г. Милославского с возможным третьим префиксом *на-*: *на-раз-у-знавать* и теоретически возможными четырехприставочными глаголами типа *по-на-раз-узнавать*); глагол может проходить в цепи через три суффиксальных способа (ср. единичную цепь из нашего материала: *катить* → *кат-а-ть* → *кат-ну-ть* → *вкатнуть* → *вкат-ыва-ть*), которые обычно не оставляют «следов» в структуре глагола, вследствие регулярного отсечения суффиксов. Крайне редко в исходной форме глагола соседствуют классный показатель и суффикс типа *кашлять* → *кашл-я-нуть-ть* (в расчет не принимается суффикс-окончание инфинитива).

Квантитативные показатели свидетельствуют, что первый шаг редко оказывается конечным, тупиковым для глагола (от 12% до 18% в гнездах с исходными глаголами и именами). В глагольных и именных гнездах это маркированная, малочастотная, периферийная лексика (*личить*, *устар.*, *паровать*, *обл.*, *холодовать*, *прост.*, *богатить*, *устар.*, *хитровать*, *прост.*). Конечной первая ступень выступает для префиксально-суффиксально-постфиксальных образований, которые структурно себя исчерпывают: *прохаживаться*, *заговариваться*, *запоздниться*, *остеклениваться* (однако *пересмехаться* → *пересмехнуться*, *прищениваться* → *прищениваться*). Тупиковыми выступают стабильно те типы глаголов, которые не способны к

вторичной имперфективации и/или постфиксации: это значения многократности (*хаживать*), начала (*занести* 'начать говорить вздор', *зазвучать*, *полить* 'начать лить', *взговорить*, *вострубить*, *устар.*), ограничения действия (*покидать* некоторое время, *позвучать*, *пропить* лекарство, *передневать*), окончания (*откидать* 'кончить кидать'), слабой интенсивности (*попечатать*, *подледенеть*, *похаживать*), высокой интенсивности (*доучиться*, *наплиться*) и др.

Словообразовательное пространство во внутриглагольной деривации – локативные, темпоральные, квантитативные, субъектно-объектные, результативные значения - в разной степени осваивается глаголами вербального и именного происхождения. Так, именные глаголы практически не образуют однократных и многократных глаголов (ср. отдельные образования в кругу десубстантивных глаголов – *газануть*, *голоснуть*, *кашивать*), в составе деадъективных глаголов представлены лишь локативные оттенки (*закрепить*).

Сочетаемость глагола с приставками определяется соотнесенностью мотивирующей семантики с осью времени - с аспектологотемпоральным признаком (Н.Б. Лебедева). Значения префиксов реализуются в десубстантивных глаголах, мотивированных конкретными существительными, достаточно активно: **локативное значение** - действие, направленное внутрь (*в克莱ить*), на поверхность (*закрасить*), на все стороны предмета (*окосить* куст), на часть предмета (*надкосить* луг сверху), под предмет (*подклеить* надпись под картиной), сквозь предмет (*прокосить* полосу в клевере), на дополнительное увеличение предмета (*надклеить*), присоединение к чему-либо (*при克莱ить*), соединение нескольких предметов (*склеить*), отделение (*отклеить*, *откосить* межу), разъединение (*расклеить*); **квантитативное** - тщательность или интенсивность (*прокрасить*, *вымаслить*), высокая интенсивность (*накоситься* за неделю), большая, нежели у другого субъекта (*обкосить* кого-либо 'опередить в косьбе'), чрезмерная интенсивность (*перемаслить* слишком сильно), небольшая интенсивность (*помаслить* до некоторой степени, *подкрасить*), осуществить действие неполностью (*недокосить*); **темпоральное** – начало (*закосить* траву), охват действием какого-л. промежутка времени (*покрасить* некоторое время, *проклеить* до вечера марки), доведение действия до определенного времененного предела (*докрасить*, *докосить* до канавы), окончание (*открасить*, *откоситься*), вторичное действие (*перекрасить* заново), дополнительное (*подклеить* несколько марок), попперменность в сочетании с небольшой интенсивностью (*покашивать* время от времени), **результативное** – общерезультативное (*выкрасить*, *намаслить* (разг.), *скосить* траву) и

специально-результативное – уничтожение, израсходование (*искрасить*), доведение до какого-либо состояния (*докоситься до мозолей*), **субъектно-объектное** – многократность и поочередность действия (*перекрасить* все или многое, *перекосить* все луга), постепенное накопление объектов (*накосить* травы) и др.

В деадъективных глаголах и лексемах, мотивированных не конкретными существительными, сохраняются лишь оттенки локативных значений (*вморозить*, *приморозить* бороду к вожжам, *сморозить* ресницы). Каузативные глаголы на *-и(ть)* сочетаются с общерезультативным (*погеленить*, *охладить*), квантитативным (*выхолодить*, *иззеленить*, *изморозить*, *нахолодить*, *переполнить*, *проморозить*), темпоральным (*повеселить*, *поморозить*, *перебелить*), специально-результативным (*отморозить* конечности, *обморозить* руки, *разморозить* мясо), субъектно-объектным (*перебелить* все, *наморозить* пельменей, *переморозить* рассаду) значениями. В непереходных глаголах словообразовательное пространство становится еще ограниченнее, так, в экспозитивах представлено лишь значение начинательности: *зеленеть* → *зазеленеть*.

В цепях находит отражение способность приставочного глагола к объединению со второй и (редко) третьей приставкой. Вторичная префиксация ограничивается количественно-временными значениями, самыми частотными из них выступают приставки *по-* (*поразвеселить* немного, *понастроить* домов), *при-* (*принагнуть* слегка, *призатихнуть* на некоторое время), *под-* (*подзаработать* дополнительно), *пере-* (*перезаписать* вновь, *переохладить* чрезмерно), *на-* (*наоткрывать* в большом количестве), *раз-* (*разуверить* – аннулировать результат, *разузнать* в подробностях). Другие префиксы в позиции второй приставки встречаются в единичных примерах (*изубрать*, *обустраивать*, *спосылать*, *недовырабатывать*, *недооценить*, *предуготовлять*). В цепях, включающих три префикса, обращает на себя внимание тот факт, что вторые и третьи приставки слабо семантичны и лишь незначительно модифицируют производящее слово, к примеру, *тихий* → *тихнуть* (становиться тише, слабее) → *утихнуть* (сов. в.) → *приутихнуть* ('стать тише, утихнуть') → *поприутихнуть* (разг., 'приутихнуть немного, несколько, постепенно').

Постфиксация в глаголах не на завершающих звеньях цепи также ограничивает круг префиксов и их значений. Обычно это приставки *за-* и *по-* в начинательном значении (*золото* → *золотить* → *золотиться* → *зазолотиться*, также *засветиться*, *завертеться*, *закуситься*; *политься*, *посыпаться*), *по-* и *про-* в значении

ограничения действия во времени (*печать* → *печатать* → *печататься* → *попечататься*, также *покреститься* некоторое время, *покружиться*, *пропариться* целый час, *прокружиться* вальсе весь вечер). Отмечается также префикс *на-* (*насоветоваться* вдоволь, *наволочиться*, *насудиться*). Безусловно, запрета на появление других префиксов и значений нет (ср. *закатиться* за кровать, *запариться* до смерти), однако они появляются очень редко, и присоединение постфикса к глаголу, как правило, завершает порождающий процесс.

В цепях максимальной протяженности (на пяти ступенях) обычно реализуются на смежных ступенях или через ступень два префиксальных способа: *вести* → *водить* → *проводить* → *сопроводить* → *сопровождать* → *сопровождаться*; *холод* → *холодить* → *охладить* → *переохладить* → *переохлаждать* → *переохлаждаться*; *готовый* → *готовить* → *подготовить* → *переподготовить* → *переподготовиться* → *переподготовляться*. Эти цепи дают интересный материал для наблюдений. Здесь могут складываться прозрачные, выводимые отношения, когда дериваты конечных звеньев получают словообразовательные перифразы через свой исход, ср. *бодрый* → *бодрить* → *ободрить* → *приободрить* → *приободриться* → *приободряться*, т.е. 'становиться бодрым'.

Однако взаимосвязи между словами в цепи могут быть достаточно сложными, когда общность между исходом и конечными звеньями строится на вторичных и переносных значениях, как в цепи *мутный* → *мутить* → *смутить* → *смутиться* → *смузгаться* → *засмузгаться*. Здесь происходит смещение отношений вследствие того, что устаревают первые значения (*мутить* - *смутить* народ 'вызвать мятеж'), у дериватов развиваются собственные значения (*смутить* пристальным взглядом), которые и выступают ведущими в последующих мотивациях (*засмузгаться*). Аналогичный сбой наблюдается в цепи *тесный* → *теснить* → *стеснить* → *стеснить* → *стесняться* → *застесняться* - глагол *стесняться* развивает собственное значение ('испытывать чувство неловкости, застенчивости'), которое получает развитие в приставочных глаголах *застесняться* и *постесняться*. Такие словообразовательные цепи отражают ростки будущего, зарождение в недрах синхронии новых структур, будущих этимологий.

В целом же динамика словообразовательного процесса в цепи организуется двумя обратно пропорциональными силами: формальным осложнением производящей основы (корня) по мере удаления от исхода и сужением семантического пространства, выхолащиванием семантической структуры исходного мотивиру-

ющего слова, поскольку конечные дериваты в протяженных цепях наследуют одно значение (чаще первичное) и сами, как правило, являются однозначными.

В заключение следует отметить, что глагол по всем показателям (количественным и качественным) занимает важное место в словообразовательной подсистеме русского языка. Глагол образует в вербальных и именных словообразовательных гнездах системные участки, его продвижение по цепи (до V ступени) структурирует и организует всю девербальную лексику в типовые модели и схемы.

И. Г. Кожевникова

Семантический способ образования специальных номинаций в русской спортивной лексике

Одним из способов создания терминологических номинаций является семантическое словообразование.

В настоящий момент семантическое переосмысление слов общенационального языка для нужд профессиональных субъязыков сохраняет продуктивность, т.к. с его помощью удовлетворяются возрастающие потребности в номинации новых понятий. Например: *вилка* – бросок мяча в бейсболе с хватом мяча указательным и средним пальцами; *ключ* – разновидность захвата, при котором борец, находясь сзади-сбоку противника, захватывает его одноименное плечо сгибом локтя, накладывает кисть на спину, одновременно прижимая плечо захваченной руки к своему боку; *кошка* – якорь с 4-6 жесткими лапами, расположенными в виде опрокинутого зонта.

Использование семантической деривации для нужд профессиональных подъязыков связано, прежде всего, с теми характерными чертами, которыми обладают образованные с помощью данного способа номинативные единицы: краткость термина, связь с национальным языком и легкость запоминания.

Как правило, при помощи семантического способа создавались специальные номинации конкретного значения, в которых перенос наименования основан на внешнем сходстве предметов или явлений. В настоящий момент, как отмечают ряд авторов (В.П. Даниленко, И.Н. Волкова, Л.А. Морозова, Н.В. Новикова), семантическая деривация стала все чаще использоваться и при формировании терминов с

отвлеченным значением, что отражает более абстрактный уровень общественного мышления.

В спортивной лексике нами выявлено 98 терминологических наименований, зафиксированных в специальных словарях и образованных путем семантической деривации. Например: *козел* – вспомогательный гимнастический снаряд для обучения опорным прыжкам и махам; *камин* – широкая, вмещающая в себя альпиниста расщелина в скале, идущая вертикально или наклонно; *забор* – препятствие в конноспортивных соревнованиях и др.

В ЛФП *СПОРТ* специальные номинации, образованные способом семантической деривации, отмечены преимущественно в двух тематических группах: 1. *Техническое оборудование* и 2. *Наименования технических приемов и элементов*.

В первую тематическую группу *Техническое оборудование* вошли следующие специальные наименования:

беседка – доска, подвешиваемая на судне за четыре угла, для работ на мачте или за бортом;

мешок – специальное тренировочное приспособление у боксеров для отработки ударов;

гнездо – особое устройство для хранения весел в гребном спорте;

крыло – техническая деталь велосипеда;

гриб – техническая деталь на рукоятке пистолета;

головка – техническое приспособление на эфесе;

утка – специальный крепитель паруса;

раковина – защитное приспособление у борцов;

шпилька – специальные ворота, поставленные в определенном порядке в слаломе;

чашка – передняя или задняя стойка конька;

лапа – нижняя часть якоря, тренировочное приспособление в боксе;

барашек – название гайки;

домик – стартовая точка в санном спорте;

серп – стяжка уключины в лодке и др.

В первую тематическую группу вошли 52 специальных наименования.

Во вторую тематическую группу *Наименования технических приемов и элементов* вошли следующие лексические единицы:

замок – соединение борцом своих рук, когда одна рука захватывает предплечье или кисть другой руки снаружи (со стороны мизинца);

ласточка – равновесие в гимнастике, упражнение в вольтижировке;

крюк – микроэлемент обязательной фигуры, также поворот в произвольном фигурном катании на коньках;

коробочка – прием тактической борьбы в велоспорте;

яйцо – наиболее рациональная стойка горнолыжника;

вертушка – элемент художественной гимнастики;

солнце – большой оборот в спортивной гимнастике;

клещи – элемент захвата в спортивной борьбе;

щука – полуоборот согнувшись в прыжках в воду;

лесенка – технический прием подъема на гору в лыжном спорте;

свеча – высокий мяч в теннисе, волейболе;

петля – элемент фигурного катания;

цепочка – технический прием езды в велоспорте и др.

Во вторую тематическую группу вошли 46 специальных наименований. Данным способом образовано 0,38% специальных номинаций от общего количества исследованных лексических единиц.

Е.В.Курасова

Метафорический перенос при образовании семантических неологизмов

(ЛСГ «Компьютерные технологии» в русском языке)

Семантические неологизмы ЛСГ «Компьютерные технологии», возникшие в результате метафоризации, по своей стилистической окраске неоднородны. Преобладают прежде всего новые терминологические и новые жаргонные значения.

Наиболее яркой особенностью образования семантических дериватов, представляющих собой терминологизированные лексемы, является взаимодействие двух семантических процессов – метафоризации и сужения значения. Наличие ассоциативно-образной основы, а также сходство функциональной значимости дают возможность определять многие новые термины в рассматриваемой сфере как результат метафорического переноса. Изменение семантического объема слова в направлении род - вид свидетельствует о сопровождающем метафорический перенос процессе сужения значения. Ср., например: накопитель – «устройство, позволяющее накапливать что-либо» и накопитель – «внешняя память компьютера для длительного хранения информации», дорожка – «место, по которому надо пройти или проехать, путь следования» и

дорожка - «последовательность битов, записанных на диск за один полный его оборот», журнал – «книга, для периодической записи наблюдений, событий и т.п.» и журнал - «файл (набор файлов), используемый операционной системой, программой для сбора и учета статистической информации о происходящих в ней событиях», библиотека – «учреждение, собирающее и хранящее произведения печати» и библиотека - «специальным образом организованный набор данных, содержащий информацию, каждый элемент которой может быть извлечен по имени», помощь – «содействие кому-нибудь в чем-нибудь, участие в чем-нибудь, приносящее облегчение» и помощь – «функциональная часть программного обеспечения, использующаяся для вывода на экран дисплея подсказок, объяснений для пользователя компьютера» и др.

Известно, что появление новых значений слов и заимствование не отдельные, а параллельно происходящие процессы, которые оказываются часто связанными между собой. Как показывают исследования, появление новых метафоризированных семем терминологической лексики в некоторых случаях может быть обусловлено процессом семантического калькирования. Например, архив (из англ. *archive*) – «данные, хранящиеся на диске в сжатом виде», буфер (из англ. *buffer*) – «область памяти компьютера, предназначенная для временного хранения данных при их передаче между устройствами», архитектура (из англ. *architecture*) – «совокупность основных устройств, узлов и блоков компьютера и микропроцессора и связи между ними», ресурсы (из англ. *resource*) – «средства вычислительной системы, выделенные процессу обработки данных» и др. Вероятно, и в русском языке произошло бы развитие подобных новых семем, поскольку, как видно из примеров, данная лексика является интернациональной. Однако новое переносное значение формируется в языке-источнике (в английском языке), что отражают данные словарных статей (Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения, 1998; Мой компьютер. Толковый словарь, 2003 и др.). Подобный способ появления нового значения обусловлен действием экстралингвистического фактора: именно на Западе активно работает рынок компьютерных технологий.

Следует отметить, что поскольку при формировании терминологических значений реализуется потребность номинации новых явлений, возникших в объективной действительности, а следовательно, актуализируется номинативная функция, то подобные семантические неологизмы представляют собой одну из разновидностей метафоры: номинативную метафору. В большинстве

случаев метафорическая номинация реализуется на основе одного из типов переносов, связанного с регулярным соотношением денотатов: ПРЕДМЕТ-ПРЕДМЕТ. Например: брандмауэр - «огнестойкая стена, разделяющая смежные строения в противопожарных целях», новое метафорическое значение – «программные или аппаратные средства, используемые для защиты»; журнал - «книга для периодической записи событий», новое метафорическое значение – «файл, используемый для сбора и учета статистической информации»; шина - «обруч, надеваемый на обод колеса», новое метафорическое значение - «многопроводный кабель, обеспечивающий обмен данными между устройствами компьютера» и др.

Как отмечают многие исследователи, не менее трети жаргонизмов в языке обычно возникает как производные переносные значения слов, основные значения которых являются литературными. Главным механизмом образования новых жаргонных значений лексем ЛСГ «Компьютерные технологии» в русском языке новейшего времени является метафора. Проведенные нами исследования позволяют утверждать, что номинативность многих жаргонных по происхождению метафоризованных лексических единиц в названной ЛСГ оказывается смещенной на второй план, так как приоритетным при новой номинации становится апелляция к чувствам человека, выражение отношения человека к объекту действительности. Отмеченное обстоятельство обуславливает актуализацию экспрессивной функции метафоры, что поддерживается стилистическим статусом лексем. Наблюдения показывают, что развитие значений происходит чаще всего по типу метафорического переноса, связанного с регулярным соотношением денотатов: ПРЕДМЕТ - ПРЕДМЕТ, в частности «НЕМЕХАНИЗМ-МЕХАНИЗМ». Ср., например: железо (лит.) - «серебристо-белый металл» и железо (жарг.) - «аппаратные средства компьютера», педаль (лит.) - «ножной рычаг» и педаль (жарг.) - «клавиатура», ведро (лит.) - «сосуд цилиндрической формы для жидкости, сыпучего» и ведро (жарг.) - «системный блок» и др. Подобная модель метафорического переноса подчинена, на наш взгляд, общей цели создания жаргонизмов: снижение статуса того, о чем идет речь. Называя электронное устройство именем примитивного предмета и т.п., говорящий тем самым выражает их более низкую оценку. Как известно, экспрессивные метафоры чаще возникают при актуализации коннотативных компонентов значения. Например, на основе коннотативных признаков сформировалось новое значение у лексем: *ботва*

(ненужные символы), *дрозофилы* (программа для заражения вирусом), *мусор* (помехи в сети), *блоха* (сбой, ошибка в программе) и др.

Высокая продуктивность метафорического переноса как способа образования жаргона приводит к тому, что некоторые другие, менее продуктивные способы, маскируются под него. Например, слово *хомяк* – «домашняя страница, т.е. начальная страница web-сайта, несущая представительскую и навигационную нагрузку» появилось в русском языке в результате некоторого фонетического соответствия английскому *home page* (паронимическая аттракция). Однако в русском языке существует слово *хомяк* со значением “грызун, живущий в норах и собирающий большие запасы в защечных мешках”. Благодаря этому лексема *хомяк* обрастает коннотацией: то, где можно найти многое необходимого. В то же время у известного литературного слова *хомяк* есть компоненты значения, позволяющие переосмыслить жаргонное значение как производное от него.

Как показывают исследования, процесс современной метафорической номинации представляет собой регулярные типы соотношения денотатов, а также устойчивый механизм образования новых лексических единиц. Кроме того, метафорический перенос как наиболее продуктивный и универсальный способ образования семантических неологизмов ЛСГ «Компьютерные технологии» (как терминологических, так и жаргонных значений) может сопровождаться другими, менее продуктивными, процессами.

В.В. Поталуй

Семантика единиц лексико-фразеологического поля “Наименования руководителей”

Проведенный компонентный анализ значений исследуемых единиц позволил выделить в рамках данного поля 481 семему и 25 дифференциальных семантических признаков, из которых 21 являются денотативными и 4 – коннотативными.

Основные денотативные различия наблюдаются по следующим семам:

наличие сферы руководства – 82 % (*военачальник, губернатор, архиепископ, худрук*)

отсутствие сферы руководства – 18 % (*руководитель, начальник, глава*);

мужской пол – 37 % (*царь, господин, хозяин, домоправитель*)

женский пол – 12 % (*руководительница, председательша, шефня*)
 недифференцированный – 51 % (*руководитель, глава, монарх*);
 официальный тип руководства – 53 % (*премьер-министр, генпрокурор*)
 неофициальный – 12 % (*вожак, предводитель, верховод*)
 недифференцированный – 35 %;
 высокопоставленный – 41 % (*большой начальник, иерарх, министр*)
 невысокий уровень руководства – 29 % (*прораб, староста*)
 недифференцированный – 30 %;
 назначаемый – 33 % (*управляющий, менеджер*)
 выбираемый – 11 % (*президент, мэр губернатор*)
 наследный – 9 % (*император, монарх*)
 стихийный – 8 % (*главарь, атаман*)
 недифференцированный – 39 %;
 характерность для России – 13 % (*царь, нарком*)
 характерность для зарубежной действительности – 7 % (*дож, султан*);
 безотносительно к объекту руководства – 28 % (*заведующий, управляющий*)
 конкретный объект руководства – 72 % (*завмаг, завлаб, главврач*);
 - безотносительно к подчиненным – 97 % (*руководитель, глава, председатель*)
 по отношению к подчиненным – 3 % (*шеф, босс, хозяин*);
 авторитарный характер руководства – 2,5 % (*диктатор, тиран, деспот*)
 либеральный характер руководства – 0,8 % (*царь-батюшка, отец*)
 недифференцированный – 97 % ;
 неограниченная личная власть – 14 % (*автократ, самрап, самодержец*)
 ограниченная личная власть – 1 % (*президент, регент*)
 недифференцированный – 85 %;
 государственный служащий – 89 % (*министр, президент*)
 частный владелец – 3 % (*хозяин, работодатель, магнат*)
 недифференцированный – 8 %;
 активно действующий – 8 % (*вожак, верховод*)
 недифференцированный – 92 %;
 любит руководить – 3 % (*командиша, указчик*)
 недифференцированный – 97 % .

К коннотативным отличиям относятся следующие дифференциации:

по темпоральным семам -

современное – 63 % (*глава администрации, президент, начальник*);
 историческое и устаревшее – 32 % (*столоначальник, руковод, полицмейстер*);
 советское – 5 % (*парторг, генсек, завмаг*) (советизмы содержатся преимущественно в наименованиях политических руководителей и руководителей детских и молодежных организаций);
 по функционально-стилистическим семам –
 мажистилевое – 50 % (*руководитель, начальник, глава*);
 высокое – 7 % (*властитель, повелитель, владыка, полководец*);
 книжное – 3,5 % (*автократ, сатрап, потенитат*);
 официально-деловое – 3,5 % (*Председатель Совета Министров СССР*);
 разговорное – 29 % (*шеф, босс, патрон, гендиректор, комдив, главреж*);
 просторечное – 4 % (*председательша, сам*);
 традиционно-народное – 1 % (*царь-батюшка, царица-матушка*);
 жаргонное – 2 % (*пана, бугор, пахан*);
 по оценочным семам –
 одобрительное – 1,5 % (*отец, учитель*);
 неодобрительное – 10 % (*тиран, деспот*)
 неоценочное – 88,5 %;
 по эмоционально-экспрессивным семам
 положительно-эмоциональные – 2 % (*офицерик, батя*);
 отрицательно-эмоциональные – 5,5 % (*князек, старостишка, начальничек*);
 неэмоциональные – 87,5 % .

Таким образом, в данном лексико-фразеологическом поле преобладают наименования официальных, находящихся на государственной службе, высокопоставленных руководителей в различных сферах, руководящих конкретными объектами. В коннотативном макрокомпоненте преобладают современные, мажистильевые неоценочные и неэмоциональные семы. Однако необходимо отметить довольно большой объем разговорной лексики (в целом 36 %), что свидетельствует о достаточно высокой коммуникативной релевантности единиц данного поля, а также преобладание в эмоционально-оценочной лексике единиц с негативной окраской.

В. Н. Пугач
Борисоглебск

Образный план фразеологической семантики и пути его формирования

Появление в языке фразеологизмов - сложный мыслительный процесс: человек не просто воспринимает, сопоставляет и фиксирует в мозге факты действительности, а словно "фильтрует" их через языковое сознание. В результате образуется единица сложной фразеологической структуры, которая включает помимо денотативного значения образный план. Например, у фразеологизмов *вселенский шабаш* "о всеобщем волнении" и *накручивать ситуацию* "накалять страсти, поднимать ажиотаж" денотативные значения сходны. Ср.: "Правые" сами вбрасывают темы скандалов в общество, а потом устраивают *вселенский шабаш* вокруг них [Сов. Россия, 21.12.2000, с.3]; [Коммунистических регионов – В. П.] уже нет на самом деле. Остались какие-то политики, которые *накручивают ситуацию* [там же]. Однако у первого фразеологизма (в силу его образного плана) есть отличительная сема - "чрезмерный, демонический накал страстей", - которая определяет уместность именно этого фразеологизма в конкретной языковой ситуации.

Образный план во фразеологизмах чаще всего создается метафорическим переосмысливанием прямого словосочетания, как в единицах, приведенных выше, или, например, во фразеологических синонимах со значением "лишить инициативы, подчинить" - *заткнуть в скорлупу ореха* и *завернуть в [государственные] пеленки*. Выделяется ряд новых фразеологизмов, образованных метафоризацией профессиональных выражений: *с подачи* кого-либо "по инициативе кого-л.", *за кадром* "о чем-либо оставшемся не известным", *сделать пирует* "препринять какой-либо ход, например, в разговоре".

Создание образного плана фразеологизма на основе метонимии встречается редко. Из новообразований нами зафиксирован только один случай – *ножки Буша* "окорочка из Америки", где метонимия (Америка→ Буш) приводит к комическому эффекту.

Единичен также пример фразеологизма с образным планом - пословицей, из которой он выделился: *стелить соломку* "готовить что-либо, чтобы не пострадать" ← *Если б знал, где упасть, там бы соломку постелил.*

Встречаются фразеологизмы, образность которых возникает ввиду их аналогии с уже существующими, известными: *отцы города, труженики секс-бизнеса, лица русской национальности*.

К новому способу образования фразеологизмов можно отнести переосмысление свободных словосочетаний ввиду их использования в рекламе или в качестве названия телепередачи: *Судя по всему, в этой конфигурации будет присутствовать некая либеральная партия – либо СПС, либо "Яблоко", либо то и другое в одном флаконе* [Рос. вести, 24.07.2002, с.3]. Употребление слов из надоевшей всем рекламы в рассуждении о политике создает насмешливый тон высказывания. Аналогично: *В ходе "большой стирки" Питч обнаружила и другие пятна в белье президента* [Сов. Россия, 07.03.2002, с.4]. В последнем контексте негативную оценочность фразеологизма *большая стирка* определяет не столько *первичный* образ, соответствующий прямому значению его компонентов, сколько образ *вторичный* – ассоциация с популярной телепередачей, отличающейся скандальными сюжетами.

Г.Я.Селезнева

Жанры политической фразеологии

Политическая фразеология – достаточно обширный и неоднородный пласт языковых единиц. В нем можно выделить несколько групп, например, традиционную фразеологию и фразеологию, возникшую в речи современных политиков. Рассмотрим их подробнее.

1. **Традиционная (общенародная) фразеология** часто используется в речи политиков. Ее единицы могут быть употреблены без изменений, в устоявшейся словарной форме, например: Нам нужно *перевернуть эту страницу* (Б. Немцов о приватизации). Надо ограничить влияние *денежных мешков* на власть (Г. Явлинский). Политики могут вносить в традиционные ФЕ и разного рода изменения: лексические, семантические или лексико-семантические: Чубайс хочет сразу *сидеть на трех стульях*. Он должен выбрать одну табуретку (Д. Рогозин).

Политики пользуются разными по структуре и жанровой принадлежности традиционными ФЕ. Это могут быть как словосочетания, так и предложения. Многие фразеологизмы – словосочетания сильно идиоматичны, образны, экспрессивно и стилистически окрашены: ФСБ не должно *совать свой нос* в дела

мирных граждан (В.В. Путин). Предвыборная кампания *вышла на финишную прямую* (Г. Зюганов). «Яблоко» считает, что признание либеральных ценностей должно *идти рука об руку* с признанием социальных ценностей (Г. Явлинский).

Часто используются политиками пословицы и поговорки. Они могут быть приложимы к политическим реалиям в неизменной форме (*Лес рубят – щепки летят. Из молодых, да ранний. Нет дыма без огня. Мир не без добрых людей*) или перефразированы (*Был бы человек, а статья найдется. Из: Была бы шея, а хомут найдется*). Пословицы в речи политиков выступают как мифологемы, дают упрощенное и успокаивающее объяснение сложных политических реалий. Поговорки образно, иносказательно, метко и лаконично определяют какое - либо явление.

Нередки в речи политиков крылатые слова, фразы, афоризмы, пришедшие из определенного литературного или исторического источника. Это меткие изречения общественных деятелей, цитаты из произведений художественной литературы, образные выражения, получившие распространение благодаря присущей им яркости. Чубайс – *гигант мысли, отец русской демократии* (П.П. Бородин использует крылатые слова из «12 стульев» И. Ильфа и Е. Петрова).

Максимы и близкие к ним сентенции – это разновидности афоризма, представляющие собой изречения нравоучительного характера, кратко формулирующее логический или этический принцип, правило, нормы поведения. Они также встречаются в политической фразеологии. Политическая максима содержит обобщение некоторого политического опыта с точки зрения этических и стратегических принципов борьбы: *Чтобы строить, надо знать, чтобы знать, надо учиться (Сталин). Мы на идеологии не экономим (Суслов). Демократия – это не вседозволенность (М. Горбачев)*.

Иногда мы встречаем в речах политиков ссылки на прецедентные тексты. Точное знание их помогает найти убедительный аргумент в полемике. Так, на упрек политических противников: *СПС считает нас Шариковыми, а себя Швондерами, которые нами управляют*, - Б. Немцов реагирует следующим образом: - *Как известно, в Булгаковском «Собачьем сердце» Шариков и Швондер с одной стороны, а им противостоит профессор Преображенский*.

Прецедентные тексты часто используются в деформированном, приспособленном к текущему политическому моменту виде, например: *Да, будут схватки боевые! Да, говорят, еще какие! Еще узнает вся Россия Про «Блок Бородина»!*

Все описанные ФЕ могут использоваться в сфере политики как в выступлениях, так и в собственно политических жанрах, например, в лозунгах, девизах, названиях партий и блоков. Однако обычно в этих жанрах используются ФЕ, созданные именно для них и связанные с текущим моментом политической борьбы.

2. Фразеология, возникшая в политической сфере, включает в себя две подгруппы: ФЕ - термины и общественно-научные формулы и ФЕ нетерминологического характера.

ФЕ - термины называют реалии политической, социальной, экономической жизни. Это общественно-научные формулы, выполняющие номинативную функцию и являющиеся обычно единственными наименованиями реалий. Например: *президентская республика, гражданское примирение и согласие, верхняя, нижняя палата*. Для них характерны воспроизведимость, слабая степень устойчивости, принадлежность к книжным языковым средствам, малая образность (или ее отсутствие), нейтральность экспрессивно-эмоциональной окраски.

К ним примыкают возникшие в политической сфере общественно-научные формулы и формулировки, имеющие яркую оценочность, экспрессивность. Многие из них являются мифологемами и идеологемами. Например: *бездонные космополиты, идеологическая диверсия, развал СССР, бандитский капитализм, криминальная приватизация, перестроечный фарс*. Эти обороты широко используются в политической борьбе и служат мощным средством воздействия, средством привлечения масс на свою сторону, формирования у них определенной картины мира, навязывания своей точки зрения.

Среди **ФЕ нетерминологического характера**, возникших в политической сфере, выделяются: индексальные, или памятные фразы и ФЕ, служащие для формулировки принципов политической борьбы. Индексальные, или памятные фразы - это шутки, любимые выражения, речевые курьезы, запомнившиеся людям и ставшие в их сознании меткой, приметой данного политика. Обычно они не содержат глубокого суждения, не обобщают политический опыт, не выражают намерение, призыв или руководящую идею. Они отсылают к известному политическому тексту, знаковому политическому событию или к особенностям речи того или иного политика. Так, реплика Е.К. Лигачева: «Борис, ты не прав!» – отсылает к выступлению Б. Ельцина на 19 Всесоюзной партконференции в 1989 году, которое стало символом его политического бунтарства, перехода в оппозицию к компартии.

Памятные фразы становятся речевой характеристикой политика, по которой он легко опознается в дискурсе. Они либо часто повторяются (*Это однозначно*. Жириновский), либо представляют собой речевой курьез, который подхватывается публикой и журналистами и начинает активно цитироваться (*Лягу головой на рельсы, если цены будут повышены*. Б. Ельцин). Разновидность индексальной фразы - шутка. Она заранее планируется и используется политиком, чтобы показать его общность с народом: *Кто есть ху* (М. Горбачев).

По сути, памятные фразы - это современные крылатые слова и выражения, проходящие проверку временем. Например: *Процесс пошел* (М. Горбачев). *Хотели, как лучше, получилось, как всегда* (В.Черномырдин). *Берите суверенитета столько, сколько сможете взять* (Б. Н. Ельцин). *Мать русская, отец юрист* (В.Жириновский). *Мы – стильные политики* (И. Хакамада). *Мочить в сортире* (В.Путин).

Близка к индексальной фразе и фраза-символ – метка какого-либо политического события или ситуации. Например: *чемоданы Руцкого, лечь головой на рельсы*.

ФЕ, служащие для формулировки принципов политической борьбы - это заголовки, призывы, лозунги, девизы.

ФЕ - заголовки – это, например, названия партий, названия проектов, акций и т. д.: «Единая Россия», «СПС», ассоциация «Галерея Чижова», проект «Благополучие семьи – благополучие общества».

Призыв - это обращение, в краткой форме выражающее руководящую идею, политическое требование. Например: *«Товарищи! Пятилетку в четыре года!»* (из первомайских призывов)

Очень близки к призывам лозунги. Они тоже в краткой форме выражают руководящую задачу, идею, требование, но обычно не называют тех, к кому обращены: Наши лозунги просты: *Долой частную собственность, вся власть – народу, труд обязателен для всех!* Лозунги содержат побуждение к действию.

Программное заявление обычно более распространено. Это решительное по тону высказывание, сообщение, выражающее главную задачу политика или партии: *Моя программа–максимум – обогнать по уровню жизни европейские страны* (А. Болдырев). Это декларация намерений: *Война до победного конца!* (Из Воззвания Временного правительства в 1917 году)

Лозунг или призыв, легко запоминающийся и логично вытекающий из программы – слоган. Например: *Все у нас получится!*

Часто используют политики и девиз – краткое изречение или слова, в которых выражается руководящая идея деятельности или поведения кого-либо. Обычно в качестве девиза используются известные выражения – крылатые слова и фразы: *Не в силе Бог, а в правде* (А. Невский) – девиз А. Болдырева. Цель девиза – вдохновить, направить на достижение идеала. Девиз в отличие от лозунга не призывает к действию, а служит для усиления выражения чувств.

Иногда описанные выше жанры политической фразеологии носят недифференцированный характер. Заголовок, лозунг, девиз и программное заявление могут совпадать по форме или заданию. Так, «*Служить правде и справедливости!*» – это и девиз и программное заявление СПС.

Таким образом, в политике используются такие традиционные формы фразеологии, как собственно фразеологизмы, пословицы, поговорки, максимы, сентенции и афоризмы, крылатые слова и фразы, прецедентные тексты. Фразеологизмы, возникшие в политической сфере, представляют собой термины и общественно – политические формулы, лозунги, призывы, девизы, программные заявления, индексальные фразы и фразы-символы.

Многие из ФЕ, возникших в политической сфере, во время предвыборной кампании повторяются многократно. На короткое время они становятся известны всем, устойчивы, воспроизводимы, а стоит кампании закончиться и партии проиграть на выборах, как эти ФЕ забываются вместе с породившими их партиями и политиками.

Е.Г.Селезнева

Коммуникативные жесты и их отражение в русской фразеологии

Исследователи отмечают, что разные культуры именно в феномене человеческого тела находят формы своего осуществления и тогда тело как природная физическая материя превращается в тело как носителя атрибутов культуры. Этот процесс в семиотике называют окультурированием тела (А.Д.Козеренко, Г. Е. Крейдлин), и он находит яркое воплощение во фразеологии.

Предметом нашего исследования являются жесты, сопровождающие речь человека (коммуникативные жесты), и фразеологизмы, их называющие.

Согласно определению, жест – это телодвижение, преимущественно движение рукой, сопровождающее речь для усиления ее выразительности и имеющее значение какого-нибудь сигнала, знака и т.п. (А.П. Евгеньева, т. 1, с.479).

Однако существуют такие случаи, когда жесты используются или могут использоваться без сопровождения слов, как единственный знак. Это возможно, когда слова не воспринимаются адресатом из-за особенностей ситуации (дальность расстояния, шум, социальные условности и т.д.): *махать руками (для привлечения внимания), поднять руку (на уроке, на дороге)*.

Но основная функция жестов как невербальных средств общения – сопровождать вербальное средство общения – речь. Жесты усиливают выразительность слов, уточняют их, способствуют лучшему восприятию речи. В процессе общения идет корреляция двух знаковых систем - вербальной и невербальной.

Что касается знаковой функции жеста, то она состоит в том, что он в закодированном (свернутом) виде передает адресату определенную информацию, причем обширная информация в жесте заключена в компактную форму. Из-за частой повторяемости жестов и важности передаваемой ими информации их названия закрепились в языке в виде различных более или менее устойчивых сочетаний. Некоторые из этих сочетаний, переосмысливаясь, начинают употребляться в переносном значении, то есть становятся фразеологизмами.

Так, жест, при котором человек энергично трет ладони друг о друга, является знаком радости, удовлетворенности чем-либо или злорадства и закрепляется в УС “**потирать / потереть руки**”.

Например: Рослый голубоглазый Скавронский **потирал** радостно **руки** и бормотал: - Так, так, так... Давай! Истинный бог! (М.Булгаков, Театральный роман).

Здесь словосочетание “**потирать руки**” называет конкретный жест, который обозначает радость. Впоследствии, часто употребляясь, это сочтание оторвалось от исполнения конкретного жеста и получило абстрактное значение “предвкушать что-либо; испытывать радость, удовлетворение или злорадство”, то есть произошел процесс фразеологизации УС.

В следующем примере перед нами уже фразеологизм, не требующий обязательного реального жеста (хотя в некоторых случаях он возможен):

Сейчас ведь как – чуть что, сразу письмоцо или звонок: “Позвольте! Откуда вы это взяли?! Да не было...” И это, как правило, - не мелкое подсикование, не злорадное потирание рук после

писательской промашки, а естественное требование от литературы правды, и только правды. (Е.Носов, С сединою в висках).

В русском языке существует большое количество жестовых фразеологизмов со словами-названиями частей тела, например: *протянуть руку, погрозить пальцем, показать нос*. Большинство из них называют жесты, сопровождающие речь.

Так как, согласно определению, жест – это преимущественно движение рукой, то большинство этих фразеологизмов в качестве компонента включает в свой состав лексему «рука», например: *сделать ручкой, махнуть рукой, пожаловать к руке*.

Ряд рассматриваемых фразеологизмов строится с опорой на слова, называющие часть руки (палец, ладонь, плечо, кулак): *тыкать пальцем, сделать комбинацию из трех пальцев, хлопать в ладоши, пожимать плечами, показать кулак*.

Еще одна группа – фразеологизмы, не имеющие в своем составе компонента «рука» или слов, называющих ее части. Но носители языка, хорошо знающие описываемые жесты, понимают, что рука участвует в них. Эти фразеологизмы называют “связанные” жесты, в которых используются не только руки, но и другие части тела (лоб, губы, грудь, голова): *послать воздушный поцелуй, ударить себя по лбу, бить себя в грудь, схватиться за голову*.

Таким образом, наименование жеста в процессе его употребления может обобщаться, получать более абстрагированную семантику и превращаться во фразеологизм. После этого, употребляясь в речи, фразеологизм не обязательно сопровождается жестом, от которого он получил свое наименование.

Козеренко А. Тело как объект природы и как объект культуры / А. Козеренко, Г. Крейдлин // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.

Э.Д.Хаустова

Фразеосочетания с назаваниями обуви в русском языке

Изучение фразеосочетаний позволяет расширить наши представления о культуре народа, его концептосфере, о национальном менталитете.

Национальный менталитет – это национальный способ восприятия и понимания действительности, определяемый совокупностью

когнитивных стереотипов нации, совокупность национальных принципов осуществления суждений и оценок. Менталитет тесно связан с концептосферой народа, которая представляет собой национальную информационную базу, набор единиц мысли, накопленных национальным когнитивным сознанием.

В информационной базе человека есть компоненты (концепты), общие для всех народов; есть национально-специфические концепты (имеющие национальное своеобразие при частичном совпадении по содержанию у разных народов), а также сугубо национальные, безэквивалентные концепты, характерные только для национального сознания отдельного народа. Подойти к изучению концептосферы можно только через язык. Исследование семантического пространства позволяет изучить ту часть концептосферы, которая получила выражение с помощью языковых знаков.

В семантическом пространстве различают лексико-фразеологические и синтаксические концепты, то есть концепты, которые объективированы соответственно словами, фразеосочетаниями или синтаксическими структурами. Изучая семантическое пространство языка, мы получаем достоверные знания о той части концептосферы, которая в нем представлена (Язык и национальное сознание 2002, с. 2-49).

Обратимся к фразеосочетаниям с названиями обуви.

Так, в русском языке есть несколько вариантов фразеосочетаний со значением «быть под чьей-либо властью, в полном подчинении». «Подкаблучное» положение расценивается как унизительное, неприемлемое. Рассмотрим примеры из словарей.

Под сапогом у кого-либо – под властью, в полном подчинении [БТС, 2000, с.1148]. *Иметь всю моиць, всю власть, все богатство и...* быть под сапогом у мрази! (Шишков, Угрюм-река). [ФС Молотков, 1986, с.408].

Попасть под туфлю чью-либо – оказаться в подчинении у кого-либо (обычно жены), беспрекословно выполнять чьи-либо приказания [БТС, 2000, с.1354].

Быть под башмаком у кого-либо, Держать под башмаком, Попадать под башмак – быть в полной зависимости, беспрекословном подчинении. Обычно о зависимости мужа от жены. *Он, незаметно для самого себя, находился под башмаком у своей жены* (Куприн, Молох). [ФС Молотков, 1986, с.33].

Происхождение оборота часто связывают с татарским игом, с обычаем восточных правителей ставить ногу на голову поверженного врага. Такой обычай действительно существовал: хан посыпал русским

князьям свою басму – ларец, в котором хранилась отпечатанная в воске ступня хана. В знак покорности князья клали эту басму на голову. Тем не менее обороты *под башмаком* и *под каблуком* связаны не с этим – а иным, свадебным обычаем, где актуальна та же символика. При свадебной церемонии жених и невеста подвергались своеобразной супружеской «дуэли». Тот из них, кому первому удавалось наступить на ногу будущему супругу, становился, по поверьям, главой дома. Тот же, кто *оказывался «под башмаком»*, должен был занять подчиненное положение в семье. Этот обычай известен многим народам, в том числе европейским, где известны подобные выражения – ср. фр. *Etre sous la pantoufle de sa femme* или нем. *unter dem Pantouffel sein (stehen)*. (Мелерович 2001, с.64].

Таким образом, концепты, объективированные в данных фразеосочетаниях встречаются в концептосфере разных народов.

Есть в русском языке фразеосочетания, которые отражают сугубо национальные особенности восприятия и понимания действительности.

Известно, что первой обувью в России считаются сплетенные из лыка лапти (лычницы, поршни), пастолы, пробошни. Самобытное развитие Руси определило развитие русской обуви. Вне городской черты население носило лапти до начала XX века. Это объяснялось тем, что слабо развитое скотоводство не давало достаточно сырья для изготовления кожаной обуви (Кожевникова 1992, с.37-38).

Лапоть являлся своеобразным символом России, ее экономического и культурного развития. О России говорили не иначе как «лапотная Россия», имея ввиду ее нищету и невежество.

Концепт «лапоть» широко представлен в концептосфере русского народа. Не случайно лапти, наряду с матрёшкой и балалайкой, служат главным национальным атрибутом. Причем все, что связано с лаптями, русским менталитетом (да и менталитетом других наций) оценивается как неразвитое, нищенское, отсталое, негативное. Например, лаптём называют невежественного, отсталого человека [БТС, 2000, с.487].

Подтверждение находим во фразеосочетаниях с лексемой «лапоть»:

Лаптём щи хлебать – жить, прозябать в нищете, невежестве; быть отсталым, некультурным. – *Вот, говорит, как ноне купцы живут, которые, когда были серыми мужиками, щи лаптём хлебали* (Лейкин, В старом гнезде). [ФС Молотков, 1986, с.507].

Лапти плести – неумело делать что-либо, путать [БТС, 2000, с.487]. – *Вы, ваше превосходительство, в карты лапти изволите плесть; где же это видано, чтоб с короля козырять, когда у меня туз*

один (Салтыков-Щедрин, Губернские очерки). [ФС Молотков, 1986, с.323].

Обуть в лапти – ловко обмануть, провести кого-либо. *Не три тысячи, тридцать бы в печку кинул, только бы не сознаться, как его ровно Филю в лапти обули* (Мельников-Печерский, В лесах). [ФС Федоров, 1995, с.345].

Валенки, как и лапти, – широко распространенная обувь в России, особенно в ее северных регионах. Валенки и сейчас остаются популярным видом обуви в сельской местности. Возможно, из-за своей популярности на протяжении веков в экономически слабой России, из-за простоты конструкции и способа изготовления для русского менталитета валенки наряду с лаптями служат символом отсталости и невежества. Так, о глуповатом недалеком человеке говорят (*сибирский валенок* [БТС, 2000, с.110].

Среди заимствованной обуви наиболее популярной были галоши (или калоши). В Европе резиновые галоши появились в XIX веке и поначалу очень дорого стоили. Эта практическая обувь как никакая другая подходила для защиты от холода и грязи. Широкая популярность данной обуви у населения России способствовала тому, что лексема «галоша» вошла в состав некоторых фразеосочетаний:

Посадить в галошу (калошу) – поставить в неловкое, смешное положение [БТС, 2000, с.193].

Сесть в галошу (калошу) – попасть в неловкое, смешное положение [БТС, 2000, с.193].

Как видим, ситуации, которые описывают фразеосочетания с лексемой «галоша», имеют отрицательную характеристику «нечто смешное, глупое, неловкое». Возможно, концепт «галоша» в русском национальном сознании представляет собой образ грубой, внешне непривлекательной, комичной обуви. И все, что связано с данной обувью оценивается нами негативно.

Лексема «сапоги» также представлена в русских фразеосочетаниях:

Сапоги каша просят – о дырявой, проносившейся обуви (обычно с отрывающейся подметкой) [БТС, 2000, с.1148].

Два сапога пара – о людях, похожих друг на друга во многом, стоящих один другого (по каким-либо отрицательным качествам) [БТС, 2000, с.780]. *Жадность [солдата] возмутила Мосея до глубины души, и он с удовольствием порешил бы и солдата вместе с вероотступником Кириллом. Два сапога – пара* (Мамин-Сибиряк, Три конца). [ФС Молотков, 1986, с.407].

Сапоги всмятку – ерунда, чепуха, вздор, полная бессмыслица. ...Да ведь это просто галиматья, сапоги всмятку! (Ленин). [ФС Молотков, 1986, с.408].

Сапоги были популярны у городского населения. Производство их было на достаточно высоком уровне. Об этом свидетельствуют раскопки городов. Появление сапог на Руси связывают с переселением венгров, «которые при переселении народов прошли и частично задержались в южной части земли, заселенной потом славянами» (Зыбин 1955, с.15). Термин «сапожник» впервые появился в древних записях X века. Видимо, именно в этот период произошло разделение труда: шорное ремесло было выделено в самостоятельное производство (Кожевникова 1992, с.37-38).

По-видимому, использование лексемы «сапог» во фразеосочетаниях объясняется тем, что сапоги являются самой распространенной и популярной обувью у многих народов. Лексема «сапог» является ядерным именем в ЛСГ «обувь».

Таким образом, изучение словарных статей показало, что в русском языке не так много фразеосочетаний с названиями обуви. Однако представленные в словаре фразеосочетания содержат в своем составе лексемы, называющие наиболее распространенные и популярные виды обуви. Данные фразеосочетания дают представление о культурном и ментальном своеобразии народа.

Зыбин Ю.П. Технология обуви. М., 1955. Т.1, 2.

Кожевникова И.Г. Русская обувная терминология как система. Дисс. ...канд. филол. наук. Воронеж, 1992. .

Мелерович А.М., Мокиенко В.М. Фразеологизмы в русской речи. М., 2001.

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. М., 1995.

Фразеологический словарь русского языка. / Под ред. А.И. Молоткова. М., 1986.

Язык и национальное сознание. Вопросы теории и методологии. Воронеж, 2002.

Большой толковый словарь русского языка. / Сост. и гл. ред. С.А.Кузнецов. СПб., 2000.

Слово «ничего» в русском общении

В последнее время в лингвистической литературе большое внимание уделяется комплексному описанию всех специфических употреблений многофункциональных единиц языка. В этом отношении показательно работа С.Л.Сахно (Сахно 2000).

Русское слово *ничего* представляет интерес с точки зрения такого лингвистического описания. Оно функционирует в русском языке как отрицательное местоимение и как наречие.

В словаре Даля слово *ничего* рассматривается как малоупотребимое отрицательное местоимение, родительный падеж от «ничто». Употребляется в разговорной речи в значениях: пусть, не мешает, сойдет с рук, сносно, годно, авось пройдет.

Пример 1:

- Лошадь негодна?
- Ничего, живет.

Пример 2:

- Каково торговали?
- Ничего. [Словарь..., 1989 г., т. 2, с. 548].

В толковом словаре русского языка Ожегова *ничего* рассматривается как «отрицательное местоимение с последующим отрицанием то же, что «ничто» в первом значении». Характерно для разговорного языка.

1) «Ничего подобного» - выражение категоричного отрицания, несогласия.

Без ничего (разг.) – о кушанье без начинки, без заправки:

Пирог без ничего, булочка без ничего.

2) «Всего ничего» - очень мало.

3) Из ничего - по пустякам: *Много шума из ничего.*

4) Ничего не имея, на пустом месте: *Из ничего смастерили шкатулку* (Словарь..., 1994 г., с. 410).

Анализ современной разговорной речи дает возможность увидеть обогащение семантической структуры слова *ничего*. Оно широко используется в различных коммуникативных ситуациях с разными авторскими интенциями. Отсюда представляется актуальным рассмотреть специфические коммуникативные ситуации современного русского общения, связанные с передачей разнообразных авторских целеполаганий. Анализ фактического, в большей степени разговорного

материала, позволил выделить несколько основных употреблений русского слова *ничего*.

1. Выражение неопределенной оценки и отношения к чему-либо как к несущественному:

- *Тебе больно?*

- *Ничего!*

В этом случае интенция говорящего связана с самоуспокаиванием, что способствует некоему психотерапевтическому воздействию на его состояние или на состояние собеседника: желание подбодрить, вселить уверенность, задать общению оптимистическую направленность

- *Не волнуйся, ничего страшного!*

- *Ничего не бойся, я с тобой!*

В этом случае допускается коммуникативное дублирование (повтор):

- *Ничего, ничего!* – что является спецификой русского общения.

С точки зрения грамматики слово *ничего*, в приведенных примерах, является местоименным наречием в роли сказуемого и может быть заменено словами: неважно, несущественно, не имеет значения.

2. Отсутствие чего-либо, включая отсутствие информации, знаний, потребностей и желаний:

- *Здесь ничего нет; я ничего об этом не знаю; я ни чего не хочу; мне ни чего от тебя не надо.*

Употребление слова *ничего* в таком значении может сигнализировать о назревающей конфликтной ситуации общения с нарушением условий искренности. Произнося: «*Мне ни чего не надо*», говорящий имплицитно может выражать затаенную обиду, гнев, что невольно проявляется в интонационной оформленности и других неверbalных сигналах.

С точки зрения грамматики в этом случае *ничего* является отрицательным местоимением.

3. Выражение желания прекратить общение или уйти от темы разговора:

- *Что ты хочешь этим сказать? – Ничего.*

- *Я больше ни чего не хочу слушать!*

Это также случай употребления слова *ничего* в функции отрицательного местоимения.

4. Выражение категорического, решительного отрицания, возражения, несогласия:

- *Он ученый? – Ничего подобного!*

- *Это ты сделал? – Ничего подобного я не делал.*

5. Выражение удивления, восхищения, радости, недовольства, недоверия, и т.д. – *Он уже академик. – Ничего себе! Как высоко взлетел!*

- *Ничего себе шуточки!*

В этом случае слово *ничего* является местоименным наречием в роли обстоятельства и может быть заменено наречиями: неплохо, замечательно, хорошо, отлично... Любопытно, что в словаре русского языка выражение «ничего себе» квалифицируется как междометное (Словарь..., 1983, т. 2, с. 501).

6. Выражение вынужденного согласия, невозможности повлиять на ситуацию: *Ничего не поделаешь; ничего не скажешь; ничего не изменишь; ничего не выйдет*, где слово *ничего* – отрицательное местоимение.

7. Являясь наречием, слово *ничего* выступает синонимом слова «нормально» в ритуально-этикетном фатическом общении:

- *Как дела? – Ничего!*

- *Как жизнь? – Ничего!*

- *Как успехи? – Ничего!*

- *Как здоровье? – Ничего!*

Данная коммуникативная ситуация иллокутивно не вынуждает давать подробные ответы на вопросы о жизни, здоровье, успехах и т.д.

Разную прагматическую нагруженность слова *ничего* можно продемонстрировать на следующем примере: диалог отца и сына.

О.: *Мне хотелось бы, чтобы ты стал космонавтом.*

С.: *Вот еще! А зачем? Ты же сантехник – и ничего!*

О.: *Вот то-то и оно, что ничего.*

Здесь один говорящий употребляет слово *ничего* в значении «нормально», положительно оценивая объективную ситуацию, а его собеседник вкладывает в слово *ничего* негативный смысл, драматизируя ее (ситуацию).

Все вышеизложенное говорит о продуктивности, изменчивости и разнообразной семантико-прагматической нагруженности слова *ничего* в современном русском общении.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1989.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1994.

Словарь русского языка: В 4-х т. М., 1983.

Сахно С.Л. О слове «вроде»: прототипичность «за неимением лучшего» // Русистика сегодня. № 1-4, 2000, с. 45-57

Г.Е.Шилова
Борисоглебск

Сужение и расширение значений иноязычных слов

Иноязычное слово заимствуются обычно в одном значении, даже если оно многозначно в языке-источнике. Попав в чужой язык, слово нередко меняет свое значение или преобразует его, приобретая новые значения, которые не были характерны для него в родном языке. Происходят процессы расширения или сужения объема значения. Одним из основных признаков освоения иноязычного слова в принимающем языке считается расширение объема семантины этого слова (Высочина 2000, с.86).

На базе телевидения и радиопередач информационного характера и газет общероссийского значения за 2000-2002 гг. методом сплошной выборки был составлен список наиболее употребительных в современном русском языке иностранных слов (около 1500 слов). Сопоставив данные словарей иностранных слов 1980, 1988, 1998, 2001 годов, мы получили возможность зафиксировать семантические изменения, которые произошли со словами, входящими в наш частотный словарь.

Расширение объема семантины иноязычного слова происходит за счет возникновения новых семем в смысловой структуре слова. Примерами такого расширения являются: *террор* – запугивание угрозой насилия или с его фактическим применением (перен.); *приоритет* – то, что представляется наиболее важным, требует к себе первоочередного внимания; *персона* – важная, значительная особа (устар. или разг., ирон.); *регламент* – время, устанавливаемое на собрании, конференции и т.п. для выступления каждого участника; *демонстрировать* – намеренно, подчеркнуто выражать; *диалог* – переговоры, имеющие целью найти решение сложной политической проблемы, *экология* – забота о сохранении чего-либо (экология души); *мобильный* – способный действовать быстро, решительно и др.

Расширение объема семантины может происходить и вследствие того, что единое ранее значение слова разделяется, превращаясь в две семантические разликающиеся по семенному составу. Например: слово *гарантия* в 1980 году зафиксировано со значением “ручательство; условие, обеспечивающее что-либо”, в 1998 году отмечено два значения: “ручательство, порука в чем-нибудь, обеспечение” и “условие осуществления, исполнения, успеха чего-нибудь”; слово *гуманитарный* в 1980 году имело значение “относящийся к

человеческому обществу, к человеку и его культуре”, в 1998 году – “о науках: относится к изучению культуры и истории народов” и “относится к человеческой личности, к правам, интересам, благосостоянию человека” и др.

Сужение семантического объема слова происходит за счет обобщения или в результате исчезновения семантической единицы. Например: слово *тенденция* в 1980 году имело четыре значения: 1) “направленность во взглядах или действиях; склонности, стремления, свойственные кому-, чему-л.”; 2) ”направление, в котором совершается развитие какого-л. явления”; 3) ”идея, направленность произведения, высказывания”; 4) ”предвзятая идея, мысль, навязываемая кому-л.”. В 1998 году в словаре зафиксировано три значения: 1) ”направление развития, склонность, стремление”; 2) ”замысел, направленность какого-н. изложения, изображения”; 3) ”предвзятая, односторонняя мысль, навязываемая слушателю, читателю, зрителю и т.п.” – сужение объема семантической единицы произошло в результате обобщения первых двух значений. В словаре 2001 года отмечено только два значения: 1) ”стремление, склонность к чему-либо, сознательное намерение, заранее предусмотренный вывод”; 2) ”направление, в котором совершается развитие какого-л. явления” – утрачена семантика ”предвзятая, односторонняя мысль, навязываемая кому-л.”

Наблюдается также явление расширения объема отдельных семантических единиц, которое происходит за счет исчезновения некоторых дифференциальных сем, например, таких как ”в буржуазных странах” или ”капиталистическое” (*корпорация, аутсайдер, консорциум, акциз, казино*), ”неодобрительное” (*диссидент, конвергенция*) и др.

Сужение объема семантической единицы обусловлено тем, что слово приобретает новые дифференциальные семы. Например: *фермер* – ”лицо, индивидуально занимающееся сельским хозяйством на арендованной или принадлежащей ему земле”, сема ”частное владение землей” появилась в 90-е годы и др.

Следует отметить, что не всегда происходит только исчезновение или только появление какой-либо семы в семантической единице слова. Например: *диссидент* – исчезла сема ”выступающий против социалистического строя в стране” и оценочная сема ”неодобрительное”, появилась сема ”выступающий против тоталитарного государства” и др.

Таким образом, по данным словарей можно проследить две основные тенденции – расширение и сужение семантической единицы именных слов в русском языке. Наш материал показывает, что процесс расширения значений преобладает преимущественно в иноязычных словах, принадлежащих к

тематическим сферам “политика”, “рыночная экономика”, “шоубизнес”; часто это слова, обозначающие реалии, которые до недавних пор считались принадлежностью “буржуазного” мира. Процесс сужения значений наблюдается в словах, относящихся к тем же тематическим группам.

О.В.Высочина. Семантическая ассоциация иностранных слов в русском языке конца XX века / Культура общения и ее формирование. Вып.7. Воронеж. 2000, с.86-87.

Словарь иностранных слов. М., 1980.

Словарь иностранных слов. М.,1988.

Толковый словарь русского языка конца XX в. М., 1998.

Большой словарь иностранных слов в русском языке. М., 2001.

И.И. Шохина

Динамические процессы в глагольной лексико-семантической группе (на примере русских ЛСГ глаголов созидания и уничтожения)

Язык представляет собой динамическую систему, которая постоянно развивается. Этот процесс затрагивает все подсистемы, однако наиболее наглядно он проявляется в лексике. Интересно рассмотреть указанное явление на примере русских глаголов созидания и уничтожения. Данные глаголы являются чрезвычайно важными в системе языка, поскольку наиболее чётко и полно отражают взаимодействие человека с окружающим миром, его воздействие на внешнюю среду (как природную, так и социальную).

При анализе лексико-семантической групп глаголов созидания и уничтожения выявляется ряд изменений в структуре рассматриваемых ЛСГ, связанных с появлением новых единиц, изменением соотношения ядерных и периферийных конституентов, образованием производных значений, сочетаемостью. Рассмотрим некоторые из этих явлений подробнее.

В последние годы в ЛСГ созидания вошла и стала активно употребляться новая лексическая единица – глагол *клонировать*, обозначающий процесс созидания ряда новых особей из одной путем деления клетки исходной особи. Клонированию могут быть подвергнуты любые клетки живой материи. Поэтому данный глагол обозначает процесс «рукотворного» созидания растений,

представителей животного мира, органов человеческого тела и, наконец, человека. Например:

В настоящее время удалось *клонировать овцу, быка, мула, котенка и лошадь*. А вот эксперимент по клонированию *собак* пока не выходит (Комсомольская правда, 8 авг. 2003г.).

У австрийского ученого Готфрида Брема живут, дают молоко и активно размножаются *клонированные коровы* (Аргументы и факты №6, 2004 г.)

В определённых кругах Китая бытует мнение, что, если *клонировать органы* и своевременно заменять устаревшие *сердце, почки, печень*, можно достичь практически бессмертия (Аргументы и факты №7, 2003 г.).

Ни один серьёзный учёный сейчас не возьмется сказать точно, правда ли, что секте разлитов удалось *клонировать человека* (Комсомольская правда, 10 янв. 2003г.).

Появление и распространение в языке данного глагола обусловлено экстраварлингвистическим фактором – развитием научного прогресса. Однако следует заметить, что, появившись сравнительно недавно, указанный глагол уже прочно вошел в систему русского языка, о чём свидетельствует употребление его в переносном значении. Например: Дмитрий Рагозин *клонировал партию «Русь»* (Аргументы и факты №5, 2004г.).

Развитием научного и технического прогресса обусловлены и такие процессы в группе глаголов созидания, как частотность употребления той или иной лексемы. Так, наиболее частотными являются глаголы *создать, делать, производить, выпускать, разработать* и некоторые другие, имеющие обобщенное значение созидания. Глаголы же, называющие сугубо конкретные способы созидания, встречаются достаточно редко. Например:

Белокопытин голыми руками *гнёт* из толстой проволоки разные загогулиники (Комсомольская правда, 28 марта 2003 г.).

Родина начинается с бабушки, сибирской крестьянки, которая *катала валенки* и пела мне русские народные песни (Аргументы и факты, №45, 2003 г.).

Старинный товарищ Абдулова отыскал в пыльном сарае *электротримару, выпиленную* Александром почти 30 лет назад (Комсомольская правда, 28 марта 2003 г.).

Это обусловлено тем, что на первое место в жизни общества выходят промышленные способы производства, поэтому глаголы, обозначающие редкие или кустарные процессы созидания, выходят из широкого употребления.

Частотность употребления глагола обычно связана с широтой его сочетаемости. Важно отметить, что технический прогресс может оказывать воздействие и на этот аспект существования и функционирования глагола. Так, глагол *создать* значительно расширил свою объектную лексическую сочетаемость в результате того, что человечество получило возможность создавать объекты, которые ранее были ему неподвластны. Например:

В 2025 году *создадут электронную вселенную*. Мозг человека подключат к компьютеру, который создаст полную иллюзию реального мира (Комсомольская правда, 20 дек. 2002г.).

В 2018 году *создадут искусственный интеллект*, который будет заниматься научными исследованиями (Комсомольская правда, 20 дек. 2002 г.).

Появилась возможность *создать квантовый компьютер*, по всем параметрам превосходящий любой из ныне существующих (Аргументы и факты, №18, 2003г.).

Исследователи Нью-Йоркского университета впервые в мире сумели *создать искусственный вирус полиомиелита* (Труд, 9 янв. 2003г.).

Всего было *создано 300 человеческих эмбрионов*, и только десятая часть из них оказалась пригодной для трансплантации (Аргументы и факты, №12, 2003г.).

Расширение сочетаемости данного глагола в русском языке конца XX – начала XXI века обусловлено также новыми процессами общественной и экономической жизни.

Например: Подобное будет повторяться столько, сколько будет существовать бандитский *капитализм, созданный* на основе криминальной приватизации 90-х годов (Аргументы и факты, №45, 2003 г.).

Чтобы регулировать рост цен, нужно интервенции на рынке проводить, нужно *биржи создавать* соответствующие и т.д. (Аргументы и факты, №7, 2004 г.).

Холдинг «Ариант», созданный акционером Челябинского металлургического комбината, завладел заводом шампанских вин на Кубани (Аргументы и факты, №7, 2004 г.).

В начале 90-х годов Борисов *создал* свою *фирму* и, как все русскоговорящие жители, получил литовское гражданство (Аргументы и факты, №6, 2004 г.).

Банк «Менатеп», созданный бывшим комсомольским лидером Ходорковским, одним из первых стал продавать народу свои акции (Комсомольская правда, 31 окт. 2003 г.).

Наименования указанных понятий и реалий широко вошли в русский язык только в конце XX – начале XXI века в связи с определёнными экономическими преобразованиями, что и обусловило возможность расширения сочетаемости глагола *создать*.

Однако частотность употребления того или иного глагола не всегда обуславливается объективными причинами. Иногда это диктуется модой. Так, в последнее время в политическом дискурсе чрезвычайно широкое употребление получил глагол *формировать*, имеющий следующие словарные значения: 1. Придавать чему-либо какую-либо форму, вид (формировать крону дерева). 2. Организовывать, составлять, создавать (какой-либо коллектив, учреждение, орган). Значение созидания у данного глагола является производным, а сочетаемость ограниченной. Но в современном языке его сочетаемость чрезвычайно расширяется, и он может быть употреблён как для обозначения процесса создания определённого коллектива, например:

Если после выборов президент *сформирует* новое правительство, не исключено, что какой-то пост могут предложить и Селезнёву (Аргументы и факты, №16, 2003 г.).

Человек из ближайшего окружения Кадырова как раз *формирует* свои отряды (Аргументы и факты, №17, 2003 г.).

Регион *формирует* новую элиту (Заголовок. Аргументы и факты №3, 2004 г.), так и для создания других объектов конкретного и абстрактного характера.

Например:

Чтобы *сформировать* волны и кудри, нанесите немного крема на влажные или сухие волосы (Веста, №8, август 2003 г.).

Ставить надо на тех, кто, образно говоря, *формирует* духовное здоровье нации (Аргументы и факты, №33, 2003 г.).

Как утверждают сами «семигинцы», они пытались *сформировать* бюджет, исходя из потребностей перспективного развития страны (Аргументы и факты, №42, 2003 г.).

Ведь *цены формируются* из реальных экономических факторов (Аргументы и факты, №7, 2003 г.).

Необходимо возрождать сельские территории, которые давно *сформировали* особый образ жизни значительной части нашего населения (Аргументы и факты, №33, 2003 г.).

Частотность употребления данного глагола и расширение его сочетаемости не имеет объективных оснований и связано с вкусовыми предпочтениями.

Иногда повышение частотности использования той или иной лексемы может быть обусловлено авторитетом употребившего

данную единицу в определённой ситуации лица. Так, широкое распространение глагола *мочить* в значении *убить* связано с известным высказыванием президента В.В. Путина. Например:

Три криминальные *группировки* пытались *мочить* друг друга по понятиям (Аргументы и факты, №1, 2003 г.).

Саддам пытался *замочить добродетеля*, чтобы не отдавать долги (Аргументы и факты, №17, 2003 г.).

Конкурентов «замочат»? (Заголовок. Аргументы и факты. №6, 2003 г.).

Можно ли «*замочить*» *порно* в Интернете? (Заголовок. Аргументы и факты, №42, 2003 г.).

Данный глагол в газетном тексте используется для создания экспрессии. При этом экспрессивный сам по себе глагол создаёт дополнительный перлокутивный эффект за счёт аллюзии.

А вот увеличение частотности глагола *взорвать* и расширение его сочетаемости связано с экстралингвистическим фактором – распространением терроризма, поскольку средства массовой информации постоянно сообщают о взрывах, организованных террористами как за рубежом, так и в нашей стране. Большое количество и разнообразие объектов, становящихся жертвой взрывов, обусловили расширение сочетаемости данного глагола.

Например:

Последний подарок любителям *взорывать дома, электрички, поезда в метро, машины с милиционерами* – обсуждение в Европарламенте «плана Масхадова» (Аргументы и факты, №6, 2004 г.).

Пока нет официальных подозреваемых, можно лишь гадать, кому выгодно *взорывать людей* (Аргументы и факты, № 6, 2004 г.).

Террористы *взорвали госпиталь* (Аргументы и факты, № 33, 2003 г.).

Говорят, что в Москве поймали смертников, которые собирались *взорвать ядерный реактор* в Институте им. Курчатова (Аргументы и факты, № 33, 2003г.).

Данный глагол настолько прочно вошёл в русское языковое сознание, что стал широко употребляться в переносном значении, а это, согласно закону Шпербера, свидетельствует о его значимости для языковой общности. Вот примеры такого использования глагола *взорвать* в публицистике:

Художник – он же, как разведчик, внедрился и *рутинную жизнь взорвал* (Аргументы и факты, № 28, 2003 г.).

«Наезд» прокуратуры на ЮКОС может испугать весь крупный бизнес, «*взорвать стабильность*» (Аргументы и факты, № 29, 2003 г.).

Не взорвут ли мигранты хрупкий межнациональный баланс? (Аргументы и факты, № 47, 2003 г.).

Убаюкивали благостные реляции правительства о темпах развития, о росте благосостояния. Зачем же взрывать ситуацию? (Аргументы и факты, № 45, 2003 г.).

Метод оппозиции – политический шахидизм. *Взрывать политическую жизнь* – это единственный генеральный метод реальной политической оппозиции (Аргументы и факты, № 7, 2004 г.).

Во всех приведённых примерах употребление глагола *взорвать* создаёт яркую экспрессию и усиливает перлоуктивный эффект.

Таким образом, проанализированный материал показывает, что развитие языка представляет собой непреложный закон его существования. Особенно наглядно языковые изменения проявляются в лексической системе. Причиной изменений служат прежде всего изменения в жизни социума, обусловленные развитием научного и технического прогресса, политическими и экономическими сторонами жизни данной языковой общности. Значительно реже на развитие языка могут оказывать воздействие такие факторы, как влияние авторитетной личности и языковые предпочтения, связанные с модой.

Г.Ю.Юмашева
Борисоглебск

К проблеме стилистических помет в лексикографических источниках

Стилистическая окраска слова является объектом внимания и лексикологов, и лексикографов, поскольку установление стилистической характеристики входит в задачу толковых словарей и словарей синонимов.

Проблема стилистического расслоения лексики и закономерностей связей и соотношений различных ее типов, видов и разновидностей далеко не исчерпана. В русле нашего исследования об этом говорит несогласованность стилистических помет к определенной части слов в толковых и синонимических словарях. Сопоставляя стилистический комментарий к одним и тем же словам в различных лексикографических источниках, мы сталкиваемся со случаями различной интерпретации стилистической окраски слова.

Рассматривая пометы в синонимических словарях, следует отметить, что и Словарь синонимов русского языка, составленный

З.Е. Александровой (первое издание в 1968 г.), и Словарь синонимов русского языка в двух томах под ред. А.П. Евгеньевой, изданный в 1970 –1971, уделяют большое внимание стилистическим пометам.

И в Словаре синонимов русского языка под ред. А.П. Евгеньевой, и в Словаре синонимов З.Е. Александровой стилистические пометы не всегда совпадают с пометами, имеющимися в толковых словарях. Словари синонимов одного периода дают неодинаковую оценку стилистической характеристике некоторых слов. Так, при сопоставлении стилистических помет в Словаре синонимов З.Е. Александровой 1975 г. и в Словаре синонимов под ред. А.П. Евгеньевой 1975 г. выделяются противоречия в оценке стилистической отнесенности определенной группы синонимов.

Материалы нашего исследования выделяют следующие примеры несовпадения в стилистических пометах в Словаре синонимов под ред. А.П. Евгеньевой 1975 г. (Е-75), Словаре синонимов З.Е. Александровой 1975г. (А-75), Словаре синонимов З.Е. Александровой 1989 г. (А-89) и Толковом словаре русского языка под ред С.И. Ожегова – Шведовой 2000 г. (СОШ).

	Е-75	А-75	А-89	СОШ
беловик (доминанта <i>чистовик</i>)	разг.	межст.	разг.	межст.
гребешок (доминанта <i>гребенка</i>)	разг.	межст.	разг.	межст.
злоумышлен- ник (доминанта <i>преступник</i>)	устар.	книж.	устар.	межст.
матушка (доминанта <i>попадья</i>)		устар. прост.	устар. прост.	межст.

Еще парадоксальней является ситуация, когда у одного и того же автора в различных изданиях встречается неодинаковая стилистическая характеристика одного и того же слова. Например, можно понять основания для изменяющейся стилистической характеристики слова *матушка* (доминанта *попадья*), которое вследствие своей растущей употребительности по сравнению со словом *попадья* потеряло оттенок устарелости и перешло в

межстилевую лексику, но трудно понять обоснования для изменившейся стилистической характеристики в Словарях синонимов З.Е. Александровой 1975 г. и 1989 г. в следующих примерах.

	A-75	A-89
лавка (доминанта <i>скамья</i>)	разг.	прост.
обитатели (доминанта <i>население</i>)	разг.	книж.
пенаты (доминанта <i>дом</i>)	устар.	книж.
сивка (доминанта <i>лошадь</i>)	нар. поэт.	разг.
топчан (доминанта <i>ләжак</i>)	межст.	разг.

Все приведенные примеры свидетельствуют о том, что существует проблема неоднородной характеристики стилистически окрашенных средств в лексикографических источниках.

В основе этого, как справедливо отмечает Е.Ф. Петрищева, лежат разногласия по поводу выделения тех или иных разновидностей стилистически маркированных средств. Анализируя стилистически маркированную лексику, исследовательница называет парадоксальной ситуацию, складывающуюся между лексикологией и лексикографией в установлении стилистической характеристики слова.

Стилисты и лексикологи в своих исследованиях исходят из тех характеристик слов и фразеологических выражений, которые предлагаются в словарях. "Функционально-стилистическая дифференциация лексики современного русского литературного языка может быть исследована в известной мере на основе материала, который содержится в толковых словарях" (Шмелев 1977, с.124).

Стремление ориентироваться на словари, поскольку они являются законодателями в области лексических норм, понятно и было бы вполне оправданно, если бы их составители опирались на какую-то последовательную, основанную на строго определенных принципах теорию стилистических средств. Однако лексикографы вынуждены

опираться в основном на свою собственную интуицию, на имеющиеся в их распоряжении не всегда полные, и тем более исчерпывающие цитатные материалы и на те или иные внутренне противоречивые высказывания лингвистов.

Такое положение объясняется, конечно, в первую очередь сложностью языкового материала, а также тем, что многие проблемы, связанные со стилистической дифференциацией лексики не имеют однозначного решения, поскольку стилистическая окраска слова – очень сложный компонент при анализе. Паспортизация слова, т.е. характеристика его стилистической отнесенности – это факт всегда субъективный, поэтому при анализе помет в различных словарях мы сталкиваемся со сложностью двоякого рода: во-первых, стилистическая помета есть результат авторской оценки характера употребления слова, именно поэтому словари одного и того же периода могут давать различные пометы к одним и тем же словам, это фактор субъективный. "В толковых словарях наблюдается немалый разнобой в стилистических пометах. Это говорит о некоторой их произвольности, по-видимому, неизбежной и зависящей даже от особенностей речи составителя. Кто сам часто употребляет разговорные и просторечные слова и обороты, тот склонен сам чаще ставить помету *разговорное*, чем *просторечное*", отмечает в предисловии к Словарю синонимов 1989 г. З.Е. Александрова, подчеркивая неизбежный субъективизм авторов.

Во-вторых, при сопоставлении помет в различных словарях может быть обнаружена динамика стилистической нормы, так как слова утратили (или утрачивают) старые и приобрели (или приобретают) новые стилистические свойства, случаи расхождения в оценках в данном случае будут объясняться субъективными процессами. "В развитии системы функциональных стилей преимущественно можно наблюдать или активизацию некоторых стилистических процессов, уже имевших место ранее, или закономерное обновление языкового репертуара функционально прикрепленных стилистических средств в однородных внеязыковых условиях, часто вызываемое ... не столько изменениями в самом языке, сколько изменениями в языковой политике ... (Винокур 1968).

В-третьих, существуют различные системы помет. Стилистическая характеристика слова может быть описана в системе разных координат. Традиционная система стилистических помет покоятся на нескольких главных шкалах: а) шкала литературного стиля (*высок., книжн., поэтич.* и т.п.); б) шкала стиля речи (*офиц., разг., прост.* и т.п.); в) шкала внелитературности (*груб., жарг., бран.* и т.п.); г) шкала

оценок говорящим различных параметров предмета речи, адресата или высказывания (*ласк.*, *неодобр.*, *ирон.*, *презр.*, *пренебр.*, *унич.* и т.п.); д) шкала социальных областей и видов деятельности (*спец.*, *мат.*, *хим.*, *спорт.* и т.п.); е) шкала времени (*устар.*, *арх.*, *ист.*, *нов.* и т.п.); ж) шкала пространства (*обл.*, *диал.* и т.п.).

В целом эта система в различной степени отражена во всех лексикографических источниках.

Толковый словарь С.И. Ожегова под общим заголовком "пометы, указывающие на стилистическую характеристику слова", в одном ряду дает следующие пометы: *книж.*, *высок.*, *офиц.*, *разг.*, *прост.*, *обл.*, а также пометы *презр.*, *неодобр.*, *пренебр.*, *шутл.*, *ирон.*, *бран.*, *груб.*, для характеристики эмоциональной и выразительной оценки обозначаемого явления. Особо выделяются пометы, указывающие на историческую перспективу слова (*стар.* и *устар.*), а также отдельный комментарий дается к помете *специальное*.

Словарь русского языка в четырех томах выделяет следующие ряды стилистических помет:

- а) пометы, указывающие на принадлежность слова к различным пластам лексики русского языка (*обл.*, *прост.*, *груб.-прост.*);
- б) пометы, указывающие на стилистическую ограниченность употребления слов в литературном языке (*разг.*, *книж.*, *офиц.* и *офиц.-дел.*, *высок.*, *трад.-поэтич.*, *народно-поэтич.*);
- в) пометы, указывающие специальную область применения слова (*астр.*, *бакт.* и т.п.);
- г) пометы, указывающие эмоциональную окраску слова (*бран.*, *ирон.*, *шутл.*, *пренебр.*, *презр.*, *неодобр.*, *почтит.*);
- д) помета к словам, выходящим из употребления в современном языке (*устар.*);

В Большом толковом словаре русского языка под ред. С.А. Кузнецова (2003) используются четыре ряда стилистических помет, при этом составители отмечают, что стилистический комментарий в Словаре опирается на систему помет, отражающих, по мнению авторов, современное функционально – стилистическое расслоение лексики:

- а) пометы, характеризующие книжную форму современного языка (*книжн.*, *офиц.*, *публиц.*, *трад.-поэтич.*, *нар.-поэтич.*, *трад.-лит.*, *спец.*);
- б) пометы, характеризующие разговорную форму современного языка (*разг.*, *разг.-сниж.*, *фам.*, *трад.-нар.*, *нар.-разг.*, *проф.*, *жарг.*);
- в) пометы, характеризующие хронологическое расслоение лексики (*устар.*, *ист.*);

г) пометы, передающие эмоционально-экспрессивную оценку (*высок., одобр., ласк., постит., шутл., неодобр., ирон., пренебр., уничижит., презр., бранно, грубо, вульг.*);

Сопоставляя систему помет в данных лексикографических источниках, следует отметить, что самый ограниченный круг стилистических помет имеет Толковый словарь С.И. Ожегова – Шведовой.

В Словаре русского языка в 4-х томах под ред. А.П. Евгеньевой пометы *разговорное, книжное, высокое* стоят в одном ряду, поскольку объединены стилистической ограниченностью употребления слов в литературном языке.

В Большом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова (2003) данные пометы находятся в различных рядах, поскольку характеризуют различные формы современного русского языка: помета *книжное* открывает список помет, характеризующих книжную форму языка, помета *разговорное* находится в ряду помет, характеризующих разговорную форму языка.

Помета *высокое* относится к ряду помет, передающих эмоционально-экспрессивную окраску (*высок., одобр., ласк., почит., шутл., неодобр., ирон., пренебр.* и т.д.). Комментируя данную группу, составители отмечают, что "пометы этого ряда уже предполагают разговорную лексическую основу, поэтому сочетаний (*Разг. Фам., Разг., Шутл.*) в словаре нет".

На наш взгляд, помета *высокое*, стоящая в данном ряду, скорее предполагает не разговорную, а книжную лексическую основу, и явно не соответствует данному комментарию.

В Словаре С.И. Ожегова помета *специальное* при словах обозначает их принадлежность к определенному кругу профессионального, научного, технического употребления. Большой толковый словарь под ред. С.А. Кузнецова наряду с пометой *специальное* для терминов с широкой сферой употребительности вводит помету *профессиональное* (*профессионально-разговорное*) для слов, употребляющихся в сфере профессионального общения.

В этом же словаре имеется помета *жаргонное* для слов, используемых в литературном языке как средство имитации условного языка каких-либо социальных групп. В предыдущих лексикографических источниках данной пометы нет.

Отсутствует в Большом толковом словаре под ред. С.А. Кузнецова (К-2003) помета *просторечное*, имеющаяся во всех словарях раннего периода. Слова, маркированные в иных лексикографических источниках пометой *просторечное*, в данном Словаре имеют иные

пометы: *разговорно-сниженное, народно – разговорное*, или отмечены пометами, передающими эмоционально – экспрессивную оценку: *грубо, бранно, презрительно, фамильярно*.

	E-75	A-75	A-89	K-2003
бездарь (доминанта бездарность)		прост.	прост.	презр.
баба (доминанта жена)	прост.	прост.	прост.	разг.-сниж.
башка (доминанта голова)	прост.	прост.	прост.	разг.-сниж.
брандахлыст (доминанта похлебка)		прост.		
зенки (доминанта глаза)	прост.	груб.- прост.		
остолоп (доминанта дурак)	прост.	прост.		
паршивец (доминанта негодяй)		прост.		
папаня (доминанта отец)		прост.		
портки (доминанта штаны)		прост.		

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что слова могут быть рассмотрены в различных системах стилистических помет.

Таким образом, возникает вопрос о степени доверия к стилистическим пометам в лексикографических источниках.

Стилистическая характеристика слов, данная в авторитетных лексикографических источниках, в основной своей массе заслуживает доверия по той причине, что словари дают большой массив лексики и, вследствие этого, погрешности, связанные с разной интерпретацией стилистической окраски слова, минимальны по сравнению, например, с методом опроса, который в любом случае будет проводиться на ограниченном материале. Именно поэтому стилистические пометы в словарях будут отправной точкой любого лингвостилистического исследования.

Что касается той части лексики, которая в словарях получает различную стилистическую трактовку, то это скорее не вопрос доверия той оценке, котораядается авторами, а вопрос о том, можно ли данные изменения рассматривать как момент развития стилистической системы.

Большой толковый словарь русского языка / Гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб., 2003.

Винокур Т.Г. Стилистическое развитие современной русской разговорной речи // Развитие функциональных стилей современного русского языка. М., 1968.

Петрищева Е.Ф. Стилистически окрашенная лексика русского языка. – М., 1984.

Шмелев Д.Н. Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

Язык художественного текста

О.Н. Чарыкова

Глагольная метафора как факторreprезентации динамики авторского мировосприятия в художественном тексте

Как известно, метафора является главным средством выявления индивидуально-авторской модели мира. Представляется интересным рассмотреть, изменяется ли состав и структура метафоры на разных этапах творчества одного художника слова.

Интересные данные были получены при рассмотрении глагольной метафоры в динамическом аспекте. Объектом исследования послужили произведения М. Горького. Была поставлена цель установить специфику и частотность употребления метафор на разных этапах творчества. Источником наблюдений послужили:

1) семь произведений, относящихся к раннему периоду творчества (1885 – 1901гг) - «Песня о Соколе», «Песня о Буревестнике», «Девушка и Смерть», «Макар Чудра», «Старуха Изергиль», «Челкаш», «Мальва», «Дед Архип и Ленька»;

2) семь рассказов из цикла «По Руси» (1907 – 1910): «Нилушка»,

«Женщина», «Ледоход», «Ущелье», «На пароходе», «Покойник», «Кладбище»;

3) семь рассказов периода 1924 – 1935 годов: «Проводник», «Туман», «Убийцы», «Мамаша Кемских», «Емблема», «Шорник и пожар», «Орел».

Было рассмотрено пятьсот глагольных метафор, выявлены их структурные типы и определена частотность использования того или иного типа в каждый из названных периодов творчества М. Горького.

Наиболее частотной оказалась субъектная метафора. Ее количественные параметры таковы: первый период творчества – 129 единиц, второй – 97, третий – 33.

Второй по частотности употребления является ситуативная метафора: первый период творчества – 67 единиц, второй – 24, третий – 11.

Наконец, самой низкой оказалась частотность употребления объектной метафоры: первый период творчества – 16 единиц, второй – 7, третий – 3.

Анализ материала показал, что наиболее полно и широко глагольная метафора представлена в произведениях, относящихся к раннему периоду творчества, что, несомненно, связано с романтическим характером большей части проанализированных произведений. По мере нарастания реалистических тенденций можно говорить о явлении «угасания» метафоризации.

Однако на всех этапах творческого пути А.М. Горького прослеживаются общие черты, заключающиеся, во-первых, в преимущественном использовании субъектного типа глагольной метафоры, во-вторых, в преимущественном использовании определенных семантических групп глаголов, что обусловлено спецификой мировосприятия писателя.

Ж.В.Грачёва

Точка в художественной картине мира В.Набокова

«Язык – дом бытия», – утверждал Хайдеггер. Писатель становится «избранныком» языка, который, по словам И.Бродского, «говорит человеком». И хотя художник слова, отражая работу собственного сознания, порой так далеко заходит в своём развитии, что «дело нередко кончается тем, что читатель становится авторской проекцией, едва ли ни с одним из живых существ не совпадающей» (И.Бродский),

однако автор, безусловно, в той или иной степени эксплицирует сознание нации, используя весь «космос» языковых средств. Одно из них – пунктуация.

Авторская пунктуация – один из элементов стиля писателя. Известно, что практически у каждого художника слова есть свои пунктуационные пристрастия. М.Горький и М.Цветаева особым образом привязаны к тире (введённому в пунктуационную практику Карамзиным), М.Е.Салтыков-Щедрин – к скобкам (знаку «вместительному» (М.Ломоносов), И.Бабель отдавал предпочтение точке (знаку «строчному» (М.Ломоносов): «Побольше точек! Это правило я вписал бы в правительственный закон для писателей. Каждая фраза – одна мысль, один образ, не больше! Поэтому не бойтесь точек» (И.Бабель).

Именно о точке, прародительнице всех знаков, и пойдёт речь. Появившись раньше других, она меньше всего подверглась семантической трансформации: её значение оставалось достаточно устойчивым, так как она несла в себе изначальность, основательность, подобно тому «кирпичу», который «закладывается» в фундамент любого здания.

В современной пунктуационной системе точка представляется знаком, имеющим ограниченное и вполне определённое число функций. В.И.Даль определил точку как «знак препинания, ставимый в конце речи, содержащей общий смысл». В Энциклопедии «Русский язык» (1998) она определяется как «одиночный разделительный знак препинания, отмечающий в тексте конец предложения и тем самым отделяющий предложение от следующего». Основное назначение точки определяется как «фиксация правой границы повествовательного предложения, а также побудительного без восклицания». Кроме того, отмечается факультативное употребление точки после именительного темы (при сегментации высказывания) и при парцелляции. Однако столь скучо перечисленные структурные возможности точки представляются сильно обеднёнными.

Современная пунктуация – явление системное. Она имеет двойную встречную векторность: «пунктуация от пишущего (направленность от смысла к знакам) и пунктуация для читающего (направленность от знака к смыслу)» (Валгина, с.239). Пишущий и читающий пользуются, как правило, сложившимся устойчивым пунктуационным знаковым кодом, наличие которого и позволяет (опираясь на традицию, становящуюся своеобразным фоном) нагружать знаки – и точку в том числе – новыми смыслами.

Точка – это знак, возникающий на стыке двух текстовых пространств. Она может быть поставлена на границе:

частей слова;

коммуникативных отрезков предложения (при сегментации и парцелляции);

двух смежных предложений;

двух смежных абзацев;

завершённого текста и «знаковой пустоты», т.е. открывающегося за ним пространства белой бумажной бесконечности в абсолютном конце повествования (абсолютность которого может оказаться относительной).

Заметим, что на точку как пунктуационный знак накладываются иные графические символы, некоторые из которых лишь условно можно назвать пунктуационными: точка и абзацное отступление; точка и абсолютный конец текста; точка и фиктивная большая или малая буква последующего слова, начинающего высказывание и др.

В этой статье пойдёт речь лишь об одном (из названных выше) случае постановки точки – на границе двух коммуникативных отрезков предложения, где точка может подвергаться особой семантической трансформации.

«Хорошо известно, какое потрясающее впечатление производит точка, поставленная вовремя», – писал К.Паустовский. Искусством ставить точку мастерски владел В.Набоков. Этот пунктуационный знак, кажущийся таким маловыразительным, приобретает особые функции в его творчестве при парцелляции.

Парцелляция (от франц. – *parcelle* – частица) – «способ речевого представления единой синтаксической структуры – предложения – несколькими коммуникативно самостоятельными единицами – фразами» (Энциклопедия «Русский язык», 1998). И.П.Распопов отмечает, что «существуют определённые правила парцелляции, хотя они в полной мере не выявлены» (Распопов, Ломов 1984, с. 278). По его мнению, парцелляция возможна на месте сочинительной или подчинительной фиктивной связи. «Во всяком случае, – замечает И.П.Распопов, – отчленение от состава предложения компонентов, обеспечивающих его конструктивное завершение, недопустимо. Так, от предложения *Толпа стремительно бросилась к набережной* (Л.Толстой) нельзя путём речевой парцелляции отчленить обстоятельство с пространственным значением *к набережной*, поскольку оно обязательно для завершения конструктивного состава предложения» (Распопов, Ломов 1984, с. 278).

Однако В.Набокову удаётся успешно нарушать, казалось бы, незыблемые правила. Так, в «Приглашении на казнь» В.Набокова читаем:

Помилуйте, – воскликнул директор, не замечая бес tactности слова. – Помилуйте! Долг. Я всегда. А вот почему, смею спросить, вы не притронулись к пище? (т. 4, с. 7).

В.Набоков не только отчленяет дополнение «долг», но и обстоятельство «всегда», связанное обязательным управлением с глаголом, при этом опуская сам глагол и разрушая прямой порядок слов. Писатель заставляет читателя искать ответ на вопрос: *Я всегда* – что (делаю)? Предшествующий парцелят «долг», казалось бы, даёт ответ. Однако не случайно поставлен в препозицию, потому что герой романа «всегда» *всё* (= *ничего*). Рядом с его «всегда» – пустота, точечный обрыв (автор намеренно не использует ни многоточие как знак многозначительного умолчания, ни тире как экспликацию русского словесного обрыва – «у бездны мрачной на краю»). Точка в данном контексте – знак скромный, почти незаметный, знак умственной и духовной ограниченности, «идиотичной» покорности.

Не менее интересен другой пример: *Цинциннат написал: «И всё-таки я сравнимительно. Ведь этот финал я предчувствовал этот финал»* (т. 4, с. 6). Так же, как в предшествующем примере, опущено сказуемое, требующее присутствия обязательного управляемого слова: *сравнимительно* – что (делаю)? Ответ опять же в предшествующем тексте. Однако необходимое слово не названо, потому что герой спешит поставить точку: мысль будто пугается и отступает: Цинциннат не хочет произнести её до конца, не спешит что-то утверждать. Точка словно «перебегает» в предшествующее предложение из последующего, в котором, согласно установленным правилам мышления, она должна была занять своё место. Так «рассекаются» привычные связи слов и выстраиваются новые, не имеющие места в обычной речи; так распадаются подчиняющиеся общепринятой логике смысловые цепи и возникают странные, неожиданные. Выстроенный таким образом текст передаёт состояние глубокого душевного беспокойства, ощущение распадающегося внутреннего мира. Момент внутренней «расколотости» Цинцинната передаётся через «расколотость» мира предложения: *Цинциннат сказал: – Любезность. Вы. Очень. (Это ещё нужно расставить).*

– Вы очень любезны, – сказал, прочистив горло, какой-то добавочный Цинциннат. «Собрано» предложение – возвращена целостность миру.

Одна из особенностей парцелляционного членения текста В.Набокова состоит в том, что писатель далеко не всегда использует этот приём в «чистом» виде. На парцелляцию могут накладываться и иные грамматические процессы: инверсия, изменение формы парцеллята и, как следствие, уподобление его неполному предложению и др.

Структуры, выражающие незаконченную, «суетящуюся» мысль, встречаются в романе «Приглашение на казнь» и с использованием многоточия, что даёт возможность провести аналогии: *Он был взлохмачен, потен. Он теребил левую манжету, и глаза у него кружились.*

— Запонку потерял, — воскликнул он, быстро, как пёс, дыша. — Задел обо что... должно быть... шалунья всегда... за фалды... всякий раз как зайду... я, главное, слышал, как что-то... но не обратил... смотрите, цепочка очевидно... очень дорожил...ну, ничего не поделаешь... может быть, ещё... я обещал всем сторожам... а досадно... (т. 4, с. 19).

Разные пунктуационные знаки приводят к тому, что образуются разные конструктивные единицы, отличающиеся смысловой наполненностью.

В первом случае мы имеем дело с осложнёнными парцеллированными образованиями, отражающими своей расчленённостью, обрывочностью нелепую трагичность происходящего. С одной стороны — радостно-тупая покорность тех, кто «всегда», с другой — настойчивое стремление Цинцинната сохранить «бабочку» своего «я», не дать расколоть «зеркало» сознания. Во втором случае перед нами обычные неполные предложения, передающие суетливую речь человека, озабоченного поисками столь значимой для него... запонки! Итак, многоточие воспринимается как явление естественное, немаркированное, как пунктуационный общеупотребительный код. Точка, напротив, становится знаком маркированности.

Функциональная значимость точки (как и прочих знаков) может быть выявлена и на основе иных её сопоставлений — в позициях при использовании одного и того же словесного ряда — лейтмотива: *Какая тоска. Цинциннат, какая тоска! <...> Какая каменная тоска, Цинциннат... Тоска, тоска, Цинциннат. <...> Тоска! Какая тоска, ах, какая... (т. 4, с. 27, 30).*

Эмоциональный спектр состояния, имя которого «тоска», передано через смену знаков препинания: точка — восклицательный знак — многоточие — точка — восклицательный знак — многоточие. Прав был А.Чехов, называвший знаки нотами при чтении. Точка в этом

экспрессивном движении начинает знаковый ряд. И не потому, что она подобна нижнему «до» – нейтральности чувства, почти полного его отсутствия. Точка здесь – сигнал особой эмоциональной крайности – «окаменелости», «раздавленности», состоянию, близкому к духовной смерти. Последующий восклицательный знак – это уже настоящий жизненный прорыв, когда душа «отогревается» и способна кричать. И вновь возникшее многоточие, сочетающееся с текстовой недоговорённостью, опять опускает эмоционально на «дно» боли.

Особо следует отметить такое явление, как антипарцеляция (термин Л.М.Кольцовой). Это процесс, обратный парцеляции: текст намеренно не дробится, хотя точка вполне может быть поставлена (и пишущий, как правило, это делает), но автор намеренно укрупняет структуру сложного предложения, придавая ему и единство, и многоплановость, и диалектическую сложность: «...смерть», — продолжая фразу, написал он на нем, — но сразу вычеркнул это слово; следовало — иначе, точнее: казнь, что ли, боль, разлука — как-нибудь так; веря карликовый карандаш, он задумался, а к краю стола пристал коричневый пушок, там, где она недавно трепетала, и Цинциннат, вспомнив ее, отошел от стола, оставил там белый лист с единственным, да и то зачеркнутым, словом и опустился (притворившись, что поправляет задок туфли) около койки, на железной ножке которой, совсем внизу, сидела она, спящая, распластав зрячие крылья в торжественном неуязвимом оцепенении, вот только жалко было мохнатой спины, где пушок в одном месте стерся, так что образовалась небольшая, блестящая, как орешек, плешь, — но громадные, темные крылья, с их пепельной опушкой и вечно отверстыми очами, были неприкосновенны, — верхние, слегка опущенные, находили на нижние, и в этом склонении было бы сонное безволие, если бы не слитная прямизна передних граней и совершенная симметрия всех расходящихся черт, — столь пленительная, что Цинциннат не удержался, кончиком пальца провел по седому ребру правого крыла у его основания, потом по ребру левого (нежная твердость! неподатливая нежность!), — но бабочка не проснулась, и он разогнулся — и, слегка вздохнув, отошел, — собирался опять сесть за стол, как вдруг заскрежетал ключ в замке и, визжа, гремя и скрипя по всем правилам тюремного контрапункта, отворилась дверь» (т.4, с.119).

Вернёмся, однако, к парцеляции и остановимся на её смысловых и стилистических функциях в художественном мире В.Набокова. Важно отметить, что парцелированные конструкции (как и присоединительные) позволяют влиять на соотношение темы и ремы (то есть

могут стать средством актуального членения предложения); они, практически всегда, связаны с намеренной порционной подачей текста и используются как средство выражения экспрессии.

На некоторых функциях парцелляции хотелось бы остановиться отдельно.

1. В.Набоков использует членение текста с помощью точки, стремясь передать разного рода движение, причём это может быть как перемещение тела в пространстве: *Прогулки. До водопада, до Сен-Клерк, до пещеры, где некогда жил отшельник. И обратно;* так и движение мысли: *Душа зарылась в подушку. Ох, не хочется! Холодно будет вылезать из тёплого тела. Не хочется, погодите, дайте ещё подремать.*

Двенадцать, тринадцать, четырнадцать, пятнадцать лет было Цинциннату, когда он начал работать в мастерской игрушек, куда был определён по причине малого роста <...> Он съел винную ягоду и опять зашагал по камере.

Девятнадцать, двадцать, двадцать один. В двадцать два года он был переведён в детский сад учителем разряда Ф, и тогда же на Марфиньке женился (т.4, с.14;16).

В последнем примере на движение «материальное» - Цинцинната по комнате - накладывается движение «идеальное» - сознания героя. В.Набоков, парцеллируя числительные, передаёт спокойное равнодушие времени, его неотвратимую поступь (отсчёт шагов-минут к месту казни), размежеванный стук часов, заведённых внутри каждого, - часов-судьбы.

2. С помощью точки при парцелляции В.Набоков погружает читателя в эмоциональные водовороты, характер которых может быть самым разным:

1) растерянность, но при этом стремление быть убедительным, отстоять собственную правоту (заранее ощущая поражение): *Затеряла, - ответила мать, когда она к ней обратилась за метрикой. Засунула и затеряла. Не знаю, ничего не знаю* (т.2, с. 100). Парцеллят повторяет предшествующее слово-версию и подтверждается новым парцеллятом;

2) вызревшую внутри настойчивость (при полном незнании житейских условностей, человек будто делает шаг в жизнь, но при этом сомневается, куда ступить): *«Не надо больше откладывать, - бормотал Лужин, обняв её и скрестив пальцы у неё на бедре. - Садитесь, садитесь, не надо откладывать. Давайте завтра вступим. Завтра. В самый законный брак»* (т.2, с.100);

3) возмущение-одобрение, утверждение крайней степени собственной правоты: *Поздравляю, налимонился*, - сказала хозяйка дома, глядя на Лужина, который, полураздевшийся и прикрытый пледом, лежал, как мёртвый, на кушетке гостиной. – *Поздравляю. До положения риз* (т.2, с.86);

4) просьба-отчаяние: «*Не выходи ты за него замуж, - изменившись в лице, проговорила мать. – Не выходи. Умоляю тебя. Ну, хочешь, - я бухнусь перед тобой на колени...*» (т.2, с.97);

5) детское удивление и любопытство «почему так?», ощущение ожидаемого, но всё же неожиданного чуда: *Наконец что-то содрогалось, приходило в движение, и через некоторый срок спускался лифт*, - уже пустой. Пустой. Бог весть, что случилось с ней <толстой француженкой>, - может быть, доехала она уже до небес и там осталась, со своей астмой, лакричными конфетами и пенсне на чёрном шнурке (т.2, с.96).

3. Изображение прерывистости мысли, её «суетливости»: *Вот я вам принесла (вытянула, вытягивая и подкладку, фунтик из кармана пальто). Вот. Конфеток. Сосите на здоровье* (т.4, с.75).

4. Имитация естественности разговорной речи: *Не заглядывайтесь, девица красная, - добродушно сказал Родион. Домой, домой. Убраното как у вас, а? Теперича и гостей принять не стыдно* (т.4, с.69).

5. Акцентирование внимания на определённых свойствах предмета (явления): *Подняла к лицу кувшин, стоявший в углу. Пустой, гулкий* (т.4, с.25).

6. Писатель с помощью точки, сочетающейся с другими знаками, передаёт сложную жизнь, текущую внутри человека: волнение; напряжённость слуха; остановку дыхания; состояние нехватки воздуха; где-то глубоко внутри и далеко за пределами тебя – стук сердца (или топора?): ... по всем хрящиков и позвонкам выхрустывал длинную тоску, весь вытянулся; вобрал воздух и подержал его с четверть минуты. Может быть: просто каменщики. Чинят. Обман слуха: может быть, всё это происходит далеко, далеко (выдохнул) (т.2, с.89).

7. Точка «в квадрате» (или даже «в кубе») как знак абсолютной безапелляционности, высшей степени решительности: *Я этого человека не могу бросить на произвол судьбы. И не брошу. Точка.* (т.2, с.90). Словесный знак накладывается на пунктуационный.

8. Парцеллирование ответа на незаданный вопрос. Таким образом акцентируется имплицитно поставленный вопрос, который восстанавливается на основе контекста: *И ещё: в голове у меня множество начатых и в разное время прерванных работ. Заниматься*

я ими просто не стану, если срок до казни всё равно не достаточен для их стройного завершения. Вот почему (т.4, с.8).

Точка может акцентировать, придавать вес любому члену предложения: «Неужели вы сегодня будете играть?» «В три часа. Против Мозера. Я вообще играю... как было сказано?» «Необычайно», - улыбнулась она (т.2, с.75); «Пойдёмте, - сказал он. – Я вам покажу. Там теперь должно быть пусто. И прохладно (т.2, с.56); «Первая – девушка со щенком, - стал вспоминать Эрвин. – Эта самая простенькая. Я, кажется, поспешил. Ну, всё равно. Затем две сестры у трамвайного столба. Весёлые, подкрашенные. С ними будет приятно» (т.1, с.315); «Я много вояжировал, - сказал Лужин. – Там и сям. Повсюду понемногу (т.2, с.65); «Дорожска, - сказал он. – Смотрите. Дорожска. Я шёл. И вы представьте себе, кого я встретил. Из мифов. Амура. Но не со стрелой, а с камушком. Я был поражён (т.2, с.65).

Встречаются и особые случаи. Например, парцеллирование подлежащего в препозиции: *Её мир. Её мир состоит из простых частич, просто соединённых; простейший рецепт поваренной книги сложнее, пожалуй, её мира, который она, напевая, печёт, - каждый день для себя, для меня, для всех* (т.4, с.35); отделение точкой придаточного предложения: *Совершенная тишина, - сказал он. – Чтоб была совершенная тишина. Валентин Иванович болен. Займитесь каким-нибудь делом. Но чтоб была совершеннейшая тишина* (т.2, с.24).

Итак, точка – знак чрезвычайно интересный и функционально сложный. Его смысловое «наполнение» оказывается возможно благодаря ассоциативности нашего мышления. В ассоциативный процесс втянуты в этом случае не образы (или иные единицы), а находящиеся рядом в структуре предложения синтагмы. Точка становится тем текстовым «узелком», где «завязываются» ассоциативные нити.

Распопов И.П., Ломов А.М. Основы русской грамматики. Воронеж, 1984.

Набоков В.В. Собр. соч.: В 4 т. М., 1990.

Н.В. Фоминых
Борисоглебск

«И вот, великой силой жеста...»

Из последнего десятилетия XX века шагнула в наши дни молодая наука – невербальная семиотика. Как считает один из ее отечественных основоположников – Г.Е. Крейдлин, «широкое привлечение внимания лингвистики и лингвистов самых разных традиций и школ к этой важной области знания, несомненно, приведет к интенсификации научных исследований, а применение разнообразных идей и методов лингвистического анализа способно принести новые и неожиданные результаты».

По определению данного автора, невербальная семиотика – это наука, предметом которой является невербальная коммуникация и, шире, невербальное поведение и взаимодействие людей.

Поскольку основные функции невербальной и вербальной коммуникации совпадают (передавать информацию, выражать чувства), постольку возможен адекватный перевод единиц одной системы в единицы другой. Но описать единицы невербальной системы коммуникации можно только с помощью вербального языка, обратных операций не существует.

Как естественный, так и жестовый язык неотделим от культурно-исторического пространства. «Параллельное существование и взаимодействие языка тела и языка слов в коммуникативном акте возможно в силу того, что глубинные процессы, лежащие в основании невербальной и вербальной деятельности человека, в существенных отношениях, по всей видимости, аналогичны», считает Г.Е. Крейдлин.

Отражение этого взаимодействия находим в художественных текстах, призванных быть «внешне чувственным выражением той или иной внутренне данной духовной жизни» (А.Ф. Лосев).

Обратимся к поэзии М.И. Цветаевой, чья поэтическая строка вынесена нами в заглавие статьи. Одной из особенностей творчества автора является высокочастотное использование жестовой лексики. Мы отмечаем в поэтических текстах Цветаевой вербальное воплощение как тривиальных и иконических жестов, так и жестов, выраждающих абстрактные идеи, жестов – символов, жестов – эмблем.

В творчестве данного поэта сама лексема «жест» является высокочастотной, а кинема, имеющая знаковую природу (жест в

отличие от незнаковых телодвижений), становится предметом художественного осмыслиения и поэтического воплощения.

Рассмотрим три различные по тональности, но идентичные по способу построения и передаче динамики развития темы стихотворения: «Три поцелуя» 1910 год, «В лоб целовать...» и «Вечеру выходят семьи» 1917 год, имеющих одинаковую стержневую конструкцию создания многогранного образа любви (любовь – судьба, любовь – разлука, любовь – соблазн). Данная конструкция является вербализацией адаптивного (по мнению Г.Е Крейдлина) жеста «поцелуй».

Адапторами, вслед за Г.Е. Крейдлиным, будем называть материальные объекты и звуки от них, которые принимают участие в акте коммуникации и часто семиотизируются.

Текст стихотворения «Три поцелуя» построен в виде трех зарисовок, каждая из которых соотносится с конкретным временным отрезком жизни лирической героини (= женщины вообще): детство, молодость, зрелость - и ее состоянием: предчувствие любви, любовь с предчувствием ее конца, утрата любви, приводящая к одиночеству.

Основную смысловую нагрузку в рассматриваемом тексте несет вербальное воплощение смены отнесенности адапторов: ее (рука), его (рука), своя (рука).

Поцелуй кукольной ручки не символичен вне контекста (как жестового, так и вербального). Но у Цветаевой он приобретает знаковый характер, который в вербальном контексте поддержан лексемами «смеясь» и «губки»: детский восторг и ожидание любви.

Предчувствие расставания, конца любви в самом расцвете сил передается через вербализацию жеста «поцелуй мужской руки». Смысл поддержан наречием «задумчиво» и отсутствием названия адаптора тела – «губы», что как бы и «размывает» жест, т.к. прильнуть можно и щекой. Одиночество, отчаяние реализуется через вербальную передачу поцелуя (не - поцелуя) собственной руки. Смысл поддержан предложно-падежной формой «в слезах» и существительным «губы». Скорее всего, что в данной ситуации поцелуй как такового может и не быть вовсе (кому придет в голову целовать свою руку?), а жест поднесения руки к губам – жест сдерживания рыдания (синоним «закрыть рот рукой»).

Жестовая коммуникация, переведенная на естественный язык и ставшая фактом поэтического освоения, явилась основой воплощения идеи быстротечности жизни и отсутствия женского земного счастья.

Иная картина развертывается в тексте стихотворения «В лоб целовать...», хотя и в нем структурным и семантическим центром

является вербализация адаптивного жеста «поцелуй» со сменой адапторов, лежащих в одной плоскости – лицо (лоб – глаза – губы – лоб). Значимым становится направление движения: сверху – вниз, а затем – резко вверх, как бы перечеркивая начальное направление. Вербализация данной жестовой коммуникации, носящей не просто знаковый, но символический характер, волей автора совмещает устоявшуюся семантику жестов «целовать в лоб»: в первой строке «благословлять», а в последней – «прощаться с покойником» (ср. у нее же):

Хочешь – целуй
В желтый лоб,
А не хочешь – так
Заколотят в гроб)

с окказиональными, авторскими смыслами: «заботу снять» и «память стереть», что опять же создает на минимальном текстовом пространстве вселенскую драму человеческих отношений.

И, наконец, третий поэтический текст: «Вечеру выходят семьи». На первый взгляд перед нами набор сюжетных открыточек, запечатлевших сценки галантного 18 века. Но словесные «картинки» связаны вербализацией жестовой коммуникации, являющейся воплощением развития отношений героев стихотворения. И вновь перевод с языка тела на естественный (в данном случае – поэтический) язык становится структурной основной создания динамического, стремительного развития отношений между героями. В последнем тексте при наличии все той же вербализации адаптивного жеста «поцелуй» со сменой адапторов (теперь это различные материальные объекты) перед нами развертывается картина соблазнения дамы господином, полная иронии, которая формируется на основе вербализации последовательно меняющихся адапторов в направлении «снижения»: от символического «целовать розу» и «целовать руку» к знаковому «целовать платье» и затем к тривиальному «целовать очи» и близкому к физическому действию «целовать в губы».

Тексты крупного поэта XX века – М.И. Цветаевой – изобилуют вербализованной «жестикуляцией», что придает им особый динамизм и накал передаваемых чувств.

Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика в ее соотношении с вербальной. Internet, 2004.

Григорьева С.А., Григорьев Н.В, Крейдлин Г.Е. Словарь языка русских жестов. Москва – Вена, 2001.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1982.

Цветаева М.И. Собрание сочинений в семи томах. Т. 1-2. М., 1994.

Л.Н.Дьякова

Коммуникативные особенности русской авторской песни

Авторская песня – это типично русское явление. Она занимает особое место как в русской культуре, так и в русском коммуникативном сознании. Русская авторская песня фактически представляет собой особый коммуникативный жанр – музыкальный разговор по душам, который для русского общения, как известно приоритетен (Стернин 2000, 2002)

Это проявляется в том, что в авторской песне очень часто актуализируются мотивы дружбы, сочувствия, понимания другого человека, взаимопомощи в трудную минуту, обсуждение личных психологических проблем, бытовых трудностей, в ней содержатся искренние монологи от первого лица на самые сокровенные для человека темы

Искренность, эмоциональность, откровенность – важнейшие характерологические черты разговора по душам, и мы находим все эти коммуникативные качества в текстах авторской песни.

Текст авторской песни предполагает *неформальность общения*, к которой так стремится русский человек. И опять мы находим это в бардовской песне.

«Неформальность» текста бардовской песни в языковом плане проявляется в широком использовании в текстах бардов разговорных, неформальных (но не вульгарных!) слов и выражений, в обилии дружеских обращений, использовании простого языка.

В содержательно-тематическом плане неформальность бардовского текста связывается как с традиционно неформальными местами исполнения самой песни, так и с пространством существования лирического героя – *лес, костер, поход, горы, тундра, море, река, дорога, переносимые физические трудности*. Есть своеобразные «фирменные» бардовские песни – и для путешествия по реке, и для альпинистов, и для военных и т.д.

Лирический герой бардовской песни часто оказывается в таких ситуациях и пространствах как *вокзал, аэропорт, пристань, причал, прощальная линейка в спортивном лагере, турбаза, отъезд, расставание* и т.д. Бардовская песня помогает русскому человеку

выразить его эмоциональное состояние при прощании, расставании с близкими друзьями – «Милая моя» (Ю.Визбор), «А все кончается, кончается, кончается...» (В.Конер).

Исполнение авторской песни связано с неформальностью самой обстановки исполнения. Даже если авторская песня звучит в зале, зрители ведут себя достаточно неформально, сидят на ступенях зала или на полу, поют, сидят обнявшись, раскачиваются и т.д.

Неформальность, таким образом – это и условие исполнения авторской песни, и «эффект» от ее исполнения: будучи исполняема, она неизменно создает неформальность коммуникативной ситуации.

Таким образом, практически все качества разговора по душам ярко обнаруживаются в текстах русской авторской песни. Видимо, именно поэтому этот музыкальный жанр получил такое развитие и продолжает развиваться именно в России.

Стернин И.А. Русское коммуникативное поведение // Проблема национальной идентичности в литературе и гуманитарных науках XX века. Воронеж, 2000, с.95-128.

Стернин И.А. Авторская песня и русское общение //Городской романс и авторская песня. Воронеж. 2002, с.135-138.

Проблемы общения в художественной литературе

И. В. Ананьевская

Проблемы общения в пьесе Тома Стоппарда "Хэпгуд"

Драматические произведения являются идеальным материалом для анализа проблем общения в художественной литературе, так как речь героев, являясь художественным текстом, максимально приближена к спонтанной разговорной речи, стандартной речевой практике.

На примере пьесы Тома Стоппарда (1937) “Hapgood”, которая была впервые опубликована в 1988 году, можно наглядно продемонстрировать тот факт, что общение следует рассматривать как обмен социально значимой информацией. Характер коммуникации всегда обусловлен культурой, а в ситуации межкультурной

коммуникации – культурной разницей. Несоответствие культурных традиций и отсутствие информации о существующих различиях приводит к сбоям коммуникации. Так, герой-американец, привыкший к тому, что сотрудники обращаются друг к другу по имени, воспринимает стандартное для британцев обращение по фамилии как знак враждебности, а не просто как нейтральную форму обращения.,

Примером невербальной коммуникации может служить следующая ситуация: русский герой и англичанка, имеющие общего ребенка, не находят взаимопонимания по поводу подарков. Отец посыпает ребенку шоколад, что в русской (советской и постсоветской) культуре широко распространено. Шоколад является качественным и дорогим продуктом, а значит достойным подарком. Более того, в тот период времени, который охватывают события пьесы, шоколад являлся дефицитным товаром. Таким образом, для русского отца он маркирован как нечто очень ценное, проявление искренних чувств.

С другой стороны, мать ребенка, живет в стране, где существует культ здоровья и широко распространено рациональное питание, где все товары одинаково доступны, их ценность в качестве подарка определяется не их «социальным статусом», а реальной пользой или вредом для здоровья, целесообразностью и разумностью употребления. Поэтому она воспринимает шоколад как продукт, вредный для здоровья ребенка. Для нее поступок отца совершенно не понятен, поскольку чужда мотивация.

В целом, на примере данной пьесы можно увидеть, как автор использует различные виды коммуникации как способ характеристики героев, как один из инструментов, позволяющих создать образ.

В.И. Вьюшина

Формы коммуникативного поведения в романе Дж. Апдайка «Гертруда и Клавдий»

«Гертруда и Клавдий» (2000) – один из последних на сегодняшний день романов Дж. Апдайка. Это попытка автора, облеченная в неоднозначную художественную форму, остановиться и подумать, заострить внимание на привычном; это последняя версия старой трагедии, а если быть точнее – история предыстории сюжета трагедии великого английского драматурга У. Шекспира «Гамлет, принц датский».

В центре повествования Апдайка жизнь Гертруды, ее взаимоотношения с мужем, королем Горвендилом, ее страсть к брату короля, Фенгону, ее сложное чувство к сыну – Амлете.

На первый взгляд, перед нами роман – типичное создание прозаического жанра. Но посмотрим глубже: характер конфликта, действие как движущая сила событий, композиция произведения, манера повествования и построение диалогов, роль автора-рассказчика, расстановка действующих лиц и многое другое говорят в пользу того, что в романе следует искать свойства не просто другого литературного рода, а другого искусства – сценического, театрального, драматического.

Драма, пьеса драматического характера, сама по себе диалектически сочетает художественную целостность, завершенность, самоценность со способностью к эстетическому освоению, «оживлению» средствами иного искусства. Такая двойственность предназначения проистекает из того, что драма, являя собой самостоятельный род искусства словесного, в то же время призвана стать основой искусства сценического. Эта исторически обусловленная двойственность определяет многие коренные закономерности драмы, ее специфику. Некоторые из этих закономерностей мы и постараемся обнаружить в романе «Гертруда и Клавдий».

Форма драмы сочетает диалог и монолог героев с прямым указанием со стороны автора на поступок или состояние героя в виде ремарок.

Диалоги в романе разнообразны, и в зависимости от того, между кем они ведутся, различаются характером построения, ритмом, прямотой и эмоциональностью высказываний собеседников. Это бойкие и хлесткие словесные поединки между Гертрудой и ее отцом, своего рода дипломатические, «опасные» своим подтекстом, «скользкие» беседы Гертруды и придворного Корамбиса, почти открытые, но всегда с недосказанностью разговоры королевы и Горвендила, диалоги-игра, диалоги-флirt Гертруды и Фенгона.

Диалоги и монологи романа, обставленные в каждой сцене своими собственными декорациями, обрамленные массой описательных деталей, диалоги и монологи, создающие коллизию, как в драме, и ведущие или проистекающие от действия, по-настоящему драматические. Еще В.Г. Белинский подобные диалоги характеризовал так: «Если, например, двое спорят о каком-нибудь предмете, тут нет не только драмы, но и драматического элемента; но когда спорящиеся, желая приобрести друг над другом поверхность, стараются затронуть

друг в друге какие-нибудь стороны характера или задеть за слабые струны души, и когда через это в споре выказываются их характеры, а конец спора ставит их в новые отношения друг к другу – это уже своего рода драма».

Порой в речь героев романа вплетаются стихотворные строки – цитаты из трагедии «Гамлет, принц датский». Особое внимание обращает на себя почти дословное цитирование второй сцены первого акта шекспировской пьесы, в которой только что коронованный Клавдий беседует с Лаэртом и Гамлетом.

«Все живущее умрет... и сквозь природу в вечность перейдет», «пусть мать тебя не тщетно просит, Гамлет; останься здесь, не езди в Виттенберг», – слышит читатель Гертруду. «Здесь в ласке и утеше наших взоров, наш первый друг, наш родич и наш сын», – уверяет Клавдий. Это своего рода вольный пересказ одной и той же сцены – начинаящей пьесу Шекспира и завершающей повествование Апдайка. Текст в тексте, игра с подтекстом и декорациями, говорящие детали – прием постмодернизма на почве романа-легенды.

Так Апдайк, на основе шекспировского диалога, используя многочисленные цитаты и аллюзии, выстраивает свою концепцию событий в Эльсиноре, а главное – стремится определить настроения и возможную мотивацию будущих поступков героев. Ведь финал романа – это ясное небо и птичье щебетанье после грозы для Клавдия и Гертруды, затишье перед грозной бурей – для Гамлета. Основное действие сыграно, скоро занавес, «занимается эра Клавдия, она воссияет в анналах Дании», – думает король, «ну а прочее – всего лишь пустое театральное зрелище». В словах героя, описательных характеристиках сквозит не просто ирония, здесь торжествует авторский сарказм.

В романе «Гертруда и Клавдий» Джон Апдайк проявляет себя как хороший сценарист и умелый режиссер-постановщик. Выстраивая условное пространство романа-драмы, автор искусно разрабатывает каждую сцену действия, и новая литературная легенда обретает жизнь на страницах «Гертруды и Клавдия».

С.Д. Жиронкина

Общение и взаимоотношения героев в романе М. Юрсенар «Философский камень»

Роман «Философский камень» М. Юрсенар описывает мир «чудовищного распада» (В. Ерофеев), который олицетворяет

Фландрия XVI столетия. Во взаимодействии героев, в общении раскрывается то противостояние, которое царит в обществе. В романе сталкиваются представители различных социальных групп, религиозных конфессий. В конфликте между собой - высшее сословие и народ, католики и протестанты, человек и власть, разум и вера. Это была «одна из тех эпох, когда разум человеческий взят в кольцо пылающих костров» (М. Юрсенар).

На этом историческом материале М. Юрсенар решает одну из самых значительных проблем человеческого существования – проблему самотворчества, самосозидания. Главный герой романа, Зенон – образ ренессансного человека, ярко одаренная личность. Он, уже в самом начале определяет свою жизнь как путь к себе. Этот мотив, на наш взгляд, обуславливает во многом специфику взаимоотношений в романе М. Юрсенар. В общении раскрывается вся глубина одиночества главного героя. Так, в беседе с Анри-Максимилианом Зенон рассказывает брату о своей жизни, но диалог постепенно перерастает в монолог главного героя. Ему уже не важно понимает его собеседник или нет, он таким образом пытается осмыслить свою жизнь, подводит своеобразный итог пережитому.

Взаимоотношения главного героя с другими персонажами романа достаточно поверхностны, эти люди появляются и исчезают в его жизни, словно актеры на сцене. Как это ни парадоксально, но с единственным человеком, который был ему дорог и близок, Зенон обходился вообще без слов. Слуга Алей не понимал языка своего хозяина, но это не мешало ему любить Зенона и быть ему преданным.

В романе есть только один человек, приор францисканского монастыря Луи де Берлемон, в общении с которым Зенон достигает истинного взаимопонимания. Эти два человека имели различный жизненный опыт. Безусловно, они во многом расходились. Даже язык приора, «добросовестного христианина» и «верного подданного короля», был чужд Зенону. Тем не менее, они были способны видеть истину, скрывающуюся за словами. Кроме того, приор обладал еще одним замечательным качеством, благодаря которому они находили взаимопонимание: он был терпим к инакомыслию. Как нам представляется, приор Луи де Берлемон и алхимик Зенон воплощают в романе идею возможного (может быть, в будущем) согласия и примирения в обществе.

Роль диалога в малой прозе Генриха Бёлля

Малая проза крупного немецкого писателя Генриха Бёлля, лауреата Нобелевской премии 1972 года, отличается своеобразием структурного и содержательного уровней. В коротких рассказах, занимающих в творчестве Бёлля не последнее место, важная роль отводится не столько действию, сколько коммуникативным ситуациям, в которых раскрывается внутренний мир героя.

Диалог как оригинальный способ осуществления авторской интенции выполняет функцию репрезентации уникального подтекста в произведениях Г.Бёлля. Принцип недосказанности, положенный писателем в основу диалога, позволяет раскрыть на уровне художественного содержания текста суть внутренне напряженных ситуаций, участником которых становится действующий герой. При этом коммуникацию в коротких рассказах Бёлля редко можно назвать состоявшейся, психологически полноценной, что обусловлено духовной разобщенностью бёллевских героев друг с другом и с окружающим миром.

Подобная отчужденность проявляется прежде всего в демонстративном нежелании понять Другого. Диалог, созданный Бёллем, отличается немногословностью и некоторой эмоциональной сдержанностью, которые, однако, как нельзя лучше позволяют читателю почувствовать психологический настрой героя.

Например, в рассказе «Смерть Эльзы Басколейт» (цикл «Когда кончилась война») с мастерским психологизмом показана трагедия отца Эльзы, погибшей во время войны. Уже много лет подряд с «беспомощным отчаянием» во взгляде старый Басколейт повторяет, что его дочь умерла, мысль об этом преследует его постоянно. Диалог между Басколейтом и женщиной, покупающей у него песок для чистки посуды, свидетельствует о том, что несчастный отец и покупательница живут в разных мирах: внутренняя отчужденность героев приводит к тому, что диалог между ними не состоялся. Именно в диалогическом подтексте кроется глубинный смысл изображаемых ситуаций: писатель показывает, что причиной взаимного непонимания является безразличие героев друг к другу.

Одной из самых актуальных в прозе Бёлля стала проблема разноречия. В частности, диалогическая форма организации текста помогает читателю почувствовать диссонанс в общении на

культурологическом и психологическом уровнях. Диалог при этом можно определить как тщетную попытку приобщиться к иной культуре.

В подобной ситуации оказывается герой короткого рассказа «В стране руюков» (цикл «Город привычных лиц»). Изучая в течение многих лет язык и нравы загадочного племени, он мечтает о том дне, когда сможет отправиться в край руюков. Но абсолютное знание языка и культуры этого народа не спасает ученого от непонимания: разговаривая с настоящими руюками на их поэтичном языке, рассказчик слышит в ответ циничный американизированный сленг членов племени, сознание которых опошлено голливудскими кинофильмами.

Диалог у Бёлля выступает также как способ раскрытия позитивных качеств личности, оказавшейся в психологически сложной ситуации, но способной найти единственно верный, морально оправданный путь («Остановка в X.»). Равным образом диалог в малой прозе Бёлля призван раскрыть и диаметрально противоположные душевые качества человека. В рассказе «Когда началась война» из одноименного цикла такую роль сыграл диалог новобранца и служителя церкви. Именно в споре с солдатом, для которого начало военной кампании стало трагедией, капеллан проявил подлость и лицемерие.

В коммуникативных ситуациях, представленных в малой прозе Генриха Бёлля, раскрываются характеры персонажей и выявляются причины их взаимного непонимания.

Форма диалога служит целям репрезентации психологических характеристик героев и позволяет представить различные дискурсы в их взаимодействии.

Kunz J. Die deutsche Novelle im 20. Jahrhundert. Berlin, 1977.

Белль Г. Город привычных лиц: Рассказы / Пер. с нем. Л. Лунгиной. – М., 1965.

Белль Г. Избранное. М., 1987.

История литературы ФРГ. М., 1980.

Топор П. М. Овладение реальностью. М., 1980.

**Формы литературного общения
и литературные нравы эпохи в новелле В. Гауфа
«Последние рыцари Мариенбурга»**

Творчество В. Гауфа нельзя однозначно определить как чисто романтическое. Уж слишком часто автор обращается к проблемам современной действительности и решает их в таком конкретном ключе, который заранее исключает любое романтическое толкование. Недаром А. Штифтер, имея в виду сказки молодого писателя, пишет: «что водоворот современной жизни увлек автора прочь от мира прелестных мечтаний и к его почти идеальной фантазии, примешал так много земного и преходящего» (Reiman 1956, S. 459).

Творчество В. Гауфа находится на границе романтизма, во многом предвосхищая идеи и формы еще не созревшего реализма. По словам А. Б. Ботниковой, «в творчестве В. Гауфа, еще не разорвавшего с романтической традицией, наглядно виден процесс перехода к новым принципам художественности» (Ботникова 1986, S. 20).

В своих произведениях, особенно в новеллах, писатель прибегает к принципиально новой стилистике, широко используя «чужое слово», тогда как романтическая проза в большинстве своем «монологична». Речь героев в романтическом произведении, как правило, не индивидуализирована. Персонажи «Генриха фон Офтердингена» Новалиса, например, разговаривают одинаково. Приведем один из диалогов романа, где купцы обсуждают особенности горного дела.

Заметим, что если переписать текст, используя только реплики и располагая их сплошным потоком, то разобраться, кто же говорит в данный момент, будет, без преувеличения сказать, невозможно. Прямая речь ничего не рассказывает о говорящем. Не ясны ни его происхождение, ни возраст, ни социальный статус, ни уровень образования, ни характер. Однако в процессе развития романтического движения происходят изменения в природе художественного слова, оно начинает включать в себя элементы живой речи. И тем самым как бы диалогизируется. Новеллы В. Гауфа привлекают внимание, прежде всего, включением «чужого», «объектного» слова, благодаря тому, что изображают реальные формы человеческого общения.

В новелле воспроизводятся литературные нравы эпохи. В центре фабульного действия - литературный мир, в котором врачаются

писатели, поэты, драматурги, издатели, одним словом, люди, так или иначе связанные с литературой.

На переднем плане любовная интрига. В молодую девицу Элизу Вильков, украшение литературных салонов, влюблена скромный молодой человек весьма далекий от искусства – штальмейстер Ремпен. Девушка в свою очередь старается подавить в себе тайную страсть к референдариусу Пальви – человеку без денег, с плохой репутацией, несправедливо оклеветанному. Пальви – тоже литератор. Желая добиться любви Элизы, он пишет исторический роман «Последние рыцари Мариенбурга», мгновенно завоевавший успех публики. В новелле множество других действующих лиц, как правило, бездарных литераторов, составляющих абсолютное большинство и создающих общественное мнение.

В «Последних рыцарях Мариенбура» В. Гауф пытается выйти за рамки канонов монологизма. Он не только воссоздает реальную атмосферу эпохи, но и старается оживить речь персонажей, используя, как сказал бы М. Бахтин, «объектное слово». В этом смысле представляются интересными реплики продавца книг Капера. Помимо того, что они пестрят специальными словами, уместными в устах человека этой профессии (Oktav, Verlag, Bogen, Lithographie и т.д.), но и содержат слова профессионального жаргона. Слово *Krebse* в прямом значении – раки, в словаре книгопродавца – непроданные книги. Речь персонажа характеризует его как изворотливого, бесстрастного дельца, для которого главное в книге – это спрос на нее. «Deutsche Literatur! Was ist denn anders, als was man allährlich zweimal in Leipzig kauft und verkauft?» (Немецкая литература! Что это, как не то, что дважды в год покупается и продается в Лейпциге?), – возглашает он (Hauffs Werke in zwei Bänden, S. 186. В дальнейшем страницы этого издания указываются в тексте в скобках).

«Слушая» голос Капера, читатель, не нуждаясь ни в откликах других действующих лиц, ни в ремарках автора (которых, кстати сказать, и нет в тексте), с легкостью составит мнение об этом персонаже. Книготорговец изображен бездушным и крайне циничным человеком. Другой герой новеллы, доктор Цундлер, показан В. Гауфом напыщенным, самодовольным хвастуном, вообразившим себя известнейшим поэтом. Его высказывания с головой выдают все эти черты характера. Не случайно ему принадлежат слова: «Ich denke, die Welt zählt mich zu Deutschlands Dichter» (233). (Я думаю, свет причисляет меня к Поэтам Германии). Голоса общественного мнения с его характерной для эпохи стилистикой звучат в репликах действующих лиц, оценивающих Цундлера. Ремпен называет его

«племянником муз», горничная главной героини Элизы Вильков – «прекрасным господином». Однако, позже из рассказа референдалиса Пальви - настоящего романтического героя, мир узнает некрасивую правду об этом человеке. В финале выясняется, что свои гениальные стихи Цундлер покупал за копейки у старого магистра Бункера.

Бюртембергский магистр Бункер оказывается, пожалуй, самой колоритной персоной в новелле. Это мудрый мыслитель, талантливый поэт, ученый с широким кругозором, одновременно, он – отшельник и пьяница. Его манера говорить отличается сочетанием грубых просторечных выражений (Kramm, Narr, armer Teufel) и глубокомысленных замечаний. Магистр увлеченно рассуждает о литературе, истории, обществе. Порой он бывает бесцеремонным. Лучшему другу вместо приветствия старик бурчит: «*Sind lange ausgeblieben*» (213). (Давно не виделись).

Бункер подкупает своей, честностью, открытостью. Он всегда говорит правду, как бы горька та не была. Зная, что возлюбленная отвергла Пальви, магистр, не стесняясь в выражениях, объясняет: «*Ihr seid ein Narr! Sie mag euch nicht. Ihr seid ein armer Teufel und gehört nicht in diese sozietät*» (195). (Вы дурак! Она Вас не любит, она Вас не хочет. Вы бедняк и не принадлежите к этому обществу). Именно благодаря речи старого Бункера, его образ в «Последних рыцарях» оказывается самым удивившимся, самым ярким и живым.

Воспроизведя современные формы бытового общения, В. Гауф не ограничивается этим. В повествование включаются элементы «несобственно-прямой речи» или того, что немецкое литературоведение называет «*erlebte Rede*». Это косвенная речь, включающая в себя кроме слов рассказчика слова какого-либо персонажа.

Рассмотрим пример: «*Wenn er zuweilen in freundlichem Geplauder mit ihr war, wenn sie so traulich, so natürlich ihm von ihrem Hauswesen, ihren Blumen, ihren Vergnügen erzählte, wenn er sich ganz selig fühlte, dass sie so lange, so gerne zu ihm spreche - so führte gewiss ein feindlicher Däman einen jener Literatoren oder Dichter herbei, deren diese gute Stadt zwei Dutzende zählte, und Elise war wie ausgetauscht*» (193). (Когда он по временам болтал с ней по-дружески, когда она так доверчиво, так натурально рассказывала ему о домашнем хозяйстве, о своих цветах и своих развлечениях, когда он чувствовал себя вполне счастливо, что она так долго, так охотно говорит с ним – обязательно появлялся враждебный демон, какой-нибудь литератор или поэт, которых этот милый город насчитывал пару дюжин, и Элизу будто подменяли).

В приведенном отрывке рассказ ведется от лица автора, но в нем имеются слова немногого выпадающие из общего ряда: «*ein feindlicher*

«Dämon» - словосочетание имеет яркий оценочный характер. Эти слова могли принадлежать только самому герою. Подобные незакавыченные цитаты из чужой речи мы часто используем в жизни. «Erlebte Rede» помогает В. Гауфу «оживить» описываемые события.

Воспроизведя живую речь эпохи, писатель заставляет своих героев зачастую употреблять модные словечки и идиомы: французские заимствования – *en miniature, vis-a vis, Rouladen, Point de reunion, ennuieren*; общепринятые обращения XIX века: *wertgeschätzter, wertester, bester*; и просто устойчивые сочетания того времени: «*belesenes Frauenzimmer*» - стесненное положение. Изображение форм современного общения позволило писателю не только придать повествованию элементы полифонического звучания, но и значительно расширить сферу художественного освоения разных (еще не бывшим предметом искусства) сторон действительности.

Hauffs Werke in zwei Bänden. Aufbau-Verlag Berlin und Weimar. 1983. Bd. 1.

Reiman P. Hauptströmungen der deutschen Literatur 1750 – 1848. Beiträge zu ihrer Geschichte & Kritik. Dietz Verlag. Berlin, 1956.

Ботникова А.Б. Вильгельм Гауф. // Wilhelm Hauff. Auswahl. М, 1986.

А.Э. Воротникова

Концепция взаимоотношений полов и проблема языка в романе И. Бахман «Малина»

Все творчество известной австрийской писательницы Ингеборг Бахман (1926-1973) пронизано светом двух тесно взаимосвязанных проблем – это взаимоотношения мужчины и женщины и человеческий язык как утратившее свою исконную силу средство коммуникации в современном мире. В романе «Малина» (1971) эти проблемы получают свое наиболее законченное художественное воплощение.

Особую идейную значимость приобретает в произведении выбор повествовательной перспективы – действительность представлена через призму сознания главной героини, безымянного Я. Женщина в романе как носительница интуитивного, иррационального начала не принимает механистическую цивилизацию, создание мужчин. Более того, она даже не интересуется внешней реальностью. Вопросы

политики и права, над которыми привыкли ломать голову мужчины, если и занимают ее, то только с точки зрения морали.

Однако существование героини вне общественного бытия оказывается чреватым постепенным погружением в асоциальную стихию бессознательного, где господствуют ночные кошмары, причудливые фантазии, загадочные видения, отмеченные печатью угасания разума и торжества смерти.

Единственным связующим звеном с обществом, а следовательно, с жизнью, становится некто Иван (обобщенный образ мужчины), любовь к которому придает бытию Я высший, истинный смысл. Любовь трактуется в романе как целительная сила, способная спасти не только отдельную личность, но и все мирозданье.

Обновление жизни должно начаться, по убеждению автора, с преобразования языка, вобравшего в себя несовершенство законов человеческого общежития. Любовь главной героини к Ивану открывает для нее глубинные богатства языка, его ранее не познанные потенции. «Головные» и телефонные фразы приобретают ритуальный характер. Но еще более действенными оказываются иные – невербальные – средства общения: молчание, жесты и взгляды, язык тела.

Расставание с Иваном, для которого любовь не более чем игра, воспринимается Я не только как крушение в сфере личного бытия, но и как трагическая потеря всех связей с внешним миром, закономерным итогом чего становится бегство в смерть.

Таким образом, концепция взаимоотношения полов и роли в них языка носит в романе «Малина» ярко выраженный амбивалентный характер. Упование только на любовь как единственную силу, преобразующую мир, таит в себе опасность полной зависимости от мужчины, а, следовательно, утраты собственной личности. Ответственность за невозможность личностной самореализации в любви писательница возлагает в конечном счете на общество, довольствующееся взаимным отчуждением людей, лживым официальным языком, ходульными образами этики общежития. Не случайно гибель главной героини оценивается медиумом-автором, появляющимся в конце романа, не как самоубийство, а как убийство.

Русский язык глазами студентов

А.Лебедева

Концепты «семья» и «family» в русской и английской концептосферах

Концепты «семья» и «family» играют большую роль в концептосферах русского и английского народов. Об этом свидетельствует большое количество слов, образующих соответствующие лексико-фразеологические поля, высокая их частотность, множество пословиц и поговорок с этими словами.

Необходимо отметить, что благополучие в семье воспринимается как счастье (Любовь да совет - так и нуждочки нет. На что и клад, коли в семье лад). Люди тяжело переносят разлуку с домом (Dry bread at home is better than roast meat abroad – дома и солома съедома; there no place like home – в гостях хорошо, а дома лучше). Однако у обоих народов представление о семье, об отношениях между членами семьи и даже о составе семьи отличается.

В пределах одной семьи выделяют разные группы родственников (родители и их дети, родственники со стороны мужа, родственники со стороны жены, сваты и т.д.)

В слове «family» выделяется 3 значения. Семья – это «группа людей, состоящих из одного или двух родителей и их детей». Это первое значение лексемы «family». Второе значение вбирает в себя первое значение плюс близкие родственники. Третье значение – это люди, связанные родством, включая тех людей, которых сейчас нет в живых.

Интересно отметить, что во всех значениях слова «family» говорится о составе семьи, а не об отношениях между ее членами. В английском языке существуют сочетания, которые уточняют состав семьи: nuclear family (букв. ядерная семья)- семья, состоящая из мамы, папы и детей; immediate family (букв. ближайшая семья) – семья, состоящая из самых близких родственников; extended family (букв. расширенная семья) – семья, в которую входят, кроме родителей и детей, такие близкие родственники, как дяди, тети, бабушки, дедушки и т.д. В английском языке есть лексемы kindred (семья и родственники), kin (семья или родственники), такое выражение, как next of kin (самые близкие живые родственники).

В русском языке не отражены четкие границы между определенными группами родственников, не выделены лексемы и фразеологизмы, называющие разные уровни семьи (как в англ. *nuclear family, extended family*), хотя русский человек, несомненно, выделяет эти явления в окружающей действительности. Если эти явления не имеют стандартного языкового выражения, то это значит, что они коммуникативно нерелевантны для русского словаупотребления.

В словарной статье русского языка отмечено, что семья – это группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми). Синонимический словарь русского языка дает следующий ряд синонимов: *семейство, семейные, семейный круг, близкие, домашние, свои (разг.), домочадцы, чада и домочадцы (устар.)*

Исследовав семантику этих слов, можно предположить, что в состав русской семьи входят отец, мать, дети, муж, жена, люди, состоящие в кровном родстве, а также люди, связанные между собой брачными отношениями и люди, которые живут в чьей-нибудь семье на правах ее членов.

Таким образом, русская семья более открыта, и выделение в ней «уровней», более закрытых группировок, зависящих от степени родства, не так актуально.

Необходимо отметить, что английская семья отождествляется с детьми, дети занимают центральное место. В английском языке существуют такие фразеологизмы, как *to be in the family way* (букв. быть на пути к семье) – быть в положении; *to start a family* (букв. начать семью) родить ребенка; *to bring up/to raise a family* (букв. воспитать семью) воспитать детей.

Хотя в английских семьях все родственники не живут в одном доме, не разделяют быт (словарь дает такое определение лексеме *house* (дом): *здание, предназначеннное для одной семьи*), не принимают активного участия в жизни друг друга, англичане интересуются своей родословной, почитают предков. Синонимический словарь английского языка дает следующий ряд синонимов: *lineage* (происхождение, родословная), *race* (род, племя), *tribe* (племя), *clan* (клан, род), *house* (старая, известная семья), *stock* (род), *strain* (наследственная черта), *blood* (род, происхождение), *breed* (порода), *dynasty* (династия), *line of ancestors* (предки).

В русской же семье родственники могут жить вместе, бабушки и дедушки принимают активное участие в воспитании внуков. Но по данным толкового словаря, словаря синонимов, фразеологизмов, пословиц, у русского человека интерес к предкам очень слаб. Можно,

по-видимому, говорить о том, что для русского человека важны те люди, которые входят в его семью в настоящее время.

Результаты практического исследования по данной теме могут быть интересны тем, кто собирается посетить США или Британию. Эти результаты могут быть использованы и в школе при изучении темы «Семья».

Oxford Advanced Learner's Dictionary. Oxford University Press, 2000.

Soule's Dictionary of English Synonyms.

Попова З. Д., Стернин И. А. Очерки по когнитивной лингвистике. Воронеж, 2003.

Пословицы русского народа В. И. Даля.

Словарь русского языка С. И. Ожегова. М., 1983.

Словарь синонимов русского языка под ред. З. Е. Александровой. М., 1989.

Н. Артемьева
Борисоглебск

Объективизация концепта «верба» в современном русском литературном языке и в воронежских говорах

Предметом нашего исследования является концепт, препрезентируемый в русском языке лексемой «верба».

В большинстве лексикографических источников (нами были проанализированы энциклопедические, этимологические, словообразовательные и толковые словари) *верба* определяется как вид высоких деревьев или кустарников рода ива с гибкими ветвями буро-красного цвета, с пушистыми почками белого цвета. Верба обычно растет по берегам рек и сырьим местам, используется для закрепления песков, плетения корзин и как декоративное растение.

В словаре В.И.Даля, наряду с толкованием значения, представлены устойчивые сочетания со словом «верба», которые позволяют обнаружить целый ряд дополнительных когнитивных признаков исследуемого концепта: *верба иерусалимская, верба-трава, дикие васильки, вербное воскресенье, вербная неделя* и т.д. Следует отметить, что в современных словарях эти устойчивые сочетания не сохранились, они практически не отражены (как показывают экспериментальные данные) в сознании молодежи, да и само слово

«верба», его производные мало коммуникативно востребованы в настоящее время.

Обратившись к анализу сведений, полученных из картотеки лаборатории региональной лингвистики Борисоглебского государственного педагогического института, мы обнаружили, что такие лексемы, как *верба*, *вербина*, *вербочка*, *вербушка*, активно употребляются носителями диалектов, символизируя здоровье и силу:

[вérбъч'къ щитàльс' сýмвъльм сýлы / рóсть и здарóв'й / ими ударя'ли нъ-иúорий ден' скатýну //]

с. Алексеевка Грибановского района
[вэрбы'нъми дитэ'й хлястàли / шоб раслы' //]

г. Павловск

Коммуникативно востребованными являются зафиксированные еще в словаре В.И.Даля устойчивые сочетания: *вербное воскресенье*, *вербная неделя* и др., а также наименование обряда *вербохлест*, в котором используются ветки вербы:

[вérбнъй нидéль пьрит-пàсский / вérбъч'ки святят' ф-цэркви //]
с.Рождество Поворинского района

[на-вérбную принóсът вérбъч'ки / и утръм хлистàют ими /
пригáвáривъй / вérба / вérба / вýрбахл'ост / бей да-сл'бс // фставáй
рàн'шъ / биу́й дал'шъ //]

с.Мировка Панинского района

Проведенное на примере концепта «верба» исследование показывает, что в сознании носителей диалектов отражаются русские народные традиции, обряды, чего, к сожалению, уже практически нет в сознании носителей современного литературного языка.

Н.Сазонова
Борисоглебск

Символическое значение слова «ива» в песенных текстах

Толковые словари русского языка (Даль, Ушаков, БАС, МАС, Ожегов, Шведова) определяет слово «ива» как однозначное (кустарник или дерево с гибкими ветвями и узкими листьями, растущее близ воды), в качестве фразеологических оборотов с данным словом фиксируют только один – *плакучая ива*.

Проведенный нами анализ различных музыкальных сборников показывает, что слово «ива» часто в песенных текстах приобретает

символическое значение. Во многих случаях ива ассоциируется с образом девушки, женщины:

*Ивушки, вы ивушки
Деревца зеленые,
Что же вы наделали,
На любовь ответили.*

Русская народная песня «Ивушка»

*Не шепчись ты, краснотал,
С одинокой ивою.
Он вчера меня назвал
Самою красивою.*

«Не шуми, Десна-река»
(сл. А.Романова,
муз. С.Алимановича)

*Грустные ивы склонились к пруду,
Месяц плывет молодой.
Там у границы стоял на посту
Ночью боец молодой.*

«Грустные ивы»
(сл. М.Блантера,
муз. С.Жарова)

Полагаем, что символическое значение слова «ива» оказало влияние на содержание одноименного концепта, представленного в сознании современных носителей русского языка. Это подтверждают результаты проведенного нами свободного ассоциативного эксперимента среди студентов историко-филологического факультета Борисоглебского пединститута. Самой частотной была реакция *плакучая* (что отражено в словарях), но испытуемыми дано довольно много и «символических» ассоциатов: *одинокая, слезы, печальная, грустная, женственная, девушка* и др.

Таким образом, полученные нами данные подтверждают общепризнанное мнение о взаимосвязи значения слова (в данном случае символического) и содержания концепта.

Ю.Демченко
Борисоглебск

**Акустическая характеристика голоса персонажей
как отражение гендерных стереотипов
в художественном тексте**
(на материале романа М.А.Шолохова «Тихий Дон»)

Под гендерными стереотипами понимаются «сформировавшиеся в культуре обобщенные представления (убеждения) о том, как действительно ведут себя мужчины и женщины» (Словарь гендерных терминов 2002, с.62). Как известно, стереотипизация фиксируется в языке и охватывает все виды деятельности, в том числе и речь женщин и мужчин.

Цель нашего исследования - проследить различия в акустической характеристике голоса мужских и женских персонажей, выяснить индивидуально-авторские особенности отражения гендерных стереотипов.

Общеизвестно, что мужской речи свойственны более низкие частоты. При описании мужских голосов М.Шолохов часто использует музыкальные термины (*бас, баритон, тенор* и их производные) в сочетании с различными эпитетами и другими средствами выразительности, что соответствует общепринятым гендерному стереотипу и выражают авторскую оценку:

...густой мазутный бас спросил...

...бомбардировал ее старик гулкими басовыми раскатами:

- Дура баба! Дура баба! Дура!

... из задумчивости его вывел юношеский ломающийся басок...

Повышение эмоциональности у мужских персонажей сопровождается повышением голоса:

...повысил басок Пантелей Прокофьевич...

... бас его сорвался...

... высоким, плачущим голосом он крикнул...

Если же поступки героя не соответствуют мужскому типу поведения, автор дает имплицитную отрицательную оценку, т. е. в тексте такой голос получает «женскую» характеристику:

...визжал пронзительным, бабьим голосом...

...тонким, жалующимся голосом говорил...

В описании голосов героинь отражаются традиционные особенности женской речи (высокие частоты, эмоциональность и др.):

...высоким рвущимся голосом зазвенела...

...с легкой досадой в голосе ответила...

...голосисто перекликались бабы...

Если же героиня (в силу ряда обстоятельств) не соответствует гендерным стереотипам женственности, обладает маскулинными чертами, то автор ее голосу дает соответствующее описание:

...басом скомандовала...

...говорила она басом, покровительственно подчеркивая свое превосходство в летах...

...заводила низким, славившимся на весь хутор почти мужским по силе и густоте голосом...

Таким образом, в романе М.А.Шолохова «Тихий Дон» при описании голоса персонажей нашли отражение общеизвестные гендерные стереотипы. К числу индивидуально-авторских особенностей их воспроизведения можно отнести использование музыкальных терминов (особенно при характеристике мужских голосов) и разнообразие эпитетов.

Разумеется, полученные результаты отражают стереотипные представления писателя о гендерных особенностях общения, и их нельзя рассматривать как объективное описание реальных особенностей общения мужчин и женщин, хотя, несомненно, основные черты такого общения воплощены писателем в тексте его произведения.

Словарь гендерных стереотипов / Под ред. А.А.Денисова. М., 2002.

Е.Жуленёва
Ярославль

Параметры оценки эффективного интернет-общения

Электронная культура за последнее время создала совершенно новые виды чрезвычайно удобных средств связи и коммуникации в широком смысле: электронную почту, чаты, конференции и веб-сайты.

Эффективность интернет-общения может рассматриваться как с точки зрения общепринятого стандарта речевого этикета, так и с точки зрения требований среды киберпространства. Соблюдение этих требований создает благоприятную среду для диалога и помогает реализации авторских намерений.

Речевой этикет, как известно, это принятая в данной культуре совокупность требований к форме, содержанию, порядку, характеру и ситуативной уместности высказываний. В широком смысле слова – речевой этикет характеризует практически любой успешный акт коммуникации.

Уже сейчас начинает складываться своеобразный этикет сетевого общения: *netiquette* – правила поведения в сети, они нигде не зарегистрированы, но их придерживается большинство посетителей чатов, конференций и сайтов.

Эти правила включают в себя следующие аспекты: техническая совместимость (совместимость протоколов), последовательность и характер соединения (время и приоритет доступа, порядок набора, способы вступления в контакт), ограничения по объему текста (часто сложные, но часто употребляемые фразы и этикетные выражения заменяются акронимами, эмоции передаются смайликами) и его содержанию. Что касается последнего, то нередко часто даются прямые указания социального и культурно-речевого порядка, запрещающие пропаганду наркотиков, детской порнографии и расизма. В дискуссионных группах, особенно модерируемых, как правило, запрещаются также грубые и не относящиеся к теме дискуссии высказывания.

Электронные средства связи в настоящее время более близки к традиционному обмену письмами, чем к телефонному разговору. Эпистолярность по-прежнему доминирует в интернет-общении (пересылаемый текст необходимо набрать). А не слишком высокая скорость передачи данных по сети создает обязательную задержку (пусть и очень небольшую), лишающую собеседников возможности спонтанного общения. Из этого следует, что человек находится в иной речевой среде, чем это обычно происходит в повседневном общении. Существует несколько критериев успешной коммуникации в сети, они же служат требованиями к участнику общения:

- необходимо помнить о «правиле телефона», т.е. сообщение (письменный текст) не должно включать ничего такого, что нельзя было произнести при прямом контакте;
- соблюдение общепринятых языковых норм;
- информация должна быть строго дозированной, это требование предполагает ограничение в количестве писем и в требованиях к их содержанию, т.к. интернет – открытая среда, где нет никаких гарантий неприкосновенности личной информации).

Киберпространство формирует новые специфические стандарты общения, которые отличаются от привычных. С одной стороны

возникает ощущение вседозволенности, а с другой – существуют очень жесткие рамки и формы поведения. Эффективная коммуникация в сети возможна только при их соблюдении.

Н.Мелехова
Ярославль

**Жанрово-композиционная модель телевизионной
программы исповедального цикла**
(на примере «Женского взгляда» Оксаны Пушкиной
и «Кумиров» Валентины Пимановой)

В последние годы практически все преобразования и нововведения в отечественной телевизионной сфере связаны с возрастающей ролью личностного начала в коммуникативной практике. Каждое информационное сообщение стремится найти своего, конкретного адресата, вследствие чего повышается диалогичность телевизионного общения.

Подобное публичное высказывание в большей степени ориентируется на неподготовленность, спонтанность, непосредственность в подаче информации, стремясь как можно дальше отойти от официальной, "сухой" манеры поведения. Актуальными, таким образом, оказываются авторские программы, где ведущий выступает не в роли беспристрастного и отстраненного диктора, а является полноправным создателем телепередачи, имеющим право высказывать собственное мнение.

Именно поэтому востребованными на сегодняшний день оказываются такие разновидности публичного теледиалога, как полемика ("Глас народа" на НТВ), "круглый стол" ("Времена" на ОРТ), репортаж-расследование ("Профессия - репортер" на РТР), "исповедальное" интервью-портрет ("Женский взгляд" Оксаны Пушкиной, "Кумиры" Валентины Пимановой). Актуализация передач последнего типа обусловлена еще и психологическими установками, заданными требованиями современной зрительской аудитории. В ситуации, когда тенденция к общению со средствами массовой коммуникации увеличивается, а межличностные контакты минимизируются, исповедальный жанр, с одной стороны, возмещает потребность зрителя в коммуникативном контакте, а, с другой стороны, обеспечивает языковой личности коммуникативную компетентность. Последнее выражается в том, что телеведущий, приближаясь в своих коммуникативных параметрах к «эталонному»

поведению, тем самым предлагает своей аудитории определенную культурную и поведенческую программу.

На первом этапе исследования мы определили *теоретические понятия*, необходимые для дальнейшего практического анализа.

Во-первых, были рассмотрены теоретические основы телекоммуникации, а именно: особенности телевизионного выступления, основные характеристики зрительской аудитории как активной составляющей публичного диалога, представленного в телевизионном варианте, определены такие аспекты телевизионного сообщения, как информационный и коммуникативный подходы и даны жанровые особенности интервью исповедального типа.

Было установлено, что телепередачи исповедального типа, реализуя ситуацию публичного общения в режиме телевизионного диалога, имеют ряд отличительных характеристик. Их главная особенность – значимый общественный или политический статус участников, который придает публичным выступлениям в телевидении личностный характер.

Надо отметить, что не только сами интервьюируемые известны широкой публике, но и их интервьюеры – достаточно заметные личности современного социума, активно участвующие в общественной жизни и имеющие определенный имиджевый паспорт. Такое относительное равенство социальных ролей адресата и адресанта создает новый тип публичного диалога. Каждая такая передача имеет корпоративный статус, социальный имидж, подтверждающийся рейтинговыми исследованиями. Успешность и результативность таких теледиалогов во многом создается именно ведущим, но также определяется и зависит от коммуникативной политики канала, от индивидуальных способностей участников передачи: их возраста, уровня культуры, стиля речи и поведения в целом.

Вторым аспектом теоретического этапа исследования было введение и обоснование понятий «коммуникатор» и «реципиент» (соответственно – телеведущий и телезритель), а также раскрытие такой важнейшей характеристики коммуникатора, как «коммуникативный имидж», который определяют как систему многосторонних характеристик личности и используют как основной инструмент воздействия на массовое сознание. Кроме того, были раскрыты такие необходимые для определения понятия «коммуникатора» термины, как «коммуникативное поведение», «коммуникативная грамотность», «коммуникативная позиция», «коммуникативная роль», «стиль общения» и «стиль взаимодействия».

В практической части исследования на основе независимых экспертических критериев оценки телевизионного сообщения как коммуникативного послания была предложена модель комплексного анализа теледиалога в режиме передачи исповедального типа. Исследуемый материал составил 47 минут 60 секунд эфирного времени. Полная расшифровка телетекста обеих передач сопровождается необходимыми комментариями способов и средств психологического воздействия на зрителя в момент теледиалога и некоторых особенностей презентативного ряда программ. Представлен подробный комплексный анализ каждой из передач («Женский взгляд» и «Кумиры»).

В результате сопоставления жанрово-композиционных характеристик программ «Женский взгляд» и «Кумиры» по таким направлениям, как содержание информационного ряда, стиль общения, образная структура и специфика видеоряда, были выявлены как индивидуальные особенности имиджевого паспорта телепередач и их авторов, так и соответствие обеих программ эталонным характеристикам, свойственных их жанру.

Получено детализированное представление о психологическом и коммуникативном «портретах» телеведущего и его телепередачи, определены параметры оценки этих «портретов». Сопоставительный анализ данных телепрограмм позволил обнаружить сходные черты в организации телепередач исповедального цикла и основные жанрово-стилистические параметры эталонной передачи подобного направления. Таким образом, телепрограммы исповедального типа:

1. вырабатывают и поддерживают у зрительской аудитории установку на доверие к предлагаемой информации;
2. создают особую доверительно-интимную атмосферу взаимодействия между ведущим, телеаудиторией и героем программы;
3. предлагают зрителю на примере истории героя возможные модели грамотного коммуникативного поведения в различных жизненных ситуациях.
4. реализуют потребность массовой аудитории в получении максимально подробной, достоверной информации личностного характера о жизни людей со значимым общественно-политическим статусом («звезд» политики, культуры, шоубизнеса, искусства и т. д.);
5. грамотно используют возможности «телеязыка», претендующего на предельную объективность, реализм, публичность и интимность одновременно.

Перспективу исследования мы видим в изучении особенностей кодов телевещания в режиме интимизации сообщения и исследования «исповедальности» как концепта русского сознания.

М. Пугачёва
Ярославль

**Особенности коммуникации в условиях
исповедального дискурса**
(на примере телепрограммы «Жди меня»)

Телевизионная передача «Жди меня» функционирует как программа, адресованная широкому кругу зрителей и ставящая своей целью помочь людям в поисках своих родных и близких. Нам интересно было выяснить, каковы способы и средства передачи информации в режиме реального времени, в условиях предельной открытости, исповедальности.

На первом этапе мы определили круг теоретических понятий: массовая коммуникация, личностное включение, монолог, диалог, телевизионное общение, особенности коммуникативного поведения русского человека, композиционно-технологических особенностей (язык экрана, кратчайшее расстояние, сигналы тела), теоретических понятий лингвопрагматики (особенности жанров аналитической журналистики, исповедальность, дискурсивность и способы психологического воздействия) и понятия *коммуникативный портрет ведущего аналитических программ*. Мы дали их описание как теоретических аксиом исследования.

Главным этапом исследования стало аналитическое описание телематериала и моделирование жанрово-стилистической формы передачи исповедального цикла.

Мы рассмотрели особенности коммуникации на примере программы «Жди меня». Установили, что для «Жди меня» в большей степени характерна диалогическая форма личностного включения. Диалоги представляют собой эмоционально насыщенный разговор ведущих Марии Шукшиной, Игоря Кваси и героя телепрограммы. Монологи и диалоги разворачиваются как непринуждённый разговор; атмосфера семейного круга и коммуникативная поддержка ведущих и участников программы помогают героям полностью раскрыться. Диалоговая модель общения дополнена яркими монологами участников программы, которые следует рассматривать как самостоятельные орнаментальные структуры в рамках передачи.

«Жди меня» - это типично русская программа, поскольку демонстрирует особенности коммуникативного поведения русского человека: его общительность, искренность, приоритет для собеседников разговора по душам и неприятие излишней светскости, стремление к широкой информированности и свобода в выражении своего мнения, попытка «на миру» решить многие проблемы общения.

Репрезентативный ряд программы: цветовое и звуковое решение в оформлении программы работает на создание «домашней атмосферы», тёплой и уютной обстановки, которая располагает разговору по душам, насыщенному переживаниями и эмоциями.

Программа «Жди меня» рассчитана на широкую аудиторию: в ней нет ограничения в возрасте, национальной принадлежности, половой принадлежности, профессии и т.д. «Жди меня» востребована зрителями. Восприятие происходящих событий целиком зависит от операторской и режиссерской работы, в задачи которой входит: иллюстрирование каждой истории; создание эффекта присутствия; поддержка паралингвистических особенностей поведения. С помощью смены плана фиксируются в восприятии телеаудитории душевые переживания героя в студии, сохраняется атмосфера эмоционального напряжения, а также достоверность непроизвольных жестов, мимики, пантомимики.

Предмет исследования в рамках «Жди меня» - это внутренний мир героя, целевая установка – подробное описание его отношения к событию, к поиску дорогого ему человека. Метод изображения – рационально-познавательный с элементами художественно-образного метода.

В исповедальном жанре используются специальные способы и приёмы повествования. Прежде всего, это создание исповедальной атмосферы, представление в качестве предмета анализа внутреннего мира героя, системы жизненных ценностей и привычек, нравственных стереотипов, включение черт мемуарной автобиографичности. Исповедальность, искренность усиливает тональность личного диалога; велика роль интервью как сопутствующего жанра в данной программе.

Анализ показывает, что для программы «Жди меня» характерны три вида интервью: информационное, портретное и проблемное. Включение их делает информацию достоверной, усиливает эффект доверия. В программе «Жди меня» использованы специальные приёмы психологического воздействия: заражение, подражание, вторжение, самораскрытие, вовлечение.

Соведущие программы Мария Шукшина и Игорь Кваша являются ведущими-модераторами, они организуют общение, управляют коммуникативными потоками в студии. Ведущие предстают перед нами как грамотные коммуниканты, их характеризует общительность, открытость в публичном диалоге, грамотная и этикетно выверенная речь, уместные жесты.

«Жди меня» —одна из эталонных телепередач своего жанра.

И.Федина
Борисоглебск

Телевизионные заголовки
(на материале программы «Намедни»)

Заголовок – это очень сильное коммуникативное средство, т.к. именно на него прежде всего обращает внимание адресат. Широкое распространение получил такой прием привлечения внимания, как использование заголовка, основанного на другом тексте (например, «Егорино горе» - сказка «Федорино горе»). Использование таких заголовков, безусловно, привлекает внимание, вызывает интерес к самому сюжету, они легко запоминаются, создают юмористическую ситуацию. Нами были выявлены следующие источники заголовков информационно-аналитической программы «Намедни» (телеканал НТВ):

1. Термины: Раздвоение ВВП (раздвоение личности); Типичная пневмония (атипичная пневмония).
2. Фразеологизмы: Из резидента в президенты (из грязи в князи).
3. Рекламные слоганы: Новое поколение выбирает пенсию (новое поколение выбирает пепси)
4. Эстрадные песни: Полковнику никто не пишет («Полковнику никто не пишет»).
5. Кинофильмы: Белое солнце Парижа («Белое солнце пустыни»); "Москвич" слезам не верит ("Москва слезам не верит").
6. Художественные произведения: Я Вас хочу, чего же боле? («Я Вас люблю...») «Евгений Онегин»); На холмах Грузии лежит госсекретарь ("На холмах Грузии...").
7. Крылатые выражения: Что русскому здорово, то немцу – реалисти-шоу (Что русскому хорошо, то немцу – смерть); Красивым жить не запретишь (красиво жить не запретишь).
8. Прочие источники: Золотой Оскар капитализма (оскал капитализма); каюк-компания (кают-компания) и др.

Часто заголовок и текст-основа, накладываясь друг на друга в сознании, образуют новый смысл. Например, заголовок сюжета "Дуля в пустыне" основан на названии военной операции американцев в Ираке "Буря в пустыне"; в результате образован новый смысл – американцы не обнаружили в Ираке никакого оружия массового поражения.

Интересным представляется изучение способов переработки текстов-основ: языковая игра (срок годности – срок угодности; Романовы: венценосная семья – Романовы: яйценосная семья), актуализация другого значения слова (кандидатский минимум – об экзаменах для аспирантов и голосах избирателей), изменение интонации (Хорошо быть кисою?) и др.

Е.Шустова
Ярославль

Прецедентные высказывания в «русском» сериале как способ отражения этнокультурных реалий

Тема нашего исследования посвящена актуальной, значимой проблеме изучения языковой личности (ЯЛ).

Актуальность данной проблемы, во-первых, заключается в том, что ЯЛ многогранна, следовательно, ее можно изучать с точки зрения самых разных аспектов, которые в своей совокупности представляют нам наиболее полный и подробный ее портрет.

Во-вторых, живя в информационном обществе, любая сколько-нибудь значимая информация является ценной. А прецедентные высказывания (ПВ) – это тоже своего рода информация, которая доходит до адресата только в том случае, если он владеет культурным и языковым фоном знаний. Поэтому процесс понимания информации становится похожим на поисковую систему, алгоритм которой каждая ЯЛ вырабатывает сама и для себя.

В ходе нашего исследования удалось установить, что ЯЛ понимает правила «языковой игры», принимает их и активно участвует в самой игре. ЯЛ достаточно хорошо понимает и знает те тексты, к которым отсылает ее ПВ, а это и является главным условием понимания современных текстов.

Теоретическая значимость нашей работы заключается в том, что мы предложили вариант изучения языковых способностей и языковых особенностей ЯЛ через набор предложенных нами ПВ, в которых закреплен некий социокультурный опыт.

Каждый человек усваивает культуру через язык, и наоборот. «Языковая игра», в которую сейчас вольно или невольно вовлекается ЯЛ, в сущности, есть процесс трансформации ПВ.

Цель нашей работы носила двоякий характер:

- 1) составить типологию ПВ, используемых ЯЛ, представленной в сериале, а, следовательно, и типологию ПВ, активно воспринимаемых ЯЛ, находящейся по другую сторону экрана.
- 2) Реконструировать отдельные черты современной ЯЛ, являющейся носителем ПВ, которые представлены в «русском» сериале.

«Русский» сериал – многосерийный фильм, состоящий из ряда серий, связанных единым сюжетом и только в совокупности составляющих единое, целостное художественное произведение. Кроме того, сериал – это своеобразный макротекст, целостность которого обеспечивается: единством замысла; общим названием; выстроенной композицией событий; единством общих героев; обязательной связкой и кульминацией; наличием выразительных средств.

«Русский» сериал стремится удовлетворять основным параметрам данного жанра, в которых учтены все особенности зрительской аудитории и особенности самого жанра.

ЯЛ – это совокупность способностей и характеристик человека, обуславливающих создание и восприятие им речевых произведений (текстов), которые различаются: а) степенью структурно-языковой сложности; б) глубиной и точностью отражения действительности; в) определенной целевой направленностью.

В структуре ЯЛ мы, вслед за Ю.Н. Карауловым, выделяем три основных уровня: 1) вербально-семантический; 2) тезаурусный (когнитивный); 3) мотивационный (прагматический). Изучение каждого из них дает нам возможность выявить те навыки и умения ЯЛ, которые у нее формируются, а затем совершенствуются на протяжении всей ее дальнейшей деятельности.

Определяя факторы, влияющие на развитие ЯЛ, мы выделили как внешние, так и внутренние. Модель описания ЯЛ включает в себя конкретные умения или «готовности», наличие которых позволяет ЯЛ порождать разного рода высказывания, подвергающиеся затем анализу с точки зрения трех аспектов: стилистического, коммуникативно-прагматического и культурологического.

Определяя модели, характеризующие текст, мы в основу каждой из них положили одно свойство. Накладывая ту или иную модель на текст, можно получить подробную его характеристику.

Важными для исследования понятиями являлись: «логоэпистема», «прецедентный текст», «интенция». Логоэпистема – это стандартные типы языковой реакции носителя языка на внешние стимулы. Прецедентный текст – единица осмыслиения человеческих жизненных ценностей сквозь призму языка с помощью культурной памяти.

Оба эти понятия требуют осмыслинния на двух уровнях: на уровне языка и на уровне культуры.

Речевая интенция – это намерение совершиить действие с помощью такого инструмента, как язык или речь, то есть осуществить речевое воздействие в коммуникативной деятельности, взаимодействии с партнером.

Любое ПВ реализуется в речевой интенции.

На основании проведенного нами эксперимента мы попытались реконструировать отдельные черты, присущие современной ЯЛ, которая воспринимает и употребляет ПВ, предлагаемые «русским» сериалом.

Во-первых, ЯЛ грамотна, прежде всего, в своих письменных опытах;

во-вторых, в ее языковом паспорте частотны элементы разговорной речи;

в-третьих, ЯЛ понимает предлагаемые ей ПВ: правильно и уместно использует их в той или иной ситуации;

в-четвертых, ЯЛ знает употребляемые ею ПВ, но не всегда готова их грамотно транслировать или использовать;

в-пятых, ЯЛ обладает творческим потенциалом, то есть из уже существующих ПВ она может и способна создавать новые ПВ, которые обретают свою самостоятельность и самодостаточность;

в-шестых, ЯЛ способна к «языковой игре».

Все перечисленное позволяет определить ЯЛ (по классификации О.Б. Сиротининой) как личность литературно-разговорного типа культуры.

Определяя экспериментальную методику, мы выбрали анкетирование, которое позволило нам получить интересующую нас информацию. В результате эксперимента мы утвердились во мнении, что все респонденты являются носителями ПВ; выделили широкий спектр тем и ситуаций, в которых, по мнению ЯЛ, могут быть использованы предложенные ПВ; в-третьих, проверили фоновые знания ЯЛ и выявили ее творческий потенциал.

Характеризуя практическую часть нашего исследования, мы можем сказать, что именно в повседневном общении с наибольшей полнотой

реализуется взаимообратимая связь: сериал - ПВ - ЯЛ. Языковая личность начинает употреблять ПВ в ежедневном общении, а, следовательно, порождает новые ПВ, которые пополняют уже существующий запас. Этот процесс непрерывен, он обладает творческой составляющей.

Дальнейшее изучение ПВ и их бытование в речевой практике ЯЛ позволит собрать материал для создания коммуникативного портрета ЯЛ определенной эпохи.

Русский язык глазами школьников

Д.Оплачко А.Рудиков
М.Стадников Е.Литвиненко
Острогожск

ТЫ и ВЫ в общении

В ходе исследования мы выяснили, какой смысл вкладывают люди, применяя простую и уважительную форму обращения.

В исследовании приняли участие 40 человек в возрасте от 10 до 40 лет. Опрашиваемым предлагалось ответить на 2 вопроса:

- 1) К кому вы обращаетесь на «ты»?
- 2) К кому вы обращаетесь на «вы»?

При необходимости мы задавали дополнительные вопросы, необходимые для уточнения ответа, например:

- Кого вы считаете старшим;
- Кого вы считаете сверстниками и т.д.

В ответах представителей всех возрастных групп прослеживается одинаковое отношение к различным формам обращения.

Все опрошенные ответили, что на «вы» нужно обращаться к старшим по возрасту, к незнакомым людям, которых впервые видишь и которые не моложе тебя по возрасту, к людям, занимающим более высокое должностное положение, к людям, обладающим большим жизненным опытом. Представители возрастной группы от 30 до 40 объяснили, что старшими они считают людей, возраст которых превышает их собственный не менее чем на 10 лет. Представители возрастной группы младше 30 лет отказались детализировать ответ на этот вопрос.

Все участники опроса считают, что обращаться на «ты» нужно к сверстникам, знакомым, друзьям, членам своей семьи.

Представители возрастной группы от 20 до 30 лет объяснили, что сверстниками они считают людей, разница в возрасте с которыми не превышает 2 года.

В результате проведенной работы мы пришли к выводу, что у большинства людей сложились устойчивые взгляды на применение обращений «ты» и «вы». В ответах прослеживается преемственность поколений.

Люди более старшего возраста склонны более четко конкретизировать возрастные характеристики участников общения.

О.Астапова

Общение с ребенком в рассказе Ф.М.Достоевского «Мальчик у Христа на елке»

«Детская» тема интересовала Достоевского на протяжении всего творчества. Очевидно, писатель был уверен в чистоте и безгрешности детской души, поэтому страдание и слезы ребенка есть результат неправедной жизни взрослых, порочности общества, в котором страдают самые слабые и невинные.

В рассказе «Мальчик у Христа на елке» Достоевский показывает зло и несовершенство мира через отношение взрослых к ребенку, через нежелание замечать его и общаться с ним. Описывая одинокого голодного ребенка на улице (да еще в канун Рождества - самого светлого праздника), автор показывает равнодушие к нему взрослых с помощью невербальных сигналов, понятных читателю.

Вот мимо ребенка «прошел блеститель порядка и отвернулся, чтоб не заметить мальчика». В тексте излишни какие-либо другие комментарии, чтобы указать на никчемность государственной правоохранительной системы: полицейский отвернулся, потому что обязан обратиться к бездомному ребенку, но ему некогда, он спешит домой к своим детям, хотя и чувствует по этому поводу стыд и понимает свою порочность.

На улице и другие люди не замечают ребенка: « Вот здесь так раздавят наверно; как они все кричат, бегут и едут... ». Люди превращаются в безликую массу, которая может раздавить, уничтожить мальчика, и что самое страшное, они этого не заметят.

И всё же писатель рисует однажды попытку общения ребенка с взрослыми. Мальчик осмелился войти в какой-то дом, «как на него закричали и замахали! Одна барыня подошла поскорее и сунула ему в

руку копеечку, а сама *отворила* ему дверь на улицу». Автор не пишет, какие слова произносили люди в доме, увидев незнакомого мальчика, но весь возможный арсенал вербальных средств в подобной языковой ситуации уместился в глаголе «*закричали*». Далее описываются лишь невербальные средства, которое не менее ярко демонстрируют бездушность людей через их отношение к ребенку. Довершает ряд этих ужасных событий отношение к мальчику ребенка постарше. Взрослый мальчик «*треснул* его по голове, *сорвал* картуз, а сам снизу *поддал ножкой*». При этом снова было не произнесено ни одного слова ни обидчиком, ни людьми, наблюдавшими эту картину.

Очевидно, писатель наделяет жестокий и страшный мир большей частью жестами потому, что совершаемые злодеяния безмолвной толпой кажутся еще ужаснее и катастрофичнее. С мальчиком начинают говорить лишь во второй части рассказа, когда к нему, уже умершему, обращаются дети-ангелы и Христос. Слова их приятны, а движения легки и красивы. Это уже иной мир, где любят бездомного ребенка, где все - гармония и счастье.

Таким образом, описывая вербальные и невербальные средства общения с ребенком, автор параллельно рисует уродливый мир человеческих отношений, порочность и бессердечность людей его населяющих. Подобные персонажи наделяются не словами, а лишь агрессивными жестами, что и дает возможность читателю увидеть более полно авторскую точку зрения.

О. Зеленова
МОУ СОШ № 83
Воронежа

О чистоте русского языка

Язык – это и наша любовь к Родине, этот и наше наследство, которое передано нашими дедами и прадедами.... Недаром ведь в тяжелые годы Великой Отечественной войны, когда враг подступал к Москве, пытался задушить петлей блокады Ленинград, в осажденном городе на Неве, раненом и голодном, родились и прозвучали прекрасные стихи о родном языке А. Ахматовой:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
 Не горько оставаться без крова –
 И мы сохраним тебя, русская речь,
 Великое русское слово.
 Свободным и чистым тебя пронесем,
 И внукам дадим, и от плена спасем.
 Навеки!

Личность человека, его культура, воспитанность, знания, характер проявляются и в его речи. Язык – своеобразный код, на котором происходит общение, а слова – знаки определенных понятий. Сколько их? Каким количеством слов пользуется в разговоре человек?

У разных людей он разный. Словарный запас зависит от уровня культуры, начитанности, интеллекта человека. Вот, например, людоедка-Эллочка – героиня романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» – легко обходилась тридцатью словами. И что это были за слова-междометия: «оого!», «ага!», «ха-ха!». А словарь великого Шекспира, по мнению исследователей, составляет десятки тысяч слов. Современный культурный человек имеет в среднем словарный запас в 30000 – 35000 слов.

Чтобы исследовать словарь современного школьника, требуется всего лишь прислушаться к общению школьников на переменах. Смесь жаргонных выражений с научными терминами, услышанными на уроках, с присутствием слов-паразитов: «так», «вот», «так сказать», «ну», «значит», «как его» и других, образует своеобразный сленг, на котором разговаривает большая часть сегодняшней молодежи. О таком сленге была снята одна из серий юмористического журнала «Ералаш». Всем известен отрывок поэтического описания Днепра из произведения Н. В. Гоголя. Вот как он прозвучал в сюжете на сленге:

«Классный Днепр при клевой погоде, когда, кочевряжась и выпендриваясь, пилит сквозь леса и горы клевые волны свои. Ни гикнется, ни накроется. Вылупиши зенки свои, откроешь варежку и не знаешь, пилит он или не пилит. Редкая птица со шнобелем дочешет до середины. А если и дочешет, так и гикнется и копыта отбросит...»

Да, конечно, для создания комического эффекта возможно использование жаргонных слов, например в КВН-ах, но когда сленгом пользуется большая часть окружающих людей, это заставляет задуматься над причинами, приведшими к такому положению.

Так, сейчас остаются невостребованными поэты-лирики, описывающие великолепие зимнего утра или очарование березки в ее осеннем наряде:

О, как убийственно мы любим,
Как в буйной слепоте страстей
Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей.

Редко кто сейчас посвятит такие строки возвышенному и прекрасному чувству – любви, как это сделал И. Ф. Тютчев. То, что сейчас сочиняется и выдается массам из радиоприемников, телевизоров, кинотеатров, слышится с концертных площадок в основном больше похоже на язык аборигенов, только что научившихся говорить (современная эстрада: «Муси-пуси, милый мой..», «Попробуй джага-джага») или напоминает разговор пациентов клиники душевнобольных (современная эстрада: «Хочешь, я убью соседей, что мешают спать», «ты беременна, но это временно...», «Рыбка моя, я твой глазик»).

На редкость скучна речь ди-джеев на школьных праздниках («Раскиньте ваши уши! Разуйте ваши глаза!»).

Выражение чувств и эмоций тоже осуществляется на сленге: «Ай-яй-яй девчонка, где взяла такие ножки...», «Кислотный ди-джей, хей! Кислотный мьюзик, хей! Кислотный пипл, хей!», «В холодильнике моем шаром как прокатило, я вообще-то и забыл, что там когда-то что-то было», «Ты меня лечишь – я тебе верю, такое бывает, конечно не с каждым, другой бы давно придавил тебя дверью – и я это сделаю, возможно это даже дважды».

Такие выражения эмоций мы слышим каждодневно и постоянно, постепенно свыкаясь с мыслью, что ничего страшного в этом нет. Одно и то же явление можно описать по-разному, например: «Какой дивный сегодня закат! Как играют и переливаются краски всеми цветами радуги! Душа поет, а сердце переполняется нежной и прекрасной музыкой!» Сегодня, увидев закат, представители нынешнего молодого поколения, одним из которых являюсь я, скорее всего скажут: «Красотища какая! Даже матом ругаться не хочется!»

Если и дальше русский язык будет «совершенствоваться» в том же направлении, то общение между людьми вернется на уровень неандертальцев. Наш язык – ручеек, который вливается в могучий поток великого языка. И ручеек этот должен быть кристально чистым, звенеть стройно, чтобы не засорять и не мутить чистые воды!

М.Яковлева
МОУ СОШ № 64
Воронеж

Новые иностранные слова в русском языке
(как их понимают в различных возрастных группах)

Самое удивительное и прекрасное, что дано человеку – это дар слова. «Народ без языка, – говорил А.Платонов, – был бы безумен...».

Язык тесно связан с национальным характером, с национальным самосознанием. Но наш «великий и могучий» стремительно становится все труднее для понимания. Ежедневно в него вливаются 6-7 иностранных слов-варваризмов. Новая лексика проникает через экономическую сферу, музыку, телевидение, интернет.

Мы поставили перед собой задачу: проверить понимание значения некоторых слов разными возрастными группами. Результаты этого опроса показали, что, например, слово «маркетинг» для учащихся младших классов обозначает «книгу с марками», в среднем звене значение этого слова знают 13%, в старшем звене – 70%. И только преподавательский состав в 100% случаев ответил верно. Таким образом, чем старше группа опрашиваемых, тем более понятны им иностранные слова. И все-таки, значение некоторых слов затрудняются определить даже образованные люди.

Русский язык, конечно, обогащается за счет заимствованных слов, но жаль, что знание этих слов носителями русского языка еще далеко от идеала.

О.Покачалова

**Лексико-синтаксические особенности перевода
повести Пушкина на английский язык**

Моя работа посвящена исследованию повести Пушкина «Барышня-крестьянка». Мне было интересно сравнить это с его переводом на английский язык и выявить отличия языка Пушкина от современного русского языка.

В произведении Пушкина есть исконно русские слова (безэквивалентная лексика), которые не могут быть переведены на английский с сохранением всех смысловых оттенков.

Интересно также рассмотреть передачу порядка слов в предложениях. Все простые повествовательные предложения в тексте Пушкина делятся на две группы: первая, когда оригинал и перевод совпадают, а вторая - когда оригинал отличается порядком слов и лексическим наполнением от перевода и от современной речи. Вторая группа предложений, в свою очередь, может быть разделена на несколько подгрупп в зависимости от типа переводческой трансформации: перестановки, замены, добавления и опущения.

Сопоставление показало, что, во-первых, при переводе с русского языка на английский теряется авторский стиль произведения. Поэтому, наверняка, люди, читающие произведение в переводе, часто не представляют в полной мере, в чем же состоит истинная заслуга творца.

Перевод осуществляется в основном с перестановкой слов в предложениях с инверсией. Он становится прямым и при этом утрачивается красочность фраз. Порядок слов в этом случае больше похож на расположение компонентов в английском предложении. Пушкинский текст очень яркий. Благодаря инверсии автор выделяет для нас самое главное, что нужно воспринять. В английском и современном русском вариантах произведения при перестройке предложений сообщаются лишь определенные факты. Текст в этом случае получается строгим и даже формальным. Наличие устаревших слов, крестьянского просторечия в прямой речи персонажей в оригинале приближает читателя к описываемой эпохе и помогает нам точнее воспринять все происходящее с героями. При переводе на иностранный язык эти слова заменяются на более современные, и произведение звучит по-другому. Таким образом, никакое художественное творение нельзя перевести на иностранный язык, не потеряв при этом существенных особенностей текста.

С.Санина
школа № 36
Воронеж

Языковой паспорт кандидатов в депутаты Государственной Думы и на пост мэра города Воронежа

В недавние предвыборные кампании в городе кружила метель бумажной агитации. Каждая газета стремилась в лучшем свете

представить своего кандидата, рассказать о нём не только, как об умелом управленце, но и человеке.

Человеческие качества кандидатов раскрывались чаще всего в интервью.

Целью нашей работы стало наблюдение за языковым паспортом кандидатов, который особенно ярко проявляются именно в интервью.

Для исследования мы взяли газеты с интервью кандидатов: Витинника, Королёва, Сысоева, Чижова, Скрынникова, Образцова, т.к. наибольшее количество листовок обрушилось на нас с именами именно этих людей.

В речи кандидата Витинника мы обнаруживаем большое количество просторечных разговорных слов, а также использование сниженной лексики и фразеологических оборотов: *показуха, заставить раскошелиться, «Чёрт несёт на галеры», бюрократы «старого розлива», взрослые мужики, болтовня, меня бесит, гаишники, разруха.*

Речь кандидата Королёва изобилует фразеологизмами и некоторой витеватостью. Книжный стиль тесно переплетается с разговорным. Разговорные: *оборонка, социалка, увесистый кукиш, подачки, чужаки.* И тут же фразеологизмы: *ходить с протянутой рукой, набивать шишки, пускать с молотка, ловля рыбки в мутной воде* и др. Метафоры: «ветхие» пенсионеры.

Кандидат Сысоев хотя и не охотник до жаргона, но даже и в его речи присутствует разговорная и сниженная лексика: *хихикнуть, исподтишка, деревенщина.*

Кандидат Чижов предпочитает использовать в своей речи разговорный стиль: *мелочёвка, чернушиный характер, очернять, набрякший.*

Кандидат Образцов употребляет разговорный стиль: *мне на это наплевать, болтовня, фразеологические обороты: надувают щёки.*

Полученные характеристики языкового паспорта кандидатов позволяют сделать выводы: все кандидаты достаточно образованные люди, но языковой паспорт каждого показывает, что на речь влияет не только образование, но и языковая среда, которая окружает человека. С одной стороны, кандидаты используют в своей речи сниженную лексику, чтобы приблизиться к массе, создать имидж открытого человека; с другой стороны - наличие в речи жаргонизмов и сниженной лексики даже в среде таких людей указывает на то, что это явление становится уже привычным для широкой сферы употребления.

Интересно, что в официальной печати употребление сниженной лексики позволяют себе люди, связанные с искусством: актёры, певцы, драматурги. В их интервью можно увидеть такие слова: *в напряг, тянуть бодягу, не напрягаться насчёт денег*. А ведь это тоже основные носители и проводники культуры, призванные демонстрировать нормы литературного языка.

На наш взгляд такое упрощение лексики небезобидно для родного русского языка, который всегда поражал своей богатой выразительностью.

А. Сек
школа №68
Воронеж

Состав и функции школьного жаргона

В январе 2004 года ними проведено анкетирование учащихся XI «А» и XI «Б» классов 68-ой школы г.Воронежа. В опросе приняли участие 30 человек. Опрашиваемым было предложено назвать употребляемые в школе жаргонные слова и обозначить ситуации, в которых применяется эта лексика. В результате анализа данных сделаны следующие выводы.

По составу жаргонную лексику можно разделить на 3 тематические группы.

1. Школа. Наименование учителей: *физичка, историчка, химоза*. Учебные предметы: *литра, физра, инглиши*. Реалии и явления, связанные с учёбой: *шпора* (шпаргалка); *комп* (компьютер); *смыться, свалить* (уйти с уроков); *переводить стрелки* (перекладывать свою ответственность на другого человека).

2. Досуг. Слова этой группы часто заимствованы из жаргона музыкантов и общемолодежного жаргона. Например: *ловешки, филки, фантики* (деньги); *лопатник* (бумажник); *видак, мафон, клипешин, дискач, тусовка*.

3. Быт. Части тела: *виза, карточка, фейс* (лицо); *котелок, кочан, кабина, чайник* (голова); *грабли, клешни, крылья* (руки); *лыжи, шасси, тормоза* (ноги). Одежда: *прикид* (внешний вид); *джинсы* (джинсы); *шкура, косуха, бомбер* (куртка); *потники* (носки); *подкрадухи* (тапки); *фенечка* (украшение). Явления жизни: *абзац* (невыигрышная ситуация), *аморчик* (любовь), *наезд* (конфликт).

По функциям жаргонную лексику можно разделить на 4 группы.

Экспрессивная функция. Ученики хотят сделать свою речь яркой, нескучной, показать чувство юмора. Например: *иди в обход, я здесь*

заягу (место занято, поищи другое); *в лифте родился* (об ученике, не закрывающем за собой дверь); *в Дубовке живёшь* (об ученике, живущем близко, но опаздывающем на занятия).

Функция речевого подавления негативных эмоций. В ситуациях подавления негативных эмоций употребляется грубая лексика. При этом человек, явившийся причиной страха, неприязни или злости, не слышит данных слов. Например: *попасть в жир ногами* (оказаться в невыгодной ситуации); *облом* (неоправдавшиеся ожидания); *училка гонит, грузит, мозги парит, пьёт кровь* (учитель заставляет нести ответственность за поступки).

Функция ослабления коммуникативной позиции собеседника. Человек слышит грубые слова в свой адрес. Например: *лох* (никчёмный человек); *тормоз, дуб* (неспособный ученик); *жуй конфеты* (молчи).

Функция выделения школьников в особую социальную группу. Например: *ашники* (учащиеся класса «А»); *комиксы* (каникулы).

Таким образом, жаргонная лексика учеников разнообразна по составу и функциям.

Е. Слинько
лицей №3
Воронеж

Менталитет русского человека в пословицах и фразеологии

В пословицах и поговорках нашла отражение вся многогранная жизнь народа. Являясь порождениями народной мудрости, пословицы и поговорки отражают истинно национальный характер жителей страны.

Смелые люди очень ценились крестьянами, даже власти уважали их, хоть и боялись. Чтобы пережить голод, болезни, жестокости войны, безжалостность помещиков, крестьянам нельзя было терять мужество ни при каких обстоятельствах. Храбрость и отвага свойственны русскому человеку с его широкой душой и огромной силой духа. Русский в бою забывает об опасности и страхе, поэтому появились выражения: «русский солдат не знает преград», «и один в поле воин, если он по-русски скроен». Смелый человек во всяком деле идет до конца, про него говорили: «либо пан, либо пропал», «либо полковник, либо покойник», «или грудь в крестах, или голова в кустах». Храбрец никогда не отступает, он всегда готов «встретить

(противника) в штыки». Это выражение получило распространение после Отечественной войны 1812 года. Для русских людей характерен страх перед Богом и сверхъестественными силами. Только действительно смелый человек не боится «смотреть смерти в глаза», «лезть к черту на рога» и т.д.

В выражениях, характеризующих такую черту характера, как трусость, выявляется яркая отрицательная оценка этого качества. Трус в опасной ситуации не способен помочь, на что указывают фразеологические единицы: «обмер от страху», «ноги подкосились», «зуб на зуб не попадает», «язык отнялся от страха». Некоторые поговорки можно объяснить по-другому, например, «стоит как вкопанный» имеет происхождение от наказания – закапывания живых людей по шею в землю за какое-либо серьезное преступление. А выражение «душа в пятки ушла» восходит к «Илиаде» Гомера: «Дрогнули все, и у каждого в ноги отважность ушла».

Фразеологические сочетания на тему «трусость» и «смелость» вобралы в себя очень много черт и оттенков русского национального характера и особенностей культуры и быта. Образы во фразеологических оборотах складываются под влиянием нескольких причин:

1. Огромное значение имеют культура, история, религия и природа России;
2. Национальный характер страны является наиболее важным фактором формирования фразеологических единиц;
3. Главным субъектом, оказавшим определяющее влияние на формирование пословиц и поговорок в целом, является простой народ, крестьяне, обладающие острым умом и живым воображением.

Общей причиной складывания специфических национальных образов во фразеологических единицах исследуемой лексико-семантической группы является менталитет народа.

Н.Фетисова

Невербальное коммуникативное поведение литературных героев

(по роману М.Булгакова « Мастер и Маргарита»)

Литературоведческий анализ на школьных уроках зачастую сводится к определению системы образов произведения, его основных тем и мотивов, жанрового и композиционного своеобразия. В этом

случае акцент при характеристике того или иного героя произведения делают на вербальной информации текста, полагая, что этого достаточно для выводов. На наш взгляд, важно анализировать и невербальное коммуникативное поведение персонажа для более детального выяснения авторской точки зрения.

Обратимся непосредственно к анализу невербальных сигналов, используемых автором при описании беседы Понтия Пилата и Иешуа Га-Ноцри, во второй главе романа М.Булгакова «Мастер и Маргарита».

В начале главы читатель узнает, что прокуратор Иудеи страдает ужасной болезнью: «гемикрания, при которой болит полголовы». В таком состоянии Пилат принимает одно решение: «Попробую *не двигать головой*». Таким образом, автор пытается лишить героя каких-либо жестов: «...прокуратор сидел как каменный... не шевелясь», только болезненные гримасы искажают его лицо. Но вот перед прокуратором появляется молодой «человек со связанными руками», который, несмотря на свое положение, все же может двигаться. Иешуа смотрит «тревожным любопытным взглядом», говорит, стараясь податься вперед к собеседнику. И чем больше говорит Иешуа, тем разнообразнее становятся его жесты и мимика, тем все больше интересуют его слова прокуратора. Заинтересовавшись речами арестованного, Пилат сам начинает совершать больше жестов, разнообразнее становится его мимика: «*Вспухшее веко приподнялось, ...глаз уставился на арестованного.... Уже оба больные глаза тяжело глядели на арестанта...* Пилат *усмехнулся одною щекой, оскалив желтые зубы, и промолвил, повернувшись всем туловищем...*»

Очевидно, немногочисленные жесты Пилата можно объяснить не только головной болью, из-за которой он боится пошевелиться. На наш взгляд, отсутствие движений прокуратора – особый авторский прием, позволяющий показать внутренний застой героя, его неспособность двигаться духовно, его нежелание идти вперед, верить и любить. Ведь Иешуа сам называет причину болезни Пилата: «... ты слишком замкнут и окончательно *потерял веру в людей*». Иешуа, напротив, весь полон веры, жизни, любви к людям, его душа не может остановиться и окаменеть. Поэтому при описании арестанта так подробно автор останавливается на разноплановом характере его жестов и мимики.

Иешуа – это движение и жизнь. Пилат – олицетворение застоя и смерти. Но Иешуа надеется вылечить израненную душу прокуратора, для этого он дает ему совет: « Я советовал бы тебе, игемон, оставить на время дворец и *погулять пешком...* а я с удовольствием

сопровождал бы тебя». Видимо, спасение для Пилата только в движении и только в движении с Христом. Но сам прокуратор не принимает такого спасения, и автор обрисовывает его болезненные жесты, его искаженное мукой лицо.

Таким образом, анализ неверbalного коммуникативного поведения в литературном произведении позволяет подробнее и полнее давать характеристику персонажа, выяснить авторскую точку зрения.

А.Демина
лицей №3
Воронеж

Выразительность речи политиков

Многие политики видят в русской фразеологии великолепные примеры образного обозначения явлений действительности.

Например, В.В.Жириновский в своей речи использует много фразеологизмов и фразеологических оборотов. Примечательно то, что он употребляет как традиционную, так и новую фразеологию: "лить грязь", "экологическая катастрофа". Следует заметить, что в своих статьях Владимир Вольфович не употребляет книжную фразеологию, заменяя её разговорной: "идти с соплями под носом", "проданная с потрохами" и др.

В речи Г.А. Зюганова мы тоже встречаем немало изобразительно-выразительных средств: «Это выражение часто приходиться слышать от старых буржуазных интеллигентов... о том, что-де марксизм *ходит в шорах* и от того света божьего не видит»; «Народ одурачен лживым *кукованием политических авантюристов, лицемеров, обещалкиных*»; «Чем кумушек других судить, рядиться, не лучше ль на себя, кума, *оборотиться*?».

В речи этих двух политических деятелей можно отметить преобладание разговорных идиом, которые делают речь доступной и конкретной. Употребление образных средств обогащает речь, служит "противоядием" против речевых штампов.

А.Н Чернышова, Д. Оганесова
шк. 36
Воронеж

Отражение проблем общения в местной печати

Проблема общения – одна из самых актуальных проблем нашего времени. Не случайно в объявлениях о работе одно из главных требований к претенденту на должность - умение общаться.

Цель нашего исследования – определить, какая местная газета чаще поднимает на своих страницах проблемы общения.

Нами были просмотрены следующие газеты за январь 2004 г.: *Новая газета, Коммуна, Московский Комсомолец, Моё, Комсомольская правда, Берег, Воронежский курьер* - наиболее читаемые и популярные газеты Воронежа. В названных изданиях мы нашли следующие публикации.

В «Коммуне» от 24.01.2004: «5 способов убить любовь» -какие ошибки могут разрушить взаимоотношения с близкими, перепечатка из Интернет.

«Воронежский Курьер» от 23.01.2004 г. - совет о том, как забыть несчастную любовь. Автор В. Крылова.

«Комсомольская правда», январь 2004г. - «Три способа как понравиться», об умении находить контакт с коллегами.

В газете «Берег» журналист Л.В. Тореева рассказала о растлевающем влиянии казино, стриптизных конкурсов на подростков, о том, какой негативный опыт общения приобретает подрастающее поколение при посещении подобных заведений.

Таким образом, просмотр печати за месяц позволил сделать следующий вывод: проблемы общения поднимаются в местной печати крайне редко, причем чаще всего это небольшие заимствования из других изданий (журналов, книг, сети Интернет).

Значит, нужно писать нам самим.

Л. Чечина

Эпитет золотой в названиях продуктов питания

Обратившись к литературоведческому справочнику, об эпитетах мы прочтем следующее: « Эпитет – это художественное, поэтическое определение, подчеркивающее какое-либо свойство предмета или явления, на которое автор хочет обратить внимание и по поводу

которого автор хочет выразить свое отношение; обращает внимание на признак, сильнее других действующий на наше воображение и сообщающий речи большую изобразительность» (Литература в таблицах и схемах. М., 2000, с.214).

Очевидно, что давая название продуктам питания, производители пытаются добавить к нему какое-либо художественное определение, чтобы выделить именно тот признак продукта, на который покупатель обратит внимание. Среди разнообразных определений на сегодняшний день доминирует эпитет «золотой», которым снабжаются самые различные продукты питания.

В «Толковом словаре русского языка» С.И.Ожегова среди переносных значений слова «золотой» имеются такие: «Счастливый, благоприятный; прекрасный, замечательный; дорогой, любимый». Только последние четыре определения из данных могут характеризовать продукт. Однако у этого слова в связи с его частым использованием появляются и другие переносные значения.

Проанализировав около 50 примеров употребления данного эпитета, мы можем выделить несколько видов такого употребления:

1. эпитет употребляется, чтобы выделить какие-либо ценные качества уже известного продукта, подчеркнуть достоинства товара по сравнению с подобными ему (например, «Золотое суфле», сухарики «Золотистые», чай «Золотая чаша», «Золотые лепестки», пиво «Золотая бочка»);
2. использование эпитета с именем существительным, которое вообще не указывает на предлагаемый продукт (например, «Золотой орел», «Золотой тигр» - название чая, «Золотая бомба» - мороженого). *Тигр, орел, бомба* - эти слова не указывают на продукт, а лишь ассоциативно подчеркивают его особенности. Вместе с эпитетом «золотой» эти названия приобретают значение «необыкновенно качественный продукт», «превосходящий ожидания вкус».

По опросу, проводимому среди учителей и учащихся, мы выяснили, что слово «золотой» у них вызывает такие ассоциации: *ценный, дорогой, богатый, королевский, высшего сорта, престижный*.

Можно сделать вывод, что производители продуктов питания, используя в качестве эпитета слово «золотой», пытаются указать покупателю на отличное качество товара, на его достоинства. Однако такие названия не всегда удачны и зачастую не обозначают сам товар.

Содержание

Язык и национальное сознание

Романов Д.А. Эмоциональная аксиология россиян	с.3
Хорошко Е. Ю. Репрезентация концепта «память» в жанре русского романа	с.10
Булынина М.М. Фразеологизмы как индикаторы национального языкового сознания	с.17
Рубцова Ю. В., Воевудская О.М. Национально-культурная специфика концепта ХЛЕБ в русском и английском языках	с.21
Жданкина М. Е., Воевудская О. М. Концепт ИГРА во фразеологическом фонде русского и английского языков	с.27
Гоннова Т.В. Социолингвокультурный концепт «Труд» в русском языковом сознании	с.33
Катуков С.С. Языковая репрезентация концепта «брань»	с.34
Самарин А.В. Концепт «картинка по умолчанию» и выделение его в тексте	с.37
Фридман Ж.И. К вопросу о методике исследования социально - психологической лексики	с.39
Дикун Н.В. Интерпретационно-паремиологическое поле концепта удивление в русском языковом сознании	с.45
Зацепина Е.А. Исследование концептов "вежливость", "грубость" методом свободного ассоциативного эксперимента	с.50
Кулешова Д.В. Негативные свойства личности в вербальных репрезентациях немецкого языка	с.52
Морозова И.А. Объективация концепта "тоска" в русском языке	с.56
Полиниченко Д.Ю. Понятийный компонент лингвокультурного концепта «язык»	с.59
Розенфельд М.Я. Образ в смысловой структуре русского слова <i>год</i>	с.63
Тавдгиридзе Л.А. Объективация концептов «русский язык» и «английский язык» в коммуникативном сознании сельских жителей	с.66
Татаринова М.Е. Интенсификация сообщаемой о человеке информации посредством компаративных словосочетаний	с.71
Чубур Т.А. Опыт контрастивного анализа лексем со значением «перерыв в работе» в русском и английском языках	с.72
Шевченко М.Ю. Развитие концепта “культура” в русской концептосфере (по данным словарей)	с.77
Шаманова М.В. Общительный человек –какой?	с.85

Русский язык сегодня

Харченко В.К.О концепции демонстрационного словаря русского языка	с.90
Мещерякова Н.Н. Из наблюдений над категорией модальности	с.97
Белоусов Н.И. Контекстная обусловленность двойственных мотиваций	с.100
Катуков С.С. Структура ЛФП «брань» в русском языке	с.101
Смирнов Ф.О. Естественный язык и компьютер: деструктивное влияние или очередной этап эволюции?	с.105
Боженкова Н.А. К вопросу о взаимоотнесенности единиц текста	с.110
Вахтель Н.М. Семантика и прагматика заголовка-вопроса с вопросительными словами	с.112
Голицына Т.Н. Интерпретация «неизвестного» в русском языке	с.118
Иванова М.М. Наименование лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, в современном русском языке	с.121
Ильинская Е.Ю. Союз <i>а</i> как средство выражения противоположности в русском языке	с.122
Казак М.Ю. Исследование глубины деривационного процесса	с.126
Кожевникова И. Г. Семантический способ образования специальных номинаций в русской спортивной лексике	с.133
Курасова Е.В. Метафорический перенос при образовании семантических неологизмов	с.135
Поталуй В.В. Семантика единиц лексико-фразеологического поля «Наименования руководителей»	с.138
Пугач В. Н. Образный план фразеологической семантики и пути его формирования	с.141
Селезнева Г. Я. Жанры политической фразеологии	с.142
Селезнева Е.Г. Коммуникативные жесты и их отражение в русской фразеологии	с.146
Хаустова Э.Д. Фразеосочетания с названиями обуви в русском языке	с.148
Швец Е.В. Слово «ничего» в русском общении	с.153
Шилова Г.Е. Сужение и расширение значений иноязычных слов	с.156
Шохина И.И. Динамические процессы в глагольной лексико-семантической группе	с.158
Юмашева Г.Ю.К проблеме стилистических помет в лексикографических источниках	с.163

Язык художественного текста

Чарыкова О.Н. Глагольная метафора как фактор репрезентации динамики авторского мировосприятия в художественном тексте Грачёва Ж.В. Точка в художественной картине мира В.Набокова Фоминых Н.В. «И вот, великой силой жеста...»	с.170
Дьякова Л.Н. Коммуникативные особенности русской авторской песни	с.171
	с.180
	с.183

Проблемы общения в художественной литературе

Ананьевская И. В. Проблемы общения в пьесе Тома Стоппарда "Хэпгуд"	с.184
Вьюшина В.И. Формы коммуникативного поведения в романе Дж. Алдайка «Гертруда и Клавдий»	с.185
Жиронкина С.Д. Общение и взаимоотношения героев в романе М. Юрсенар «Философский камень»	с.187
Пономарева О.Н. Роль диалога в малой прозе Генриха Бёлля	с.189
Чернышова М. В. Формы литературного общения и литературные нравы эпохи в новелле В. Гауфа «Последние рыцари Мариенбурга»	с.191
Воротникова А.Э. Концепция взаимоотношений полов и проблема языка в романе И. Бахман «Малина»	с.194

Русский язык глазами студентов

Лебедева А. Концепты «семья» и «family» в русской и английской концептосферах	с.196
Артемьева Н. Объективация концепта «верба» в современном русском литературном языке и в воронежских говорах	с.198
Сазонова Н. Символическое значение слова «ива» в песенных текстах	с.199
Демченко Ю. Акустическая характеристика голоса персонажей как отражение гендерных стереотипов в художественном тексте	с.201
Жуленёва Е. Параметры оценки эффективного интернет-общения	с.202
Мелехова Н. Жанрово-композиционная модель телевизионной программы исповедального цикла	с.204
Пугачёва М. Особенности коммуникации в условиях исповедального дискурса	с.207

Федина И. Телевизионные заголовки (на материале программы «Намедни»)	c.209
Шустова Е. Прецедентные высказывания в «русском» сериале как способ отражения этнокультурных реалий	c.210

Русский язык глазами школьников

Оплачко Д., Рудиков А., Стадников М., Литвиненко Е. ТЫ и ВЫ в общении	c.213
Астапова О. Общение с ребенком в рассказе Ф.М.Достоевского «Мальчик у Христа на елке»	c.214
Зеленова О. О чистоте русского языка	c.215
Яковлева М. Новые иностранные слова в русском языке	c.218
Покачалова О. Лексико-синтаксические особенности перевода повести Пушкина на английский язык	c.218
Санина С. Языковой паспорт кандидатов в депутаты	
Государственной Думы и на пост мэра города Воронежа	c.219
Сек А. Состав и функции школьного жаргона	c.221
Слинько Е. Менталитет русского человека в пословицах и фразеологии	c.222
Фетисова Н. Невербальное коммуникативное поведение литературных героев	c.223
Демина А. Выразительность речи политиков	c.225
Чернышова А.Н., Оганесова Д. Отражение проблем общения в местной печати	c.226
Чечина Л. Эпитет золотой в названиях продуктов питания	c.226
Содержание	c.228